

АНДЖЕЛА ДЭВИС
ЖЕНЩИНЫ. РАСА, КЛАСС

WOMEN, RACE, CLASS
ANGELA Y. DAVIS
Random House, New York
1981

Перевод с английского.

Общая редакция *Д. А. Лисоволика*

Москва. Прогресс, 1987

ББК 66.74 (7США) Д94

Переводчики *Л. Голден, М. Шкундин,*

Редактор *А. П. Кандалицев*

Дэвис А.

Д94

Женщины, раса, класс: Пер. с англ./Общ. ред. Д. А. Лисоволика; Предисл. Я. Н. Засурского.— М.: Прогресс, 1987.— 280 с.

Книга посвящена положению женщин в семье, обществе, их борьбе за свои права, истории женского движения в США в целом. Центральное место в ней уделено борьбе черных женщин США за свое освобождение, а после отмены рабства — за полное равенство.

Книга написана популярно и увлекательно. Ее с интересом прочтут не только специалисты-обществоведы, но и широкий круг читателей.

Д 4703000000—207 / 006(01)-87 // 17-86

ББК 66.74 (7США)

© 1981 by Angela Y. Davis. This Translation published by arrangements with Random House, Inc.

© Перевод на русский язык с незначительными сокращениями, дополнениями, предисловие, примечания, издательство «Прогресс», 1987

© Фото автора. Филипп Холсм

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемой советскому читателю работе Анджелы Дэвис привлекает не только новизна и оригинальность темы, но и личность автора — талантливой и смелой женщины, символизирующей упорство и непреклонность прогрессивных сил Америки в борьбе за равноправие женщин, против расизма, апартеида, за мир и прогресс во всем мире.

Анджела Дэвис, являющаяся одним из активных деятелей Коммунистической партии США, пользуется огромной, популярностью в нашей стране, во всем мире. Анджела Дэвис неоднократно приезжала в Советский Союз, она избрана почетным доктором Московского и Ташкентского университетов.

Еще в юности Анджела Дэвис стала интересоваться проблемами развития современного общества. В годы учебы в Университете Брандиса (США) она проявила интерес к французской литературе и, получив специальную стипендию, уехала для продолжения учебы во Францию. Вначале ее увлекали проблемы экзистенциализма, особенно работы Сартра и Камю. Чтобы понять законы общественного развития, она решила глубже изучать философию и продолжила учебу во Франкфурте-на-Майне. Там Анджела Дэвис ближе познакомилась с марксистско-ленинским учением, со многими работами Маркса. Вернувшись в США, она продолжила свои занятия в Университете штата Калифорния в Сан-Диего под руководством известного немецкого философа Герберта Маркузе.

Однако Анджела Дэвис не стала пропагандисткой и проповедницей маркузианства. Она стала коммунисткой. Это был непростой путь. Ей пришлось преодолеть влияние буржуазных теоретиков и сторонников левацких тенденций. Об этом она очень откровенно и подробно рассказывает в своей «Автобиографии» — книге, также переведенной на русский язык. Этот непростой путь, упорное стремление к познанию истинных законов развития современного общества привели Анджелу Дэвис к идеям марксизма-ленинизма, к коммунистическим идеалам. Именно с этих позиций и написана книга.

Анджела Дэвис как ученый занимается также проблемами эстетики, искусства, музыки, той ролью, которую она сыграла в борьбе черных американцев за освобождение. «Со времен рабства музыка помогала нам», — подчеркивает она.

Силы реакции постоянно подвергают Анджелу Дэвис преследованиям за ее выступления в защиту мира, против милитаризма, бесправия, расовой дискриминации. Наперекор этим репрессиям Анджела Дэвис решительно борется за освобождение трудящихся от гнета монополий и корпораций, завоевывая этим признание у широких слоев населения. Об этом свидетельствует, например, кинофильм «Братья», прототипом главного героя которого является Анджела Дэвис. Она помогала в работе создателям этого фильма, основная мысль которого — единство белых и черных в борьбе за дело трудящихся. «Но этот фильм, — говорит Анджела Дэвис, — не получил широкого распространения: он считался в Америке слишком опасным».

Борьба против расовой дискриминации, как и борьба за права женщин являются частью массового демократического движения в США. В новой редакции Программы КПСС подчеркивается: «В борьбу против засилья монополий, реакционной политики правящих классов все активнее включается интеллигенция, служащие, фермерство, представители городской и мелкой буржуазии, национальных меньшинств, женские организации, молодежь и студенчество».

Изучение борьбы против расизма и дискриминации женщин в тесной связи с борьбой рабочего класса позволяет увидеть новые резервы массового демократического движения в США. В книге Анджелы Дэвис дается марксистско-ленинская трактовка малоисследованной и актуальной проблемы в форме публицистики, что облегчает чтение этой интересной и яркой книги.

А. Дэвис стремится не только выявить корни, причины расизма и дискриминации женщин в капиталистическом обществе, но и показать подлинные пути решения этих сложных вопросов.

Новый труд Анджелы Дэвис «Женщины, раса, класс» — это своеобразное продолжение ее политической, преподавательской и общественной деятельности. Я встречался с Анджелой Дэвис осенью 1984 года в университетском городке Беркли, в Калифорнии, в здании газеты американских коммунистов «Пиплз уорлд». Жизнерадостная и энергичная, Анджела Дэвис вела тогда предвыборную кампанию: она была выдвинута кандидатом в вице-президенты от Коммунистической партии США. В ответ на мой вопрос о том, как была написана книга «Женщины, раса, класс», Анджела Дэвис сказала, что книга буквально выстрадана ею и в известной степени является итогом не только ее кропотливых исследований, но прежде всего — политической общественной борьбы.

Анджела Дэвис сочетает большую политическую и общественную работу с преподавательским трудом в Университете Сан-Франциско и в Институте искусств Сан-Франциско, где она читает лекции по проблемам женского движения, истории афроамериканских женщин и ведет курс «Женщины, раса, класс».

Анджела Дэвис считает, что сегодня в Америке женское движение укрепилось, его главной опорой стал рабочий класс в отличие от 1960-х годов, когда движением, по сути дела, управляли феминистки. В настоящее время особенно активную роль играет организация «Женщины за расовое и экономическое равенство», с которой сотрудничает Анджела Дэвис. Эта организация привлекает женщин всех рас и этнических меньшинств, заметно способствует росту их классового самосознания. «Экономическое наступление монополий сыграло свою роль, — говорит Анджела Дэвис, — заставив людей понять, что женское движение должно выступить против реакции и против нынешней администрации». Она с возмущением цитирует слова президента США: «Если бы столько женщин не просили работы, было бы меньше безработных». В действительности же женщины вынуждены работать, чтобы содержать свои семьи, потому что их мужья не в состоянии этого сделать одни, а рост безработицы

ударяет в первую очередь по более слабым — по черным американцам и женщинам.

Анджела Дэвис в ходе своей кампании во время президентских выборов активно выступала за сокращение военных расходов. «Если бы удалось добиться этого сокращения, — говорит она, — можно было бы перестроить города, построить больницы, ввести бесплатную медицинскую помощь». Гонка вооружений, в которой задают тон США, ведет к сокращению рабочих мест.

«Главным вопросом, вопросом вопросов, — говорит Анджела Дэвис, — является вопрос о мире... На каждом миллиарде военных расходов теряется 1300 рабочих мест».

Анджела Дэвис в книге «Женщины, раса, класс» заостряет внимание прежде всего на одной из самых актуальных социальных проблем США — на положении женщины. Сегодня в Соединенных Штатах Америки женское движение становится все более популярным: теоретики неофеминизма выступают на авансцене американской публицистики. Их призывы к освобождению женщин сочетаются с призывами к борьбе против семьи, против мужского превосходства, за весьма своеобразное понимание равенства. К американскому неофеминистскому движению применимы ленинские оценки, на которые ссылается Клара Цеткин. «Ленин, — писала она, — со всей решительностью отвергал феминистские тенденции, вовлекающие женщин, стремящихся к

свободе, на ложный путь борьбы между полами»¹.

Конечно, в современном феминистском движении есть и положительные начала. Это движение ведет борьбу за права женщин, за ликвидацию их неравноправного положения. Ведь в Соединенных Штатах Америки женщины не имеют даже юридического равенства с мужчинами. Однако советы, которые предлагают феминистки, часто наивны: они рассматривают женское движение в отрыве от классового борьбы в американском обществе. Анджела Дэвис, критически анализируя такие формы женского движения, указывает на их недостатки.

Каково же положение женщин в сегодняшних Соединенных Штатах Америки? Обратимся к американскому справочнику «Мировой альманах», который ежегодно издается американской ассоциацией газетных предприятий. В 1981 году в разделе, посвященном женщинам, говорилось, что «самым шокирующим статистическим показателем является отсутствие изменений в заработной плате женщин: женщины все еще зарабатывают только 59 центов на каждый доллар, который за ту же работу получают мужчины»². По данным того же ежегодника за 1982 год, 67%, из лиц, находящихся ниже черты бедности, составляют женщины³.

В США женщины до сих пор рассматриваются при найме на работу как неполноценная рабочая сила. Несколько лет назад в США была предпринята попытка добиться принятия закона о равных с мужчинами правах женщин. После длительных и острых дебатов американский сенат 22 марта 1972 года 84 голосами против 8 одобрил 27-ю поправку к конституции США, запрещающую дискриминацию женщин. Этот законопроект получил название Акта о равных правах. Для того чтобы стать законом, войти в действие, требовалась его ратификация законодательными органами штатов. Но этого не было сделано. Власти необходимого большинства штатов не поддержали Акт о равных правах, против которого выступили представители крайне правых сил.

В США, таким образом, и сегодня нет ни юридического, ни фактического равенства женщин.

Еще острее стоит на повестке дня проблема расовой дискриминации. Акт о гражданских правах 1964 года предусматривал устранение этого позорного явления, но это было лишь на бумаге. На деле в Соединенных Штатах Америки против черных американцев предпринимаются самые суровые дискриминационные меры. Возьмем, к примеру, безработицу. Летом 1983 года в США 15% всего трудоспособного населения были лишены работы. А среди черных американцев безработица превысила 20%. В особенно тяжелом положении оказались молодые черные американцы. Безработица среди них достигла 75% при показателе 35% для всей молодежи.

Высок уровень безработицы и среди женщин. Это особенно ощутимо, когда дело касается беднейших слоев как черного, так и белого населения США. Именно поэтому в книге А. Дэвис борьба против дискриминации женщин и расовой дискриминации рассматривается в тесной связи с борьбой против капиталистической эксплуатации. Анджела Дэвис затрагивает эти проблемы, важные и для всего международного коммунистического движения. В связи с этим уместно напомнить Основной документ, принятый на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве 17 июня 1969 года. В нем говорилось:

«Важной чертой нашей эпохи является массовое участие женщин в классовой борьбе, в антиимпериалистическом движении, в частности, в борьбе за мир... увеличивается число женщин, занятых в производстве и других сферах деятельности, растет их политическое сознание, усиливается их борьба за экономические и социальные права. Трудящиеся женщины требуют покончить со всякой дискриминацией в оплате их труда, полного равенства в гражданских правах, мер в защиту материнства и т. д. Они все активнее участвуют в боях рабочих и демократических сил, все большее их число вступает в профсоюзы. Коммунистические партии, в деятельности которых на равных правах участвуют женщины, решительно поддерживают их требования и рассматривают дело эмансипации женщин как важный элемент общего демократического движения»⁴

Анджела Дэвис опирается в своем исследовании на труды основоположников марксизма-ленинизма, на работы историка-коммуниста Герберта Аптекера, на книги Фредерика Дугласа и Уильяма Дюбуа, одновременно выступая против тех «теоретиков», которые искажают реальное положение дел в американском обществе. Она критикует и сторонников современного феминизма, отвергая их экстравагантность и неэффективность тех форм социальной борьбы, которые они предлагают.

Еще более непримиримо Анджела Дэвис выступает против фальсификаторов. Она подвергает острой критике труды Дэниела Мойнихена, ныне сенатора, занимающего крайне правые и расистские позиции. Именно он отстаивает теорию матриархата, который-де господствовал в семьях черных американцев. Анджела Дэвис доказательно отвергает эти домыслы, противопоставляя им документы, факты, показывающие жизнеспособность черной семьи, которую ее члены пытались сохранить даже в бесчеловечных условиях рабства.

Обращаясь к истории борьбы черных американцев за свободу, она рассказывает, какой трудной и тяжелой была судьба черной женщины-рабыни в Америке. Когда было принято, например, решение, запрещающее ввоз африканцев в США, в южных штатах были приняты декреты, которые лишали рабынь прав на своих детей.

В бесчеловечных условиях рабства и наперекор им формировался характер черной женщины, способной бороться и преодолевать самые большие трудности. Рабыни передали в наследство своим потомкам, свободным черным женщинам, упорство, настойчивость и уверенность в себе, стойкость в борьбе за права женщин — те духовные качества, которые стали критериями новой женственности.

Обращаясь к истории аболиционистского движения, А. Дэвис показывает, что оно сопровождалось развитием и ростом движения за равноправие женщин. Одновременно с созданием американской антирабовладельческой организации возникали женские антирабовладельческие общества (в 1832 году — в Сейлеме, штат Массачусетс, в 1833 году — в Филадельфии). Объединяясь в антирабовладельческой борьбе, женщины одновременно начинали движение и за свои права.

А. Дэвис отмечает особо важную роль рабочего класса в борьбе за права женщин, против расовой дискриминации. Она подчеркивает, что среди рабочих уже на ранних этапах развития американского капитализма было много женщин. Жестокая эксплуатация работниц, которые должны были ежедневно трудиться по 12—18 часов, вынуждала этих американок бастовать. Женские организации выступали одновременно и против дискриминации женщин, их сверхэксплуатации на фабриках, и против рабства черных американцев — в этом была тесная связь рабочего движения трудящихся с движением против рабовладения и за

¹ Цеткин, Клара. Заветы Ленина женщинам всего мира. М., Политиздат, 1974, с. 6.

² The World Almanac and Book of Facts, 1981. N. Y., p. 277

³ The World Almanac and Book of Facts, 1982. N. Y., p. 253.

⁴ Международное Совещание коммунистических и партий. Документы и материалы. Москва, 5-17 июня 1969 г. М., 1969, с. 309.

эмансипацию женщин.

Рассматривая историю аболиционистского движения, Анджела Дэвис видит и его социальную ограниченность: белые аболиционисты, выступая против рабства черных и поддерживая движение за равенство женщин, не осуждали эксплуатации белых рабочих на Севере. А. Дэвис указывает на ограниченность действий суфражисток, которые, выступая за эмансипацию женщин, противопоставляли эту борьбу стремлению добиться освобождения черных от рабства. Элементы расизма в суфражистском движении критикуются Анджелой Дэвис убедительно и бескомпромиссно. В США и по сей день широко распространены расистские идеи, оправдывающие дискриминацию черных американцев. Они открыто либо в завуалированной форме распространяются и навязываются средствами массовой информации — печатью, телевидением, радио — и лежат в основе расхожих шовинистических пропагандистских штампов, внедряемых в массовое сознание. Эти стереотипы пронизывают буржуазную пропаганду и влияют на расовые отношения в США. Как справедливо подчеркивает Анджела Дэвис, они способствуют подрыву единства рабочего класса.

Особое внимание Анджела Дэвис уделяет созданному расистами мифу о «черном насильнике». Этому посвящены специальные главы, которые особенно важны и интересны в свете того, что сейчас в США и ряде стран Запада искусственно распространяется лозунг борьбы против изнасилований. Ему посвящаются многочисленные «научные» труды, в которых наряду с банальными призывами бороться против преступлений на сексуальной почве встречается много материалов, рассчитанных на дурной вкус, сенсационность и коммерческий успех. Анджела Дэвис, критикуя такое отношение к острой проблеме, показывает, что насилия, которым подвергаются женщины, являются одной из форм классового угнетения. А миф о «черном насильнике», который занимает особое место в концепциях расистов США, оправдывал не только расовую дискриминацию, но и самые дикие расправы, чинимые над черными американцами.

Рассматривая историю возникновения этого мифа, Анджела Дэвис показывает, что его появление относится к периоду после Гражданской войны, и видит в этом определенную логику.

А. Дэвис подчеркивает, что во времена рабства черных мужчин не считали насильниками. На протяжении всей Гражданской войны, когда многие белые мужчины были в армии, ни одного черного мужчину не обвинили публично в изнасиловании белой женщины. Ссылаясь на Фредерика Дугласа, Анджела Дэвис пишет, что, если бы черный мужчина и впрямь обладал врожденным стремлением к изнасилованиям, этот инстинкт должен был бы особенно активизироваться в период, когда белые женщины оставались дома беззащитными, без мужчин, сражавшихся в армии рабовладельцев Юга. Однако этого не произошло. Надуманный образ «черного насильника» возник после Гражданской войны. Линчевания, которые во времена рабства применялись для расправы с белыми аболиционистами, теперь стали использоваться как политическое оружие против черных, а миф о «черном насильнике» служил лучшим предлогом для расправы. В связи с этим Анджела Дэвис резко критикует и суфражисток конца XIX века, и современных феминисток, которые поддерживали эти стереотипы. Она цитирует высказывание Френсис Уиллард, которая возглавляла Христианский союз умеренных женщин: «Кабак для негра — источник силы. Виски, и побольше — характерный вопль большинства черномазых. Цветная раса множится, как саранча в Египте, алкоголь — источник ее силы. Безопасность женщин, детей, семей оказывается под угрозой в тысячах районов — белые люди не смеют ни на шаг отойти от своего дома».

Анджела Дэвис решительно критикует абсурдные утверждения Э. Кливера, который называл изнасилование проявлением «мятежного акта» черных против белого общества. В своей «Автобиографии» А. Дэвис резко отвергала подобные расовые «аргументы», показывая, что они широко использовались расистами и привлекались для оправдания расистских тезисов, направленных против освобождения движения черных.

Анализ существующих в США стереотипов черных американцев, проведенный Анджелой Дэвис в предлагаемой книге, особенно важен для нас сегодня, когда во всем мире ведется активнейшая борьба против расистской пропаганды. В 1978 году ЮНЕСКО приняла Декларацию об основных принципах, касающихся вклада средств массовой информации в укрепление мира и международного взаимопонимания, в развитие прав человека в борьбу против расизма, апартеида и подстрекательства к войне. Эта Декларация предусматривает решительную борьбу против расизма. Характерно, что американские буржуазные средства массовой информации приняли эту Декларацию в штыки.

Большое внимание уделяет Анджела Дэвис женщинам, посвятившим свою жизнь классовой борьбе. Одна из наиболее ярких глав ее книги посвящена коммунисткам. Анджела Дэвис пишет о людях, которые ей особенно дороги. Это героические женщины, которые в рядах Коммунистической партии США боролись за социальное и расовое освобождение, за права женщин. Люси Парсонс, черная американка, муж которой участвовал в знаменитых чикагских событиях в мае 1886 года, за что был казнен, посвятила свою жизнь борьбе за освобождение черных американок, став членом Коммунистической партии США. «Матушка» Блур, Анита Уитни, Клаудиа Джонс, Элизабет Герли Флинн — имена этих коммунисток широко известны благодаря их мужеству и воле в борьбе против реакции, против всех форм несправедливости.

В работе А. Дэвис выделены еще три важных аспекта в современном женском движении: контроль над рождаемостью, положение женщины — домашней хозяйки и перспективы борьбы за права женщин.

Анализируя вопрос о контроле над рождаемостью, Анджела Дэвис останавливается на случаях, когда такой контроль государства оборачивается геноцидом против представительниц национальных меньшинств и бедных трудящихся женщин. В связи с этим автор отмечает, что эти обстоятельства современные феминистки не всегда учитывают в своей борьбе за право на аборт и за контроль над рождаемостью.

Анджела Дэвис подвергает резкой критике теории мальтузианства, неомальтузианства и евгеники, которые в условиях США не раз использовались для того, чтобы попытаться если уж не лишить, то, по крайней мере, ограничить развитие рода черных американцев. В связи с падением рождаемости среди белых американцев в начале XX века президент Теодор Рузвельт в 1905 году заявил, что должна быть достигнута «чистота расы». Такого рода высказывания, подчеркивает Анджела Дэвис, питали и питают расистскую идеологию. Нужно сказать, что Т. Рузвельта поддержали некоторые деятели феминистского движения, которые отделяли себя от черных женщин и женщин-работниц.

Оправдывая принудительные формы контроля над рождаемостью среди черных американцев, Американская федерация контроля над рождаемостью цинично заявила: «Негритянские массы, особенно на Юге, до сих пор живут беззаботно... В результате численность негров катастрофически быстро растет (по сравнению с белым населением). Так как черные менее «приспособлены», они реже могут правильно воспитывать детей». Такого рода тезисы буржуазной пропаганды всегда были оправданием расизма и геноцида.

Анджела Дэвис подчеркивает, что движение за контроль над рождаемостью в конечном счете превратилось в средство

поддержки империалистической и расистской демографической политики правительства США. В ее книге приводятся ужасающие факторы насилия над черными женщинами, совершаемого американскими врачами в наше время. Речь идет о принудительной стерилизации черных женщин в США в 70-е годы. Все это стало возможным потому, что «идеи» расистов тесно переплетаются с политикой правящих кругов США.

Книга Анджелы Дэвис многопланова, она охватывает многие проблемы, которые еще недостаточно глубоко изучены марксистско-ленинской наукой. В определенной мере А. Дэвис идет дорогой первопроходца, поэтому естественно, что не все ее заключения бесспорны.

Особое место в книге занимает вопрос о судьбах современных американок. Анджела Дэвис говорит, что сегодня женщина в Соединенных Штатах Америки лишена прав, которые позволили бы ей проявить себя как личность. А. Дэвис подчеркивает, что в борьбе за свои права американским женщинам необходимо изучать ценный опыт решения проблемы женщин в Советском Союзе.

Написанная на большом научном материале, эта остро публицистическая книга помогает глубже понять особенности борьбы против расизма и борьбы за подлинное освобождение женщин в США.

Я. Н. Засурский

Я хочу выразить благодарность за помощь в работе над книгой:
Кендре Александер; Стефани Аллен; Розалин Баксандол; Хилтон Брэйтуайт;
Алве Буксенбаум; Фанни Дэвис; Кипп Харви; Джеймсу Джексону;
Филиппу Макджи, декану факультета этнографии Университета Сан-Франциско;
Салли Макджи, Виктории Меркадо; Чарлин Митчел; Тони Моррисон;
Эйлин Эйхарн; кафедре женских проблем Университета в Сан-Франциско.

Анджела Дэвис

От автора

Период (1976—1986), объявленный ООН Десятилетием женщины, наглядно показал, что женское движение в современном мире — это политическая сила, которую уже нельзя больше игнорировать. Женщины Советского Союза и других социалистических стран показывают своим сестрам, что объединенными усилиями они могут организовать серьезное мирное наступление. Женщины Южной Африки, Никарагуа и женщины-палестинки внесли существенный и неоспоримый вклад в борьбу за свободу и национальную независимость. Возросшая сознательность женщин США и других капиталистических стран настоятельно диктует необходимость добиваться радикальных социально-экономических перемен, гарантий обеспечения полного равенства женщин с мужчинами.

Женское движение в Соединенных Штатах — основная тема этой книги — имеет сложную историю, из печальных ошибок и замечательных достижений которой можно извлечь много полезного. Порой это движение сбивалось с пути, ведущего к подлинному равенству *всех* женщин, что было зачастую результатом пагубного влияния расизма и идей, чуждых интересам рабочего класса. Попытки изолировать движение за права женщин от борьбы против расового и национального угнетения, от движения рабочего класса в целом проявлялись на протяжении всей истории женского движения. Поэтому стремление афроамериканских женщин, женщин из рабочего класса и особенно коммунисток, участвовать в выработке требований движения за равноправие женщин часто игнорировалось.

После того как пост президента в январе 1981 года занял Рональд Рейган, женскому движению были нанесены серьезные удары. Администрация Рейгана одновременно повела наступление на рабочее движение, на права афроамериканцев, выходцев из стран Латинской Америки, коренных американцев — индейцев, а также иммигрантов из стран Азии и Тихого океана. Все это происходит на фоне растущей милитаризации экономики США, что чревато огромной опасностью, особенно в свете недавно принятых планов вывода ядерного оружия в космос. Администрация Рейгана вновь и вновь использует лживый тезис о «советской угрозе», пытаясь оправдать эту беспрецедентную гонку ядерных вооружений. Она также использует антисоветскую пропаганду, чтобы представить в более привлекательном свете свою враждебную политику в отношении борьбы народов Центральной Америки, Южной Африки и Ближнего Востока. Реакционная политика администрации Рейгана, направленная на свертывание завоеваний трудящихся, привела к тому, что огромная масса безработных и бездомных стала «привычной» к созданию социальных условий, способствующих росту расистского насилия и дискриминации женщин. Однако такая политика объективно породила массовые выступления против Рейгана. Растет понимание — в частности, и в женском движении, — что дискриминация по признаку пола и расы тесно взаимосвязана с эксплуатацией рабочих. И, пожалуй, самое важное заключается в том, что все больше и больше людей осознают взаимосвязь между проблемами женского движения и стремлением к миру.

В документе, представленном Коалицией женщин за встречу в Найроби Конференции ООН* и форуму неправительственных организаций в конце Десятилетия женщины, говорится: «Положение женщин в Соединенных Штатах не улучшается: наше положение ухудшается. Пропаганда и политика расизма, «холодной войны», дискриминации по признаку пола, антирабочего курса используются для того, чтобы узаконить милитаризацию и эксплуатацию, для того, чтобы разъединить и ослабить нас. Дискриминация по признаку расы и пола, возведенная в ранг государственной политики, негативно сказывается на общественных отношениях и подрывает нашу борьбу за экономическое и политическое равенство. Нельзя достичь ни экономического, ни социального прогресса, ни равенства женщин, пока наше общество несет бремя колоссальных военных расходов, пока нашим детям, нашим семьям и нашей собственной жизни угрожает ядерное уничтожение.

Коалиция женщин за встречу в Найроби считает, что объединение усилий на интернациональной основе, невзирая на расовые и другие различия, необходимо для обеспечения требований всех женщин. Мы, американские женщины, боремся за предоставление нам равенства, за экономическое развитие и, прежде всего за мир во всем мире».

Конечно, эта позиция была прямым вызовом делегации, посланной Рейганом и возглавлявшейся его дочерью — Морин. Эта делегация пыталась изолировать вопросы женского движения от таких глобальных проблем, как апартеид в Южной Африке, израильский сионизм и угроза, созданная стремлением США распространить гонку ядерных вооружений в космос.

Сейчас, как никогда раньше, насущной необходимостью стало изучение американскими женщинами ценного опыта решения проблем женщин в Советском Союзе. Беспрецедентные успехи в деле социального, экономического и политического равенства женщин были достигнуты именно благодаря революционному преобразованию общества в соответствии с потребностями и чаяниями рабочего класса. Дискриминация женщин, равно как и дискриминация по расовому и национальному признаку, несовместима с природой социалистического общества. Советские женщины, которые никогда не забудут ужасы войны Гитлера против их народа, служат нам постоянным напоминанием о том, что борьба за равенство женщин должна быть неразрывно связана с борьбой за мир.

А. Дэвис

* * Имеется в виду Всемирная конференция по подведению итогов Десятилетия женщины.

Заявление видного американского ученого Ульриха Б. Филлипса в 1918 году о том, что рабство на старом Юге в огромной степени цивилизовало африканских дикарей и их родившихся уже в США потомковⁱ, положило начало длительной и страстной дискуссии. Шли десятилетия, страсти накалялись, историки один за другим объявляли, что именно ему удалось объяснить подлинное значение этого «особого института». Но при всей этой научной активности никто не затрагивал особого статуса *женщины-рабыни*. Бесконечные попытки доказать ее склонность к «половой распущенности» и тяготение к «матриархату» скорее затемняли, чем проясняли положение, в котором находились черные женщины во времена рабства. Герберт Аптекер является одним из немногих ученых, попытавшихся выработать более реалистический подход к пониманию доли женщины-рабыниⁱⁱ.

В 70-е годы XX века дискуссия о рабстве вспыхнула с новой силой. Юджин Дженовезе опубликовал книгу «Теки, Иордан, теки. Мир, созданный рабами»ⁱⁱⁱ. Появились книги Джона Блэссингеяма «Община рабов»^{iv}, Р. Фогеля и С. Энгермана «Время на кресте»^v, монументальное исследование Герберта Гутмэна «Порабощенная и свободная черная семья»^{vi}. В связи с возобновившейся дискуссией Стэнли Элкинс решил опубликовать дополненное издание своего труда «Рабство»^{vii}, впервые увидевшего свет в 1959 году. В этом потоке публикаций особенно заметно ощущалась необходимость книги, специально посвященной положению рабынь. Те, кто ожидал серьезного исследования о черной женщине во времена рабства, остались разочарованными. Традиционно обсуждались вопросы о соотношении распущенности и брачных отношений, насильственных и добровольных связей с белыми мужчинами, а положению черных женщин уделялось совершенно недостаточное внимание.

Из всех этих исследований наиболее содержательным является труд Герберта Гутмэна, посвященный изучению черной семьи. Г. Гутмэн на документальной основе убедительно доказал, что жизненная сила такой семьи оказалась прочнее, чем бесчеловечные оковы рабства, опровергнув тем самым концепцию Дэниэла Мойнихэна и его единомышленников^{viii} о черном матриархате, выдвинутую ими в 1965 году. Основные положения исследования Г. Гутмэна о положении рабынь подтверждают их склонность к семейной жизни, однако легко можно сделать и такой вывод: черные рабыни отличались от белых женщин лишь тем, что их стремление к домашнему очагу было ограничено системой рабовладения. Г. Гутмэн показывает, что, хотя институты, созданные нормами рабовладельческого общества, предоставляли черным женщинам большую свободу добрых отношений, рабыни охотно вступали в брак и создавали семейный очаг. Хорошо документированные доказательства Г. Гутмэна, опровергающие тезис о матриархате, чрезвычайно важны. Но его книга значительно бы выиграла, если бы он всесторонне рассмотрел роль, которую черные женщины играли как в семье, так и внутри общины рабов.

Такое исследование принесло бы неоценимую пользу. Оно необходимо не только для воссоздания исторической правды. Полезные уроки можно извлечь из изучения периода рабства и для продолжающейся борьбы черных женщин и всех-женщин вообще за свое освобождение. Я же лишь попытаюсь предложить некоторые рабочие гипотезы, которые, возможно, позволят переосмыслить историю черных женщин во времена рабства.

Доля черных женщин, работающих вне дома, всегда была значительно выше, чем у их белых сестер^{ix}, Бремя тяжелой работы, которое сегодня несет черная женщина, было таким же непосильным еще в начальный период рабства. Принудительный труд определял все стороны жизни рабыни. Поэтому, начиная исследование жизни черных женщин в условиях рабства, следует основываться на их роли тружениц.

В условиях рабовладения черные считались рабочим скотом, приносящим доход, причем женщины — не меньше, чем мужчины, и для рабовладельца их пол был безразличен. Как отмечал Кеннет Стэмп, в глазах своего владельца рабыня была прежде всего рабочей силой и лишь после этого женой, матерью и хозяйкой дома^x. Возникшим в XIX веке представлениям о критериях женственности, подчеркивавшим роль женщины как матери-воспитательницы, кроткой спутницы жизни домохозяйки при муже, черные женщины, как правило, не соответствовали.

Хотя черные женщины и имели некоторые из сомнительных выгод такой оценки роли женщин, иногда утверждают, что типичной же ролью рабыни была роль домашней прислуги — кухарки, горничной или няньки для детей в «большом доме». Дядя Том и Самбо, которые всегда находили преданных спутниц — тетушку Джемиму и Черную маму, — стереотипы, претендовавшие на раскрытие образа черной женщины во времена рабства. Как это часто бывает, действительность прямо противоположна мифу. Как и большинство рабов, большая часть рабынь трудилась на плантациях. Если в «пограничных штатах» значительная часть рабов была домашней прислугой, то рабы на Юге — заповеднике рабовладельцев — работали в основном в сельском хозяйстве. Примерно в середине XIX века семь из восьми рабов, как мужчин, так и женщин, работали на плантациях^{xi}. И мальчики, и девочки, достигшие определенного возраста, должны были работать в поле, собирать хлопок, резать сахарный тростник, убирать урожай табака. Пожилая негритянка Дженни Проктор в 1930-е годы вспоминала, как ее в детстве принуждали к работам на хлопковой плантации в штате Алабама:

«Мы жили в дырявых хижинах из жердей, щели которых кое-где были залеплены грязью и мхом. Вместо кроватей у нас были нары из жердей с наваленным на них тряпьем. Конечно, спать было неудобно, но даже это давало отдых нашим уставшим мышцам после долгого и тяжелого дня на плантации. Я нянчила детей, когда была совсем маленькой, и старалась убирать в доме, как приказывала мне старая мисс. Как только мне исполнилось десять лет, старый хозяин сказал: «Отправьте эту черномазую в поле»^{xii}

Детская доля Дженни Проктор, упомянутая выше, была типичной. Для большинства девушек и женщин, так же как и для большинства юношей и мужчин, делом был тяжелый труд па полях от зари до зари. Все они работали под страхом бича. В этом смысле угнетение женщин не отличалось от угнетения мужчин.

Но женщины-рабыни испытывали и другие страдания: они становились жертвой половых насилий и других варварских истязаний, которые только могут быть причинены женщине. К своим рабыням хозяева относились, исходя лишь из соображений выгоды: когда было прибыльно, эксплуатировать рабынь так же, как и мужчин, на них смотрели в сущности как на бесполое существа; когда же их эксплуатировали, наказывали и угнетали именно как женщин, на их долю выпадали все мучения, которым можно подвергать только женщин.

Когда запрещение международной работорговли стало угрожать расширению молодой хлопкообрабатывающей промышленности, рабовладельцы были вынуждены положиться на естественный прирост рабов как самый надежный способ пополнения и увеличения своей рабочей силы. Поэтому стала высоко оцениваться детородная способность рабыни. С начала XIX века и до Гражданской войны черных женщин во все большей степени стали оценивать, исходя из их способности к деторождению (или ее отсутствию). Рабыня, которая могла стать матерью 10, 12, 14 или более детей, становилась желанным

сокровищем. Это, однако, не означало, что черные женщины как матери находились в более привилегированном положении по сравнению с теми, кто работал на плантации. Присущее представлениям о женственности восхищение материнством, столь характерное для XIX века, на рабов не распространялось. Рабовладельцы смотрели на рабынь вовсе не как на матерей. Для них рабыни были просто средством, обеспечивающим прирост рабской рабочей силы; «рабочим скотом», чья цена могла быть точно высчитана по способности воспроизводить себе подобных.

Так как рабыни считались «производительницами», то их детей могли отнять, как телят от коров, и продать. Год спустя после запрещения ввоза рабов из Африки суд Южной Каролины постановил, что рабыни не имеют никаких юридических прав на своих детей. В соответствии с этим решением отобрать и продать детей у черных матерей можно было в любом возрасте, так как «дети рабов... находятся на том же уровне развития, что и другие животные»^{xiii}.

Рабыни, уже потому что были женщинами, оказывались уязвимыми для всех форм полового насилия. Если наиболее жестоким наказанием для раба были порка и избивание, то рабынь не только пороли и избивали, но и насиловали. По существу насилие было открытым выражением экономической власти рабовладельца и неограниченного произвола надсмотрщика над черными рабынями.

Крайне жестокое обращение с рабынями обеспечивало, таким образом, беспощадную эксплуатацию их труда, что в свою очередь побуждало рабовладельцев отказываться от своего традиционного отношения к рабыне как женщине, прибегая к насилию в качестве средства наказания. Если черных рабынь едва ли считали женщинами в общепринятом смысле этого слова, то и черные рабы в условиях рабовладельческой системы также лишались чувства мужского достоинства. Мужья и жены, отцы и дочери — рабы — в равной степени находились под ничем не ограниченной властью рабовладельца, и поэтому поощрение чувства мужского достоинства могло вызвать опасный для рабовладельца разрыв цепи подчинения. Более того, если черные рабыни не могли считаться слабым полом или домохозяйками, то и черные рабы не могли рассматриваться как главы семей, и в особенности как кормильцы. В конечном счете все рабы — будь то мужчины, женщины или дети — обеспечивали процветание класса рабовладельцев.

На хлопковых, табачных, кукурузных и сахарных плантациях рабыни трудились наравне с мужчинами, Барбара Вертхеймер в своей книге приводит воспоминания бывшего раба:

«Колокол звонил в четыре утра, и у рабов было полчаса, чтобы приготовиться к работе. Мужчины и женщины начинали работать одновременно, женщины должны были выполнять такой же объем работ, что и мужчины»^{xiv}.

Большинство рабовладельцев устанавливало системы подсчетов прибыли от своих рабов, для чего вводилась средняя норма производительности рабского труда. Для детей она зачастую составляла четверть взрослой. От женщин обычно требовали выработку, равную мужской. Если же рабыня выполняла роль «производительницы» или кормилицы, то норма несколько снижалась^{xv}.

Рабовладельцы, конечно, стремились к тому, чтобы их «производительницы» рожали так часто, как это возможно биологически. Но беременные или кормящие рабыни никогда не освобождались от полевых работ. Многих вынуждали оставлять грудных детей на земле, вблизи от места работы, однако некоторые рабыни отказывались оставлять своих детей без присмотра и пытались выполнять свою норму, привязав ребенка за спину. В документальном сборнике «Черные женщины в белой Америке» приводится описание подобного случая: «Одна молодая женщина в отличие от других не оставила своего младенца на краю поля. Она сшила из грубой парусины подобие мешка и, положив в него своего ребенка, носила его на спине весь день, наравне со всеми работая мотыгой»^{xvi}.

Работая на плантациях, многие женщины оставляли своих младенцев под присмотром малолетних детей или стариков, уже не способных к тяжелому труду на плантациях. Кормящие матери страдали от избытка грудного молока, так как не могли вовремя кормить своих младенцев. Мозес Грэнди в широко известном автобиографическом повествовании писал о печальной Доле рабынь-матерей:

«В имени, о котором я говорю, матери, имевшие грудных детей, тяжело страдали от излишка молока, когда их младенцы оставались дома. Поэтому они не могли работать наравне с другими. Я видел, как надсмотрщик избивал их кнутом из сырой кожи, и из груди текло молоко, смешавшись с кровью»^{xvii}.

А беременных женщин не только заставляли выполнять все обычные работы в поле, их так же избивали, как и всех других рабов, за невыполнение своей дневной нормы или за «дерзкие» протесты против бесчеловечного обращения с собой.

Мозес Грэнди вспоминал также, как «беременную женщину, совершившую в поле какой-нибудь проступок, вынуждают лечь в яму, выкопанную по форме ее тела, и избивают кнутом или старой лопатой, при этом от каждого удара лопается кожа. Одну из моих сестер наказали так жестоко, что у нее начались схватки, и ребенок родился прямо в поле. Надсмотрщик Брукс убил так девушку по имени Мэри на глазах у ее родителей, работавших на плантации»^{xviii}.

На некоторых плантациях и фермах к беременным женщинам относились не так жестоко. Однако это объяснялось не гуманными соображениями. Просто рабовладельцы дорожили здоровым новорожденным рабом так же, как теленком или жеребенком.

Накануне Гражданской войны, когда на Юге предпринимались робкие попытки индустриализации, рабский труд дополнял, а зачастую и конкурировал с трудом свободных. Рабовладельцы-промышленники эксплуатировали как взрослых, так и детей, и когда плантаторы и фермеры сдавали своих рабов «внаем», то женщины и дети требовались наравне с мужчинами^{xix}.

Роберт С. Старобин в книге «Промышленное рабство на старом Юге» писал:

«Рабы, — женщины и дети — составляли большую часть рабочей силы на текстильных, табачных и конопляных фабриках.

...Иногда они работали и в таких «тяжелых» отраслях промышленности, как рафинирование сахара или помол риса... Труд рабов — женщин и детей — широко применялся и на других тяжелых работах — перевозка грузов, лесозаготовка и т. д.»^{xx}

Рабыни были недостаточно «женственны», чтобы не работать в шахтах, на сталеплавильных заводах, лесорубами или землекопами. На строительстве канала в Северной Каролине рабыни составляли не менее половины рабочей силы^{xxi}. Труд рабынь широко применялся на строительстве дамб в Луизиане и железных дорог на Юге, до сих пор находящихся в эксплуатации^{xxii}.

Рабынь использовали вместо вьючных животных для перевозки вагонеток в шахтах на Юге^{xxiii}. Все это напоминает описание ужасающего использования женского труда в Англии, данное К. Марксом в «Капитале». «В Англии для того, чтобы барку тянуть по навалу и т. д., иногда вместо лошадей все еще применяются женщины, потому что труд, необходимый для производства лошадей и машин, представляет собой математически определенную величину, труд же, необходимый для содержания женщин, из избыточного населения ниже всякого расчета»^{xxiv}.

Подобно британским коллегам, промышленники-южане не делали секрета из причин, побуждавших их использовать на своих предприятиях труд рабынь: их содержание обходилось значительно дешевле, чем рабов-мужчин или свободных рабочих^{xxv}.

Черные женщины, от которых владельцы требовали выполнения той же работы, что и от рабов-мужчин, тяжело страдали от бесчеловечных условий своей жизни. Без сомнения, отдельные рабыни были этим сломлены и покорились, однако большинство выдержало и с течением времени приобрело качества, считавшиеся «запретными» по принятым в XIX веке представлениям о женственности. В книге К. Стампа приводятся впечатления Фредерика Олмстеда, путешественника, побывавшего на Юге и увидевшего группу рабынь, возвращавшихся домой с плантации в Миссисипи: «Я увидел впервые таких рослых и сильных женщин-негритянок, их было 40. Все были одеты в одинаковые простые платья голубого цвета; ноги и ступни — голые; у каждой на плече — мотыга; они гордо несли себя, идя свободно, мощно раскачиваясь, как охотники в лесу»^{xxvi}. Маловероятно, что эти женщины гордились выполненной под постоянной угрозой кнута работой, но они, должно быть, осознавали свою огромную силу — способность создавать и творить. Как писал об этом К. Маркс, «труд составляет естественное условие человеческого существования, условие обмена веществ между человеком и природой»^{xxvii}. Вполне возможно, что этот рассказ путешественника отдает расизмом патерналистского толка, но если это не так, то, возможно, эти женщины в тяжелейших условиях научились черпать жизненную силу для сопротивления ежедневному унижению рабства. Осознание огромной способности к тяжелому труду вселяло в них уверенность в возможности бороться за себя, свои семьи и свой народ.

Когда робкие шаги промышленного переворота кануна Гражданской войны сменились бурной индустриализацией, многие белые женщины лишились возможности заниматься производительным трудом. Текстильные фабрики превратили прялки в анахронизм, приспособления для изготовления свечей стали музейной редкостью, как и многое другое, помогавшее белым домохозяйкам производить предметы, необходимые для благосостояния их семей. По мере того как женские журналы и романтическая литература пропагандировали и распространяли новые представления о критериях женственности, белых женщин начали рассматривать вне сферы производительного труда. Промышленный капитализм, приведший к разрыву между семьей и экономикой, обусловил дальнейшее закрепощение женщины. Господствующая пропаганда сделала слово «женщина» синонимом понятий «мать» и «домохозяйка», что подразумевало неполноценность и зависимость. Но на черных рабынь эти понятия не распространялись. Рабовладельческая экономика находилась в противоречии с той системой отношений между мужчиной и женщиной, которая утверждалась буржуазной идеологией. Предпринимались значительные усилия для насаждения рабовладельческих представлений о черной семье как связанной только с матерью биологической ячейке. На многих плантациях в свидетельства о рождении вносились только имена матерей, а имена отцов опускались. По всему Югу законодательные собрания штатов руководствовались принципом, согласно которому ребенок наследовал положение матери. Это было сделано по требованию рабовладельцев, бывших зачастую отцами детей рабынь. Но было ли это также нормами, регулировавшими семейные отношения между рабами? Большинство исторических и социологических исследований о черной семье периода рабства исходит из того, что отказ хозяев признавать институт отцовства среди своих рабов послужил непосредственной причиной возникновения матриархальной семьи.

Получившее печальную известность правительственное исследование 1965 года «Негритянская семья», так называемый «доклад Мойнихэна», прямо связывает современные социальные и экономические проблемы черного населения с вымышленным матриархатом черной семьи. «По существу,— писал Дэниэл Мойнихэн,— негритянской общине насильно навязали матриархат, который, отличаясь от семейного уклада американского общества, серьезно задержал прогресс общины в целом и возложил огромное бремя на негров-мужчин и, как следствие этого, на большинство негритянок»^{xxviii}.

В докладе утверждалось, что источник угнетения коренился глубже, чем расовая дискриминация, которая порождает безработицу, трущобы, приводит к низкому уровню образования и медицинского обслуживания. Угнетение коренилось в «запутанном клубке патологии», который обуславливался тем, что у черных мужчин не было авторитета главы семьи! Вызывает возражения и заключение «доклада Мойнихэна», в котором автор призывает внедрять в черную семью и общину в целом концепцию «мужчины-хозяина», подразумевая под этим идею мужского превосходства.

Один из «либеральных» сторонников Д. Мойнихэна, социолог Ли Рейнуотер, не поддержал полностью рекомендаций доклада^{xxix}. Вместо них Л. Рейнуотер предложил идею создания новых рабочих мест, повышения заработной платы и другие экономические реформы. Он даже поддержал продолжавшуюся борьбу за гражданские права черных. Но, подобно большинству белых социологов, как, впрочем, и некоторых черных, он солидаризировался с тезисом о том, что рабство фактически разрушило черную семью. Из этого следует голословное утверждение, что для черной общины характерна «семья, где главой является мать, и центральное место в ней занимают ее отношения с детьми, а связи с мужчиной, отцом, слабы»^{xxx}. «Сегодня,— заявил Л. Рейнуотер,— мужчины зачастую не имеют своей крыши над головой, переезжая из одного дома, где у них родственники или любовная связь, в Другой. Они живут в ночлежках или меблированных комнатах, проводя время в общественных местах. Они не являются «главами семьи» в тех единственных «домах», где они бывают,— домах своих матерей и подруг»^{xxxi}.

Теорию о внутреннем вырождении черной семьи в условиях рабства придумали не Д. Мойнихэн или Л. Рейнуотер. Первая работа, в которой содержалась эта точка зрения, появилась в 1930-е годы и называлась «Негритянская семья»^{xxxii}. Ее автор, известный черный социолог Е. Франклин Фрезье, драматически описал разлагающее воздействие рабства на черных, но недооценил их способность противостоять грязным вмешательствам рабовладельцев в ту внутреннюю жизнь черной общины, которую она себе выковала. Е. Франклин Фрезье недооценил также и тот дух независимости и опоры на собственные силы, который были вынуждены развить в себе черные женщины, и поэтому констатировал, что «ни экономическая необходимость, ни традиция не привили (черным женщинам) чувства подчинения мужскому авторитету»^{xxxiii}.

Под влиянием полемики, развернувшейся после опубликования «доклада Мойнихэна», а также собственных сомнений в обоснованности концепции Фрезье к исследованию рабской семьи приступил Герберт Гутмэн. Примерно 10 лет спустя, в 1976 году, он опубликовал примечательную работу «Порабощенная и свободная черная семья»^{xxxiv}. Исследование Г. Гутмэна дало удивительные доказательства расцвета и развития семьи во времена рабства. Он открыл не пресловутую матриархальную семью, а семью, состоящую из жены, мужа, детей и зачастую других родственников, включая и не кровных.

Отказавшись от сомнительных эконометрических заключений Фогеля и Энгермана, заявивших, что рабство не затронуло большинства негритянских семей, Г. Гутмэн подтверждает, что бесчисленные семьи рабов были насильственно разрушены вследствие беспорядочной продажи мужей, жен и детей. Это позорным клеймом ложится на институт рабства в Северной Америке. Однако, пишет Г. Гутмэн, узы любви и привязанности, культура семейных отношений и страстное стремление сохранить семью выстояли перед разрушительным наступлением рабства^{xxxv}.

На основе писем и документов, таких, как свидетельства о рождении, где были обозначены имена как отцов, так и матерей, Г.

Гутмэн показывает, что рабы придерживались строгих семейных норм, причем они отличались от норм, регулировавших семейную жизнь белых, живших рядом. Запрет официальных браков, практика выбора имен для детей, формирование нравов, допускающих добрачные половые отношения,— все это отличало рабов от их хозяев^{xxxvi}. Ведя ежедневную отчаянную борьбу за сохранение семьи, за право на личную жизнь, рабы и рабыни проявили неисчерпаемый талант в сопротивлении всему, что их окружало, где все было направлено на превращение рабов в рабочий скот.

Повседневная жизнь рабов и рабынь — то, что они долгое время проживали вместе, признавали или отказывали в праве на отцовство, вступали в брак с женщиной, имеющей детей от неизвестных мужчин, называли ребенка по отцу или близким родственникам, расторгали неудачные браки — все это на практике, а не в теории находилось в противоречии с господствовавшими представлениями о рабе как вечном «ребенке» или укрощенном «дикаре»... Домашний уклад и родственные связи рабов, выросшие на этой исконной основе общины, сделали для их потомков очевидным тот факт, что рабы отнюдь не были неполноценными мужчинами и женщинами^{xxxvii}.

К сожалению, Г. Гутмэн не попытался определить подлинное положение женщины, в рабской семье. Показывая трудности создания семейной жизни как для рабов, так и для рабынь, Г. Гутмэн категорически выступал против одного из важнейших постулатов, на которых держится концепция матриархата. Однако он не опровергал решительным образом утверждения о доминирующей роли женщины в семье, где были оба супруга. Более того, его собственные исследования подтверждают, что жизнь рабов вне своих лачуг во многом была продолжением их семейной жизни. Следовательно, роль женщины в рабской семье в огромной степени должна была определяться ее социальным статусом в рабской общине в целом.

Большинство научных исследований рассматривает семейную жизнь рабов как институт, возвышающий женщину-мать и умаляющий статус мужчины-отца, даже в семьях, где были и мать, и отец. Так, Стэнли Элкинс пишет о том, что роль матери для ребенка, родившегося в семье рабов, во много раз больше, чем роль отца, так как именно на матери лежали заботы по дому, она готовила пищу, нянчила детей, чем и исчерпывались функции рабской семьи^{xxxviii}.

То, что рабовладельцы постоянно называли мужчин-рабов «мальчиками», отражало, по мнению Элкинса, неспособность рабов выполнять свои отцовские обязанности. Кеннет Стэмп, продолжая эту тему, идет еще дальше:

«...Типичная семья рабов была матриархальной по форме, так как роль матери была значительно важнее, чем отца. До тех пор пока семья сохраняется, именно женщина выполняет свои традиционные обязанности по уборке дома, приготовлению пищи, шитью одежды, воспитанию детей. Самое большее, чем был муж,— это помощником жены, ее компаньоном и сожителем. Зачастую его воспринимали как собственность жены (как Том при Мэри), такую же, как хижина, где они жили»^{xxxix}.

Разумеется, семейная жизнь имела огромное значение для определения рабами своего места в общественной жизни, так как только она реально давала им возможность ощутить себя людьми. Поэтому черные женщины, которые к тому же трудились наравне с мужчинами, в отличие от белых женщин не считали домашнюю работу чем-то унижительным. И, кроме того, их никогда нельзя было считать просто домохозяйками. Но переоценивать это и утверждать, что черные женщины, следовательно, властвовали над своими мужьями,— значит существенно исказить реальную жизнь рабов.

В очерке, написанном мною в 1971 году^{xl}, используя те немногие источники, которые были доступны в тюремной камере, я следующим образом охарактеризовала значение домашних функций для рабыни: «Выполняя тяжелую работу для удовлетворения потребностей членов своей семьи, рабыня занималась единственным видом трудовой деятельности, результаты которой в условиях рабовладения угнетатель не мог присвоить непосредственно и немедленно. Бесплатный труд на полях не имел для рабов какого-либо смысла. Для общины рабов как таковой лишь домашний труд имел значение...»

«Именно тяжелая работа долгое время в основном характеризовала зависимое положение женщин, ее социальный статус. Лишь такая работа могла обеспечить ей и ее семье некоторую долю независимости. Даже находясь под особым гнетом как женщина, она оказалась в центре общины рабов, от нее зависело выживание общины».

С тех пор для меня стало очевидно, что особый характер домашнего труда в условиях рабства, его определяющее значение для супружеской пары подразумевали необходимость труда мужчины. Рабы выполняли важные домашние функции и отнюдь не были, вопреки утверждениям Кеннета Стэмпа, просто помощниками своих жен. В то время как женщины, например, готовили или шили одежду, мужчины занимались огородом или охотились. Ямс, пшеница, различные овощи, так же как и дичь — кролики и опоссумы,— всегда были желанной добавкой к однообразному дневному рациону. Это разделение домашнего труда по половому признаку не представляется иерархическим. Труд мужчины, безусловно, не считался важнее труда женщин и вряд ли был менее значим. Оба были в равной степени необходимы. Более того, судя по всему, разделение труда между полами не было столь строгим: мужчина мог иногда работать по дому, а женщина — в огороде и, возможно, даже участвовать в охоте^{xli}.

Центральным вопросом в семейной жизни рабов является равноправие полов. Работа для самих себя, а не для хозяев, делалась и мужчинами, и женщинами поровну. Поэтому в своей семье и общине черные добивались заметных успехов. Они сумели трансформировать то негативное «равенство», которое навязывалось им, невзирая на пол, в позитивный фактор равноправия во внутриобщинных отношениях. Хотя главный тезис книги Юджина Дженовезе «Теки, Иордан, теки» (о том, что черная община приняла якобы патернализм, являющийся следствием ее рабской зависимости) в лучшем случае проблематичен, в книге содержится достоверная, хотя и неполная, картина семейной жизни рабов.

Роль рабыни как жены и хозяйки требует углубленного изучения. Предположение о мужчине как о госте в доме рабыни явно несостоятельно. Положение черной женщины, учитывая действительную роль черных мужей и отцов, было значительно более сложным, чем обычно это представлялось. Ю. Дженовезе считает, что отношение черных рабынь к домашней работе, особенно к приготовлению пищи, и осознание себя как женщины опровергают расхожее утверждение, что они невольно способствовали разрушению личности своих мужей, беря на себя заботу о доме, защите детей и другие, обычно выполняемые мужчинами, обязанности^{xlii}.

Хотя в этом описании и присутствует оттенок снисходительного отношения к женщинам и автор исходит из традиционного понимания критериев мужественности и женственности, он, однако, четко признает, что «то, что обычно рассматривалось как ослабление женского достоинства, на самом деле значительно ближе к подлинному равенству мужчин и женщин, чем это было возможно среди белых и, может быть, даже среди черных после Гражданской войны»^{xliii}.

Здесь наиболее интересным вопросом, хотя и не разработанным Ю. Дженовезе, является то, что рабыни часто защищали своих мужей от различных унижений рабовладельческой системы. Многие женщины, возможно, подавляющее большинство, пишет автор, понимали, что деградация их мужей отразится и на них. Более того, «рабыни хотели, чтобы их сыновья вырастали настоящими мужчинами, и прекрасно понимали, что для этого необходим пример сильного черного мужчины»^{xliiv}.

Их сыновьям необходим был высокий авторитет отца так же, как их дочерям — высокий авторитет матери.

Черные женщины несли не только непосильное бремя «равенства» угнетения, не только наравне с мужчинами создавали семью, но и на равных решительно боролись с бесчеловечным институтом рабства. Они давали отпор насилиям белых мужчин, защищали свои семьи и участвовали в забастовках и восстаниях. Так, Герберт Аптекер указывает в своем оригинальном труде «Восстания американских рабов»^{xiv}, что рабыни отравляли своих хозяев, совершали различные акты саботажа, вступали, как и мужчины, в общины маронов* и часто бежали на Север, где не было рабства.

Многочисленные описания зверств надсмотрщиков над рабынями свидетельствуют, что пассивное смирение с рабской долей было скорее исключением, чем правилом.

Фредерик Дуглас, вспоминая о безжалостных насилиях рабовладельцев во времена его детства^{xlv}, писал об избиваниях и пытках многих непокорных рабынь. Его двоюродная сестра, например, за попытку сопротивляться насилию надсмотрщика была чудовищно избита^{xlvii}. Рабыню тетушку Эстер жестоко выпороли за неповиновение хозяину, потребовавшему, чтобы она рассталась с любимым^{xlviii}. Одно из наиболее ярких описаний Ф. Дугласом безжалостных наказаний, полагавшихся рабам, связано с молодой рабыней Нелли, которую выпороли кнутом за «дерзость». Фредерик Дуглас так рассказывает об этом: «Временами казалось, что она возьмет верх. Но в конечном счете зверь-надсмотрщик одолел, ему удалось приковать Нелли к дереву. Теперь жертва была беззащитна перед безжалостным бичом. Во время ужасной экзекуции стоны беспомощной женщины соединялись с хриплой бранью надсмотрщика и рыданиями ее перепуганных детей. Когда несчастную отвязали, вся ее спина была залита кровью. Ее высекли жестоко, но она не смирилась и продолжала проклинать надсмотрщика, призывая на его голову все возможные кары»^{xlix}.

Вряд ли, резюмирует Ф. Дуглас, этот надсмотрщик еще раз осмелился выпороть Нелли.

Множество рабынь, как и Гарриет Табмэн**, бежали с рабовладельческого Юга на Север. Некоторым везло, но большую часть ловили. Одна из наиболее драматичных попыток побега была осуществлена совсем юной рабыней Энн Вуд, которая руководила вооруженной группой молодых рабов, вырвавшихся на свободу. Отправившись в путь в 1855 году накануне рождества, они наткнулись на охотников на рабов. Началась перестрелка, двое рабов было убито, однако остальные, судя по всем данным, прорвались на Север^l.

Аболиционистка Сара Гримке описывает историю женщины, сопротивлявшейся не столь успешно, как Энн Вуд. За многочисленные попытки побега от своего Хозяина в Южной Каролине эту рабыню избивали так, что «на ее теле не осталось живого места»^{li}. Однако она не смирялась и использовала любую возможность для побега с плантации. Тогда ее посадили на цепь, прикованную к тяжелому ошейнику, и вырвали передний зуб, чтобы опознать по этой примете в случае нового побега. При этом владельцы рабыни считались примерными христианами и занимались благотворительностью. С. Гримке пишет, что «эта несчастная рабыня, домашняя портниха, занимаясь шитьем или другой домашней работой, постоянно находилась на виду у своих хозяев, ее спина кровоточила, рот был изуродован, на шее — тяжелый железный ошейник, но это не вызывало у них ни малейшего сострадания»^{lii}.

Рабыни сами боролись и поддерживали сопротивление рабству других, используя любую возможность. При непрекращающихся репрессиях против рабынь неудивительно, пишет Г. Аптекер, что «негритянская женщина так часто участвовала в заговорах рабов»^{liii}.

Далее автор приводит высказывания беглых рабынь: «...Штат Виргиния, 1812 год: Она заявила, что, по ее мнению, выступление рабов не будет преждевременным, так как она предпочитает скорее оказаться в аду, чем оставаться рабыней. Штат Миссисипи, 1835 год: Она просила у бога, чтобы всему этому пришел конец, так как она устала, надрываясь на работе на белых...»

Теперь можно лучше понять беглую рабыню Маргарет Гарнер. Когда ее поймали около Цинциннати, она убила свою дочь и пыталась покончить с собой. Она радовалась, что ее дочь мертва и уже «никогда не узнает страданий рабыни». М. Гарнер просила, чтобы ее судили за убийство: «Лучше с песней идти на виселицу, чем вернуться в рабство»^{liv}. С 1642 года и вплоть до 1864 года повсюду на Юге можно было найти общины маронов, созданные беглыми рабами и их потомками. Эти общины были «раем для беглых, служили базой для налетов на близлежащие плантации, а порой мароны возглавляли и восстания рабов»^{lv}. «В 1816 году была обнаружена большая и процветающая община: 300 беглых рабов — мужчин, женщин и детей — захватили форт во Флориде. Когда они отказались сдаться, армия начала штурм, который длился 10 дней. Было убито свыше 250 осажденных. Женщины сражались плечом к плечу с мужчинами»^{lvi}. Во время другого сражения в Мобиле, штат Алабама, в 1827 году мужчины и женщины стояли непоколебимо, «как спартанцы», писали местные газеты»^{lvii}.

Сопротивление рабству выражалось не только в форме восстаний, побегов и саботажей. Так, например, в Натчезе, штат Луизиана, рабыня организовала «полуночную» школу, действовавшую с одиннадцати вечера до двух часов ночи, где сотни черных выучились грамоте^{lviii}. Без сомнения, многие из них сами выписывали себе пропуска и устремлялись на поиски свободы. В романе Алекса Хейли «Корни»^{lix}, посвященном его предкам-рабам, рассказывается о Белле, жене Кунта Кинте, которая с трудом самостоятельно выучилась грамоте. Тайком читая газеты своего хозяина, она была в курсе всех политических событий и делилась этим с другими рабами.

Описание роли женщин в борьбе против рабства не может быть полным, если не воздать должное выдающемуся подвигу Гарриет Табмэн, которая по «подземной железной дороге»* провела на Север более 300 беглых рабов^{lx}. Ее юность типична для большинства рабынь. Работая на плантациях в Мэриленде, она поняла, что ничуть не уступает мужчинам. Отец научил ее валить деревья и колоть дрова, и, работая плечом к плечу с дочерью, он дал ей незаменимые уроки, пригодившиеся Г. Табмэн во

* *Мароны* — термин относится к черным рабам, бежавшим из французских и испанских колоний в Вест-Индии и Гвиане. В работе А. Дэвис он использован условно в отношении беглых рабов из южных штатов США (здесь и далее примечания со знаком «*» даны при редакции русского издания).

** *Табмэн, Гарриет (1820—1893)* — героиня негритянского народа США. Родилась в семье - рабов, в 1849 г. бежала из рабовладельческого Мэриленда в северные штаты, была проводником групп беглых негров, проведя на Север только в 1850—1860 гг. более 300 рабов. В годы Гражданской войны 1861—1865 гг. участвовала в негритянских отрядах, которые вели партизанскую войну и осуществляли разведку в тылу южных штатов. Негры называли ее «генерал Табмэн».

* *«Подземная железная дорога»* — так назывался маршрут (точнее, целый ряд маршрутов), по которому сочувствовавшие рабам белые, а также свободные негры помогали бежавшим с Юга рабам переправляться в Канаду, где на них уже не распространялся закон о беглых рабах. Многие из беглецов предпочитали с риском быть пойманными остаться в северных штатах либо уйти на пустующие земли на западе страны. «Подземная дорога» имела свои «станции» — дома верных людей, где беглецы могли останавливаться на ночлег, своих «проводников» — лиц, указывавших неграм дорогу, помогавших лучше организовать «поездку», «Дорога» стихийно начала складываться еще в начале XIX в., по инициативе секты квакеров. Начиная примерно с 1830 г., она превращается в разветвленную, хорошо законспирированную организацию.

время ее 19 поездок на Север. Отец научил ее бесшумно ходить по лесу, отыскивать пищу, находить лекарственные листья, корни и травы. То, что у нее не было ни одного провала, без сомнения, объясняется уроками отца. Во время Гражданской войны Гарриет Табмэн продолжала свою неутомимую борьбу против рабства и по сей день считается единственной в США женщиной-полководцем.

По общему мнению, своей борьбой Гарриет Табмэн, бесспорно, выразила так, как могла только она, ту силу и энергию, которыми обладали многие черные рабыни. Следует вновь подчеркнуть, что черные женщины наравне с мужчинами испытывали рабовладельческий гнет, наравне с мужчинами участвовали в жизни сообщества рабов и боролись против рабства с той же страстью, что и мужчины. Ирония судьбы состояла в том, что, подвергая женщин наиболее жестокой, эксплуатации, не знавшей половых различий, сама рабовладельческая система создавала предпосылки к стремлению черных женщин обрести социальное равенство. Более того, эта система подталкивала рабынь к активному сопротивлению. Очевидно, это особенно пугало рабовладельцев, обрушивавших на рабынь особенно жестокие наказания, более жестокие, чем даже для мужчин. Среди этих наказаний — и это важно напомнить — были не только избиения и увечья, но и изнасилования. Вообще изнасилования во времена рабства были законными, но рассматривать это как проявление сексуальной неудовлетворенности белых мужчин целомудрием белых женщин было бы ошибочным упрощением. Изнасилование было формой угнетения и подавления, за ним стояло стремление рабовладельцев подавить волю рабынь к сопротивлению и деморализовать их мужей.

Эти соображения о значении изнасилований во время войны во Вьетнаме вполне применимы и к периоду рабства в США. Арлен Эйзен-Бергман писала, что «военное командование США во Вьетнаме считало изнасилование «социально приемлемым»; по сути, это была неафишируемая, но вполне целенаправленная политика»^{lxi}. Американских солдат поощряли к изощренным насилиям вьетнамских женщин, рассматривая это как средство массового политического террора^{lxii}. На героическое участие вьетнамских женщин в освободительной войне своего народа оккупанты ответили особой военной карой — изнасилованиями. Женщины, подвергаясь тем же страданиям, что и мужчины, были еще и жертвой сексуального терроризма, проводимого по указке американского военного командования, считавшего, что война — занятие исключительно мужское.

В книге А. Эйзен-Бергман приводится рассказ американского солдата: «Я видел, как однажды наш снайпер подстрелил женщину. Когда мы подошли к ней, она попросила воды. Лейтенант приказал убить ее. Они содрали с нее одежду, грудь проткнули штыком, изувечили прикладом винтовки, а потом пристрелили»^{lxiii}.

Изнасилование было узаконенным методом агрессии, направленным на то, чтобы запугать вьетнамских женщин. Точно так же рабовладельцы поощряли изнасилование как террористическую меру, имевшую целью удержать рабынь в полном повиновении. Если бы черные женщины почувствовали свою силу и стремление к сопротивлению, то половые насилия, по мнению рабовладельцев, должны были поставить их на место. В соответствии с господствовавшей концепцией мужского превосходства уделом женщины считались пассивность, покорность и слабость. Однако рабыни, осознавшие свою силу, оказывали зверским насилиям решительное сопротивление.

Практически все воспоминания рабов в XIX веке содержат рассказы об изнасилованиях рабынь хозяевами и надсмотрщиками.

Дж. Блэссингейм приводит следующее описание:

«Хозяин раба Генри Бибба заставил девушку-рабыню стать сожительницей своего сына, надсмотрщик раба М. Джемисона изнасиловал красивую рабыню, а владелец раба Соломона Норсрэпа вынудил к сожительству рабыню Петси»^{lxiv}.

Несмотря на свидетельства рабов о частых случаях изнасилований и принуждений к сожительству, эта проблема в традиционной литературе о рабстве практически замалчивалась. Иногда встречаются даже предположения, что рабыни сами поощряли «сексуальное внимание» белых мужчин. Поэтому-де их отношения носили характер скорее «расового смешения», а не сексуального насилия. В одной из глав книги «Теки, Иордан, теки», посвященной расовому смешению, Ю. Дженовезе утверждает, что проблема изнасилования по своим разрушительным последствиям не так остра, как беспощадные запреты расовых смешений. Автор пишет: «Многие белые мужчины, вынудив рабыню к сожительству, проникались затем любовью к ней и рожденным ею детям»^{lxv}. «Трагедия расового смешения,— считает автор,— не в сексуальном насилии, а в ужасном давлении, заставляющем отказаться от удовольствия, привязанности и любви, часто возникавшими между белым мужчиной и рабыней, несмотря на первоначальное принуждение»^{lxvi}.

В основе подхода Ю. Дженовезе к этой проблеме лежит патернализм. Рабы, по его мнению, так или иначе воспринимали патерналистское отношение своих хозяев, а хозяевам из-за этого патернализма приходилось считаться со стремлением рабов к гуманному с ними обращению. Но так как для хозяев эти устремления рабов в лучшем случае были «ребячеством», неудивительно, что Ю. Дженовезе уверен — рациональное зерно этого гуманизма именно в «расовом смешении». Он не понял, что едва ли можно говорить об «удовольствии, привязанности и любви», когда белые мужчины, благодаря своему экономическому господству, имели неограниченную власть над черными рабынями. Сожительствуя с рабынями, белые мужчины были лишь угнетателями-рабовладельцами, насильниками, а не мужьями или любовниками. Ю. Дженовезе следовало бы прочитать недавно опубликованный роман молодой негритянской писательницы Гейл Джонс «Коррегидора»^{lxvii}, в котором приводятся свидетельства нескольких поколений рабынь о сексуальных преступлениях, совершенных во времена рабства.

Е. Франклин Фрезье полагал, что обнаружил в «расовом смешении» наиболее важное культурное достижение черного населения в период рабства. Он утверждал, что хозяин в своем особняке и его сожительница, живущая в отдельном домике неподалеку, олицетворяли собой социальный триумф, пронизанный глубочайшим чувством человеческого согласия^{lxviii}.

В то же время, однако, автор не может полностью пройти мимо того факта, что множество женщин не покорялось без борьбы: «Иногда требовалось физическое принуждение, чтобы подчинить рабынь... Это нашло подтверждение в исторических документах и не забыто в негритянских семейных преданиях»^{lxix}.

Е.- Франклин Фрезье приводит рассказ женщины, чья прабабушка всегда с волнением рассказывала о том, как она отстаивала свою честь, показывая при этом многочисленные шрамы на своем теле. Но был один шрам, происхождение которого она тщательно скрывала, говоря при этом: «Дитя, белые мужчины подлы, как собаки, держись от них подальше». Только после ее смерти тайна наконец была раскрыта. «Этот шрам,— говорила эта женщина,— память о том, как ее изнасиловал восемнадцатилетний хозяйский сынок. Так появилась моя бабушка Эллен»^{lxx}.

Белых женщин, вступавших в абolicционистское движение, особенно возмущали насилия, чинимые рабовладельцами над рабынями. Активистки женских антирабовладельческих обществ, призывая белых женщин защитить своих черных сестер, часто рассказывали о жестоких насилиях над рабынями. Хотя эти активистки внесли неоценимый вклад в антирабовладельческую кампанию, они зачастую не могли понять всю сложность положения рабыни. Разумеется, черные женщины сохраняли все черты, присущие женщине, но образ жизни, который они вели в период рабства: тяжкий труд наравне с мужчинами, равенство внутри

семьи, отстаивание собственного достоинства, избиения и насилия — все это способствовало появлению таких качеств, которые отличали их от большинства белых женщин.

Одним из самых популярных произведений аболиционистской литературы была книга Гарриет Бичер Стоу «Хижина дяди Тома», которая вовлекла огромное число людей, особенно женщин — гораздо больше, чем когда-либо до этого, — в борьбу против рабства. Однажды Авраам Линкольн сказал о Бичер Стоу, что эта женщина начала Гражданскую войну. Однако огромное влияние, которое оказала эта книга, не должно заслонять того факта, что в ней серьезно искажалась реальная жизнь рабов. Центральная женская фигура романа, Элиза, представляет собой пародию на черную женщину, наивно-идеализированный образ матери, перевозимый в тот период повсеместно, и среди белых, и среди черных. Элиза, полностью отвечала, стереотипу белой матери, а так как она была еще и *квартеронкой*^{*}, то ее лицо, как отмечает Бичер Стоу, было чуть-чуть темней, чем у белых.

Возможно, Бичер Стоу рассчитывала на то, что ее белые читательницы узнают в Элизе самих себя, восхитятся ее высокой христианской моралью, материнской самоотверженностью, нежностью и хрупкостью — качествами, которые стремились воспитать в те времена у белых женщин.

Вслед за Элизой, чья «непохожесть» на черную позволила ей стать символом материнства, ее муж Джордж, в чьих жилах, кстати, текло больше белой, чем черной крови, как никто другой предстает на страницах книги настоящим «мужчиной», отвечающим ортодоксальному представлению о мужском превосходстве. В отличие от дяди Тома, домашнего, покорного, ребячливого, Джордж честолюбив, умен, образован и, что самое главное, жгуче ненавидит рабство. Когда в самом начале книги Джордж решает бежать в Канаду, Элиза — чистосердечная и преданная своим хозяевам служанка — ужасно напугана переполюнявившей ее мужа ненавистью к рабству: «Элиза молча задрожала. Она никогда не видела таким своего мужа, ее нежная душа, казалось, склонилась, как тростинка, перед этой бурной лавиной страстей»^{lxxi}.

Лично Элизу практически не затронула бесчеловечность рабства. Покорно, как и подобает женщине (в соответствии со стереотипом), смирилась она со своей судьбой рабыни и уповала на доброту хозяев. И только угроза ее материнским правам побудила ее распрявиться и вступить в борьбу. Как любая мать, готовая на все ради своего ребенка, Элиза, узнав, что хотят продать ее сына, ощущает необычайный прилив сил. Финансовые проблемы ее «добротного» хозяина вынуждают его продать дядю Тома и сына Элизы — Гарри, несмотря, разумеется, на сострадание и просьбы «добротной» хозяйки. Элиза, не раздумывая, бежит вместе со своим ребенком, так как «нет ничего сильнее материнской любви, превращающейся в безумие из-за приближающейся смертельной опасности»^{lxxii}. Здесь смелость Элизы-матери бесспорна.

Когда преследуемая охотниками за рабами Элиза оказалась на берегу непроходимой реки, покрытой тающим льдом, то «...полная той силы, которую дает господь человеку, доведенному до отчаяния, она дико вскрикнула и бросилась в мутную, бурлящую воду, вскарабкалась на льдину... Громко крича, она бежала все дальше и дальше, прыгая через разводья, скользя, спотыкаясь и падая... Туфли свалились у нее с ног, чулки были разорваны, исцарапанные ступни оставляли кровавые следы на льду. Но она ничего этого не замечала, не чувствовала боли и очнулась лишь тогда, когда увидела перед собой смутно, словно во сне, противоположный берег и человека, протягивающего ей руку»^{lxxiii}. Неправдоподобность и мелодраматичность этого описания не имеют для Бичер Стоу особого значения, так как нежных христианских матерей наделяет сверхчеловеческими способностями сам Всевышний. Но дело, однако, в том, что Стоу, разделяя повсеместно принятый в XIX веке культ материнства, совершенно не смогла передать правдивую картину борьбы черных женщин против рабства. Сохранились многочисленные факты героизма рабынь-матерей. Этих женщин в отличие от Элизы побуждала защищать своих детей ненависть к рабству. Источником их силы была не какая-то мистическая материнская энергия, а конкретные условия жизни рабов. Некоторые, как Маргарет Гарнер, решались даже на убийство своих детей, лишь бы не видеть их мучений в жестоких оковах рабства. Элиза, напротив, совершенно безразлична к бесчеловечной сути рабовладения. Если бы не угроза продажи ее сына, она, возможно, счастливо прожила бы под благодетельной опекой своих «добротных» хозяев.

Тип, подобный Элизе, если он существовал вообще, безусловно, был аномалией среди огромного большинства черных женщин. И уже никоим образом Элиза не может претендовать на обобщенный образ всех тех женщин, которые трудились под ударами бича своих хозяев, создавали и защищали свои семьи, боролись против рабства, подвергались избиениям и насилиям, но никогда не сдавались.

Именно эти женщины передали своим потомкам — формально свободным черным женщинам — готовность к тяжелой работе, упорство, уверенность в себе, дух стойкости, сопротивления и борьбы за равные права с мужчиной, короче говоря, духовное наследие, определяющее новые критерии женственности.

* *Квартерон, квартеронка* — буквально в переводе с испанского «носители четвертой части». Так называли потомков от брака белых с торцерами, которые в свою очередь были потомками от брака белых и мулатов.

Глава 2.

АНТИРАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ ЗА ПРАВА ЖЕНЩИН

Ф. Дуглас отмечал: «Когда напишут подлинную историю борьбы против рабства, то женщины займут на ее страницах достойное место, отвечающее их выдающемуся вкладу»^{lxxiv},

Это слова бывшего раба, человека, ставшего так тесно связанным с женским движением XIX века, что его с издевкой называли «мужчина, борющийся за права женщин» (тем самым считая его «белой вороной». — Прим. ред.)^{lxxv}, Фредерик Дуглас, крупнейший черный аболиционист страны, был также наиболее выдающимся защитником женской эмансипации своего времени. За принципиальную поддержку во многом противоречивого женского движения Ф. Дугласа часто подвергали публичному осмеянию. Большинство мужчин той эпохи в случае подобного оскорбления своего мужского достоинства, не раздумывая, стали бы на его защиту. Но отношение Ф. Дугласа к равенству полов было непоколебимо, и он заявлял, что его совершенно не задевает ярлык «мужчины, борющегося за права женщин». «Я рад подчеркнуть, что никогда не стыдился такого прозвища»^{lxxvi}. Ф. Дугласа побуждало к выдержке понимание того, что белых женщин стремятся отпугнуть от участия в антирабовладельческой кампании, обзывая «любовницами негров». Он понимал также ту незаменимую роль, которую эти женщины играли в аболиционистском движении благодаря их численности и решительности в борьбе за права негров^{lxxvii}.

Почему так много женщин участвовало в антирабовладельческом движении? Было ли в аболиционизме нечто, привлекавшее женщин XIX столетия так, как не могло ни одно другое реформистское движение? Если бы на эти вопросы отвечала известный лидер женщин-аболиционистов Гарриет Бичер Стоу, то она, вероятно, доказала бы, что материнские инстинкты являются естественной основой для антирабовладельческих настроений женщин. По крайней мере, в этом, по-видимому, заключается смысл романа «Хижина дяди Тома»^{lxxviii}, призыв которого к освобождению негров нашел отклик у такого множества женщин.

Бичер Стоу опубликовала свой роман, когда процветал культ женщины-матери, что находило отражение и в прессе, и в литературе того времени, и даже в Судебных решениях: настоящая женщина всегда была настоящей матерью. Ее уделом была семья и, разумеется, никогда — политика. В романе Бичер Стоу рабы большей частью представлены как добрые, любящие, беззащитные, иногда чуть непослушные дети. «Нежное, привязанное к дому сердце» дяди Тома было, по словам Бичер Стоу, особой характерной чертой его расы»^{lxxix}. «Хижина дяди Тома» пропитана духом неполноценности как черных вообще, так и женщин в особенности. Большинство рабов — послушные домоседы, а большинство рабынь — матери, причем маленького роста. Как бы иронично это ни казалось, наиболее популярное произведение антирабовладельческой литературы того времени проповедовало расистские идеи, оправдывавшие рабство и угнетенное положение женщин, равно как и их неучастие в политической битве, которую необходимо было вести против рабства.

Бросающееся в глаза противоречие между реакционным содержанием «Хижины дяди Тома» и ее революционизирующим воздействием отражало не столько непоследовательность личных взглядов автора, сколько противоречивый характер статуса женщины в XIX веке. Промышленная революция в первые десятилетия XIX столетия вызвала в американском обществе глубокие сдвиги. В ходе этой революции условия жизни белых женщин радикально изменились. К 1830-м годам фабричное производство вытеснило многие виды работ, традиционно выполнявшихся женщинами. Правда, некоторые из их обычных работ носили тяжелый, изматывающий характер. Но в целом индустриализация, делавшая еще первые шаги, разрушала попутно престиж женщины в семье, основывавшийся на их прежде производительном и совершенно необходимом домашнем труде. Соответственно с этим стал понижаться и социальный статус женщины. С развитием промышленного капитализма в господствовавшей идеологии еще более утвердилось представление о неполноценности женщины. Казалось, что чем меньше под напором индустриализации у женщин остается домашней работы, тем безоговорочней становится утверждение: «Удел женщины — дом и семья»^{lxxx}.

Фактически главным занятием женщины всегда был дом и семейные заботы, но в доиндустриальную эпоху сама экономика концентрировалась в домашнем производстве и окружавших дом сельскохозяйственных угодьях. Пока мужчины возделывали землю (часто с помощью жен), женщины ткали, шили, изготовляли свечи, мыло — практически все, что требовалось семье. Поистине место женщины было дома, но не просто потому, что они рожали и воспитывали детей или помогали своим мужьям. В домашнем производстве женщины были необходимы, и их труд был не менее уважаем, чем труд их мужей. Когда центр производства переместился из дома на фабрику, стал утверждаться культ идеальной женщины — жены и матери. Работая в домашнем производстве, женщины по крайней мере пользовались экономическим равноправием. Как жены — они были обречены на унижительную зависимость от мужей, на роль служанок. Как матери — они становились лишь средством воспроизведения человеческой жизни. Положение белой домохозяйки было крайне противоречивым. Создавались предпосылки для борьбы за равноправие^{lxxxi}.

Упорная борьба развернулась в бурные 1830-е годы. Восстание Ната Тернера в начале этого десятилетия служило убедительным доказательством того, что чаша терпения черных переполнена и рабы более, чем когда-либо, готовы к сопротивлению. В 1831 году, в год восстания Ната Тернера, зародилось организованное аболиционистское движение. В начале 30-х годов по северо-востоку страны прокатилась волна стачек и забастовок на текстильных фабриках, где были заняты главным образом женщины и дети. Примерно в то же время, белые женщины, находившиеся в более благоприятном положении, начали борьбу за право на образование и работу вне дома^{lxxxii}.

Белые женщины на Севере — домохозяйки из средних слоев, а также «фабричные девчонки» — зачастую сравнивали с рабством свое угнетенное положение. Обеспеченные женщины, выражая неудовлетворение своей домашней жизнью, называли замужество проявлением рабства. Трудящимся женщинам экономический гнет, которому они подвергались на работе, живо напоминал рабство. Когда в 1838 году работницы завода в Лоуэлле, штат Массачусетс, объявили забастовку, они, маршируя по городу, пели песню:

О, я не могу быть рабыней;

Я не буду рабыней!

О, я так люблю свободу,

Я не буду рабыней»^{lxxxiii}.

Если сопоставить положение женщин-работниц и представительниц преуспевающего среднего класса, то, разумеется, первые имели больше оснований сравнивать себя с рабынями. Хотя формально женщины-работницы были свободными, но условия труда и мизерная зарплата неизбежно вызывали сравнение с рабами. Однако именно женщины из обеспеченных семей наиболее убедительно характеризовали как рабство тот гнет, который нес в себе институт замужества^{lxxxiv}. В первой половине XIX века сама мысль, что существующий с незапамятных времен институт брака может быть ярмом для женщины, показалась бы чем-то

необычным. Ранние феминистки, называя замужество тем же рабством, от которого страдал черный народ, стремились прежде всего к эмоциональному усилению своего протеста, боясь, что иначе их не услышат. Они, казалось, не обращали при этом внимания на то, что из их сравнения следовал вывод — рабство ничем не хуже замужества. Но здесь наиболее важным было возникавшее у белых женщин из среднего класса ощущение определенной близости к черным женщинам и мужчинам, для которых рабство означало кнут и кандалы.

В 1830-х годах белые женщины — как домохозяйки, так и работницы — активно участвовали в аболиционистском движении. Для сбора средств белые женщины, работавшие на фабриках, делились своей скудной зарплатой и устраивали благотворительные базары, а женщины из средних слоев становились агитаторами и организаторами антирабовладельческих кампаний^{lxxxv}. В 1833 году, когда вслед за учредительным съездом Американского антирабовладельческого общества было создано Женское антирабовладельческое общество в Филадельфии, нашлось достаточно белых женщин выразивших свое сочувствие борьбе черного народа и установивших сотрудничество двух угнетенных групп*. В том же году одна молодая белая женщина проявила недюжинное мужество, отстаивая свои антирасистские убеждения в драматической ситуации, получившей широкое освещение в прессе. Учительница Пруденс Крэнделл бросила вызов белому населению Кентербери, штат Коннектикут, приняв в свою школу черную девочку^{lxxxvi}. Принципиальная и непоколебимая позиция учительницы на протяжении всего конфликта намечала возможные перспективы создания мощного союза между набравшим силу движением за освобождение черных и зарождавшимся движением за права женщин.

Родители белых девочек, посещавших школу Пруденс Крэнделл, единодушно выступили против присутствия черной школьницы, организовав бойкот, о чем широко писалось в прессе. Однако учительница из Коннектикута отказалась уступить требованиям расистов. По совету Чарльз Хэррис, работавшей у нее черной женщины, П. Крэнделл решила набрать в школу еще больше черных учениц, а если это будет необходимым — создать школу только для черных. Закаленная аболиционистка Хэррис познакомила П. Крэнделл с Уильямом Ллойдом Гаррисоном, поместившим объявления о школе в своем антирабовладельческом журнале «Либерејтор». В ответ жители Кентербери приняли резолюцию, где говорилось, что «правительство США и все правовые институты нации принадлежат белым мужчинам, которые и владеют ими в настоящее время»^{lxxxvii}. Без сомнения, в резолюции слова «белые мужчины» употреблялись в прямом смысле, так как Пруденс Крэнделл не только нарушала нормы расовой сегрегации, но и бросила вызов традиционному образу поведения *белой леди*.

С. Силлен в книге «Женщины против рабства» пишет: «Несмотря на все угрозы, П. Крэнделл открыла школу. Черные учащиеся храбро ее поддержали.

И затем последовал один из самых героических — и в то же время постыдных — эпизодов американской истории. Лавочники прекратили продавать продукты П. Крэнделл, доктор отказался посещать больных учащихся, аптекарь не выдавал лекарства. И наконец, потерявшие человеческий облик хулиганы разбили окна, забросали нечистотами колодец и в нескольких местах подожгли здание школы»^{lxxxviii}.

Откуда эта молодая женщина-квакер черпала столь поразительную силу и удивительную способность к сопротивлению в условиях, грозящих постоянной блокадой? Возможно, из глубокой убежденности в правоте борьбы черного народа, с которым она была тесно связана. Школа П. Крэнделл продолжала существовать до тех пор, пока власти штата Коннектикут не отдали распоряжение об аресте учительницы^{lxxxix}. К тому моменту, когда ее арестовали, Пруденс Крэнделл оставила такой след в американской истории, что, даже потерпев поражение, она стала символом победы. События 1833 года в Кентербери вслед за восстанием Ната Тернера, появлением «Либерејтора» Гаррисона и созданием первой общенациональной антирабовладельческой организации ознаменовали начало новой эры, открыли эпоху жестоких социальных битв. Непоколебимая защита Пруденс Крэнделл прав черного народа на образование была ярким, драматическим, вдохновляющим примером для белых женщин, мучительно трудно вырабатывавших политическое сознание. Поступок П. Крэнделл убедительно раскрывал огромные возможности в борьбе за освобождение, если большинство белых женщин протянут руку своим черным сестрам.

У. Гаррисон торжественно заявил: «Пусть трепещут угнетатели на Юге, пусть трепещут их защитники на Севере, пусть трепещут все враги преследуемого черного народа. В теперешней ситуации нет места умеренности. Я открыто и недвусмысленно заявляю, что не отступлю ни на йоту, буду непоколебим — и меня услышат»^{xc}.

С этой бескомпромиссной декларацией Уильям Ллойд Гаррисон обратился 1 января 1831 года к читателям первого номера «Либерејтора». К 1833 году, спустя два года, — этот первый аболиционистский журнал приобрел широкий круг читателей — среди них большую группу черных подписчиков и растущее число белых. Такие, как Пруденс Крэнделл, оказывали журналу безусловную поддержку, но и белые женщины-работницы без колебаний заняли воинственную антирабовладельческую позицию Гаррисона. Как только было организационно оформлено антирабовладельческое движение, эти женщины решительно поддержали борьбу аболиционистов. Однако в антирабовладельческих кампаниях наиболее заметными представителями белых женщин были выходцы из среднего класса и поднимавшейся буржуазии — жены врачей, адвокатов, судей, торговцев, фабрикантов.

В 1833 году многие женщины из этих средних слоев, возможно, почувствовали, что из их жизни ушло что-то очень важное. В эпоху промышленного капитализма домохозяйки потеряли свою экономически значимую роль в семье и соответственно ухудшился их социальный статус. В то же время белые домохозяйки впервые стали располагать свободным временем, что дало им возможность включиться в борьбу за социальные реформы, стать активистками аболиционистского движения. Аболиционизм в свою очередь предоставил этим женщинам платформу, на которой они развернули кампанию протеста против своего неравноправного положения в семье.

На учредительный съезд Американского антирабовладельческого общества в 1833 году пригласили только четырех женщин. Более того, организаторы этого собрания в Филадельфии потребовали, чтобы приглашенные женщины были лишь «слушателями и наблюдателями»^{xcii} и не претендовали на статус полноправных участников. Это, однако, не остановило одну из них — Лукрецию Мотт, которая дерзко обращалась к присутствующим мужчинам по крайней мере дважды. На открытии съезда она уверенно встала со своего места «слушателя и наблюдателя» на балконе и заявила протест против предложения отложить заседание из-за отсутствия одного видного общественного деятеля из Филадельфии.

«Справедливые принципы сильнее, чем имена,— заявила Л. Мотт.— Если наши принципы справедливы, то чего же нам бояться? Почему мы должны ждать тех, у кого никогда не хватало мужества отстаивать неотъемлемые права рабов?»^{xciii}

* Первое женское антирабовладельческое общество было создано черной женщиной в 1832 г, в Салеме, штат Массачусетс.

Лукреция Мотт, которая была священником секты квакеров, без сомнения, поразила присутствовавшую мужскую аудиторию, так как в те дни женщины никогда не выступали на массовых собраниях^{xciii}. Хотя съезд встретил ее выступление овацией и по ее совету продолжил свою работу, ни ей, ни другим женщинам не предложили подписать принятую в итоге «Декларацию принципов и целей». Было ли запрещено женщинам подписывать такой документ или мужчинам, организаторам съезда, просто не пришло в голову предложить женщинам поставить свою подпись — в любом случае мужчины проявили политическую близорукость. Их отношение к женщинам как к существам неполноценным помешало оценить огромный потенциал, кроющийся в участии женщин в антирабовладельческом движении.

Лукреция Мотт оказалась более дальновидной, организовав сразу же после закрытия съезда в Филадельфии учредительное собрание филадельфийского Женского антирабовладельческого общества^{xciv}. Ей было суждено стать ведущим деятелем в антирабовладельческом движении, женщиной, вызывавшей восхищение своей беспредельной смелостью и стойкостью перед беснующимися толпами расистов.

Уже упоминавшийся С. Силлен писал: «В 1838 году эта хрупкая женщина, одетая в скромное, накрахмаленное квакерское платье, не дрогнув, стояла перед бандой расистов, которые при попустительстве мэра Филадельфии сожгли «Пенсильвания-холл»»^{xcv}.

Участие Л. Мотт в аболиционистском движении было сопряжено и с другими опасностями, так как ее дом в Филадельфии являлся «станцией» активно действовавшей «подземной железной дороги», где, например, останавливался, пробираясь на Север, такой знаменитый беглец от рабства, как Генри «Бокс» Браун^{**}. Однажды сама Лукреция Мотт помогла рабыне бежать в экипаже в сопровождении вооруженной охраны^{xcvi}.

Многие другие белые женщины, не имевшие ранее, как и Лукреция Мотт, опыта политической борьбы, присоединялись к аболиционистскому движению и принимали крещение огнем в буквальном смысле. Банда расистов ворвалась на собрание, где председательствовала Мария Чэпмэн Уэстон, и, схватив оратора Уильяма Ллойда Гаррисона, потащила его по улицам Бостона. Руководитель бостонского Женского антирабовладельческого общества М. Уэстон поняла, что расисты хотят преподать кровавый урок присутствовавшим на собрании черным женщинам, и настояла, чтобы каждую негритянку провожала белая^{xcvii}. Бостонское Женское антирабовладельческое общество было одной из многочисленных женских групп, возникших в Новой Англии сразу же после того, как Лукреция Мотт основала антирабовладельческое общество в Филадельфии. Если бы удалось сосчитать всех женщин, подвергавшихся нападению расистских банд или подвергавших свою жизнь риску, то получилось бы колоссальное число.

Участвуя в аболиционистском движении, белые женщины вплотную столкнулись с угнетением человека, а также извлекали важные уроки из собственного неравноправного положения. Отстаивая свое право бороться против рабства, они протестовали — иногда сознательно, иногда стихийно — против их отстранения от участия в политической жизни. И если они еще не знали, как коллективно выступить в защиту собственных прав, то по крайней мере могли бороться за дело так же угнетаемого черного народа.

Антирабовладельческое движение давало белым женщинам из среднего класса возможность проявить свое соответствие критериям, не связанным с их ролью жен и матерей. В этом смысле участие в аболиционистской кампании позволяло им получать признание за конкретные дела. Действительно, столь интенсивное, страстное и всепоглощающее участие в борьбе против рабства, возможно, объясняется тем, что целью женщины видели в этом захватывающую альтернативу домашней жизни. Они боролись против угнетения, бывшего сродни тому, которому подвергались сами. Более того, они научились противостоять пренебрежительному к себе отношению со стороны мужчин в самом антирабовладельческом движении. Они поняли, что превосходят мужчин, которое внутри семьи казалось непоколебимым, можно бросить вызов и бороться с ним политическими средствами. Да, белые женщины должны были яростно отстаивать свои собственные права для того, чтобы бороться за освобождение черного населения.

В выдающемся исследовании Элеоноры Флекснер о женском движении показано, как женщины-аболиционистки приобрели неоценимый опыт политической борьбы, без которого они не смогли бы спустя десятилетие организовать кампанию за права женщин^{xcviii}. Женщины научились собирать денежные средства, распространять литературу, организовывать митинги, а некоторые из них даже стали признанными ораторами. Самым важным оказалось то, что они научились эффективно использовать право подачи петиций, это стало основным тактическим средством в кампании за женские права. Составляя петиции против рабства, женщины в то же время были вынуждены отстаивать свое право участвовать в политической деятельности. Как еще могли они убедить правительство признать законность подписей женщин, не имевших права голоса? Только резкими протестами против освященного традицией лишения женщин права участвовать в политической жизни. Как утверждает Э. Флекснер, «...для обыкновенной домохозяйки, матери или дочери было необходимо переступить через так называемые приличия, не обращая внимания на неодобрение, пошлости или прямые запреты мужской части семьи, ...взять первую в своей жизни петицию и пойти по незнакомой улице, стучась в незнакомые двери и прося подписать не пользующиеся широкой поддержкой требования. Если женщину не сопровождал муж или брат, то она обычно сталкивалась с враждебностью, а то и прямыми оскорблениями за «поведение, недостойное женщины»^{xcix}.

Среди первых женщин-аболиционисток сестры Сара и Ангелина Гримке из Южной Каролины наиболее последовательно связывали проблему рабства с угнетением женщин. С самого начала своей неутомимой лекторской деятельности сестры Гримке были вынуждены как женщины защищать свое право на публичные выступления за освобождение рабов и, как следствие этого, защищать право всех женщин публично выражать свое неприятие рабства.

Сестры Гримке, родившиеся в семье рабовладельца в Южной Каролине, страстно возненавидели «особый институт», как стыдливо именовали рабство, и, повзрослев, решили уехать на Север. Примкнув к аболиционистскому движению в 1836 году, они начали выступать с лекциями в Новой Англии, рассказывая о своей жизни в доме хозяина плантации и повседневных проявлениях невыносимых ужасов рабства. Хотя митинги проводились женскими антирабовладельческими обществами, их начало посещать все возрастающее число мужчин. Как вспоминал У. Дюбуа, «ораторское красноречие сестер настолько сильно производило впечатление на мужчин, что они, услышав их выступления, обычно робко рассаживались в задних рядах»^c.

Эти собрания носили беспрецедентный характер, так как другие женщины никогда не выступали регулярно перед смешанной

* «Пенсильвания-холл» — крупное общественное здание в Филадельфии, в котором в то время (1838 г.) размещался муниципалитет.

** Браун, Генри «Бокс» — негритянский подросток: при его бегстве от хозяина-рабовладельца друзья спрятали Брауна в большой ящик (по-английски слово «ящик» произносится «бокс»), в котором он и прибыл благополучно на Север, сохранив на всю жизнь это прозвище.

аудиторией, не сталкиваясь при этом с унижительными выкриками и оскорбительными пошлостями мужчин, считавших публичные выступления не женским делом.

Мужчины, посещавшие митинги сестер Гримке, безусловно, стремились узнать правду о положении рабов, однако другие мужчины мстительно нападали на сестер. Самый тяжелый удар нанесли религиозные круги: 28 июля 1837 года совет священников конгрегационной церкви штата Массачусетс опубликовал пастырское послание, в котором сестры Гримке сурово осуждались за деятельность, подрывавшую богом предначертанную роль женщины: «Сила женщины в ее зависимости, проистекающей из осознания той слабости, которую Бог дал ей для ее же защиты...»^{ci}

Далее прихожане утверждали, что действия сестер Гримке создают «опасность, которая в настоящее время угрожает нанести сущности женщины огромный и непоправимый вред»^{cii}. Более того, в послании говорилось:

«Мы одобряем публичное моление женщины во славу религии... Но когда женщина заменяет мужчину и публично призывает к преобразованиям... она теряет силу, которую Бог дал ей для ее же защиты, и это противоречит ее природной сущности. Если виноградная лоза, чья сила и красота опираются на решетку, наполовину скрывая ее грозди, вознамерится стать такой же независимой и открытой, как вяз, то эта лоза не только перестанет приносить плоды, но и упадет обесчещенная и опозоренная в грязь»^{ciii}.

Это пастырское послание, составленное самым крупным протестантским объединением Массачусетса, повлекло за собой тяжелые последствия. Если прихожане были правы, то Сара и Ангелина Гримке совершали тягчайший из всех возможных грехов: они бросали вызов воле бога. Отзвуки этого обвинения не стихали до тех пор, пока сестры Гримке не решили наконец прекратить свою лекционную деятельность.

В начале этой деятельности ни Сара, ни Ангелина не высказывались, по крайней мере публично, по проблеме социального неравенства женщин. Их главной задачей являлось разоблачение бесчеловечной и безнравственной сущности рабовладельческого строя, особая ответственность за сохранение которого лежала, по их мнению, на женщинах. Но когда на них обрушились мужчины, исполненные собственного превосходства, сестры Гримке осознали, что, не защитив себя как женщин — и права всех женщин в целом, — они навсегда лишатся возможности бороться за освобождение рабов. Лучший из двух ораторов, Ангелина Гримке, отстаивала права женщин в своих лекциях, а выдающийся теоретик Сара Гримке приступила к изданию серии «Письма о равенстве полов и положении женщин»^{civ}.

«Письма о равенстве полов...», законченные в 1838 году, — это первый серьезный анализ положения женщин, сделанный женщиной в США. Излагая свои идеи за шесть лет до появления хорошо известного трактата Маргарет Фуллер о женщинах, Сара отрицала предположение о том, что неравенство между мужчиной и женщиной носит божественный характер, «Мужчина и Женщина, — утверждала она, — были созданы равными, они оба моральные и ответственные человеческие существа»^{cv}. Она прямо опровергала заявления священников о том, что стремление женщин возглавить движение за социальные реформы противоестественно. Сара Гримке отмечала: то, что справедливо для мужчины, справедливо и для женщины^{cvi}.

Публикации и лекции этих двух выдающихся сестер с энтузиазмом воспринимались многими активистками женского антирабовладельческого движения. Но некоторые мужчины — лидеры аболиционистов утверждали, что вопрос о правах женщин может лишь дезориентировать и оттолкнуть тех, кто целиком посвятил себя борьбе против рабства.

Ответ Ангелины показывает понимание сестрами Гримке тесной взаимосвязи между борьбой за права женщин и аболиционизмом: «Мы не можем применить все наши силы, чтобы ускорить дело аболиционизма, пока не уберем с дороги камень преткновения... Борьба за права женщин может показаться шагом в сторону... Это не так. Мы должны решить этот вопрос немедленно... Почему, мои дорогие братья, вы не в состоянии понять тайный замысел духовенства, обрушившегося на нас за чтение лекций?.. Если в этом году мы откажемся от права на публичное выступление, то на следующий год мы должны отказаться от предъявления петиции, затем — от выступления в печати и так далее.

Что вообще может сделать для раба женщина, если она сама под каблуком у мужчины и вынуждена позорно молчать?»^{cvii}

В течение целого десятилетия, предшествовавшего организационному оформлению массовой оппозиции белых женщин господствовавшей концепции мужского превосходства, сестры Гримке призывали женщин бороться против насаждаемого обществом духа пассивности и зависимости, занять принадлежащее им по праву место в борьбе за справедливость и права человека. В «Призыве к женщинам формально свободных штатов» Ангелина Гримке в 1837 году убедительно обосновывает этот лозунг: «Говорят, что Бонапарт однажды упрекнул французскую даму за то, что она занялась политикой. «Государь, — ответила она, — в стране, где женщин приговаривают к смертной казни, вполне естественно, что женщины пожелают знать, за что их казнят». И, дорогие сестры, в стране, где женщин унижают и жестоко наказывают, где их публично до крови бьют кнутом, где их продают на биржах «негритянских маклеров», где их отрывают от мужей, насильно лишают целомудрия, разлучают с детьми, в *такой* стране, бесспорно, женщины должны знать, «за что», особенно когда, попирая принципы нашей конституции, творятся кровавые надругательства и непередаваемый кошмар. Мы ни за что не отступим. Так как это проблема политическая, женщины не имеют права сидеть сложа руки, закрывать глаза, затыкать уши, чтобы не замечать «ужасных вещей», которые творятся на нашей земле. Отрицание того, что мы обязаны действовать, является наглым отрицанием нашего права действовать, а если у нас нет такого права, то с полным основанием нас можно назвать «белыми рабынями Севера», ибо так же, как и наши собратья в оковах, мы должны наложить на свои уста печать молчания и безнадежности»^{cviii}.

Этот отрывок также показывает, как сестры Гримке настаивали на том, чтобы белые женщины на Севере и на Юге осознали особые отношения, связывающие их с черными женщинами, испытывающими муки рабства. И снова: «Они наши соотечественницы — *они наши сестры*, и у нас, женщин, они заслуживают сострадания в испытываемых ими бедствиях, помощи и молитвы за их спасение...»^{cix}. Флекснер пишет, что для сестер Гримке «проблема равенства женщин была не абстрактной справедливостью, а сродством объединения женщин для решения неотложных задач»^{cx}. Так как уничтожение рабства в то время было самой настоятельной политической необходимостью, они призывали женщин объединиться в этой борьбе, понимая, что гнет женщин был взращен и поддерживался существовавшей системой рабовладения. Глубокое осознание неразрывной связи между борьбой за освобождение черных и обеспечением прав женщин помогло сестрам Гримке избежать идеологической путаницы и не утверждать приоритет одной борьбы над другой, а, напротив, доказывать их диалектическую взаимосвязь. Сестры Гримке в большей степени, чем другие женщины, участвовавшие в борьбе против рабства, ставили вопрос о правах женщин. В то же время они считали, что женщины никогда не добьются свободы без освобождения черного народа. В 1863 году на съезде женщин-патриоток, поддерживавших усилия правительства союза в Гражданской войне, Ангелина Гримке заявила: «Я хочу, чтобы меня считали черной. Пока черные не добьются своих прав, мы никогда не получим своих»^{cx}. Пруденс Крэнделл рисковала своей жизнью, защищая право черных детей на образование. Если ее деятельность была прообразом того

плодотворного и могущественного союза, который объединит черный народ и белых женщин для борьбы за осуществление общей мечты об освобождении, то деятельность Сары и Ангины Гримке представляла собой самое глубокое и серьезное теоретическое выражение перспектив этого союза.

КЛАСС И РАСА НА РАННЕМ ЭТАПЕ ДВИЖЕНИЯ ЗА ЖЕНСКИЕ ПРАВА

Лидеры суфражисток в изданной ими в 1881 году фундаментальной работе писали: «Решение созвать съезд борцов за права женщин сразу же после возвращения в Америку было принято Лукрецией Мотт и Элизабет Кэди Стэнтон, когда они ночью гуляли по знаменитой Куин-стрит, после того, как их не допустили к участию во Всемирном антирабовладельческом съезде. Подруги вспоминали волнующие сцены прошедшего дня и особенно то, что мужчины, выступления которых они только что слышали, выражали большое желание лучше узнать о положении женщин и их борьбе за свои права. Вот где и когда была, таким образом, начата «на земле свободных и родине смелых» просветительская деятельность в борьбе за освобождение женщин»^{cxii}.

Этот разговор, который состоялся в Лондоне в 1840 году, в день открытия Всемирного антирабовладельческого съезда, часто рассматривают как реальный повод к зарождению организованного женского движения в США. Поэтому сам разговор приобретает в какой-то степени легендарный характер. И как в большинстве легенд, исторической правды в нем гораздо меньше, чем кажется. Вся эта история и сопутствующие обстоятельства послужили основой рождения широко распространенного представления о том, что движение за женские права первоначально было вызвано, или скорее спровоцировано нетерпимым высокомерным поведением мужчин в отношении женщин в антирабовладельческой борьбе.

Без сомнения, женщины — делегаты от США, которые рассчитывали на свое участие в лондонском съезде, пришли в ярость, узнав, что их большинством голосов не допустили на съезд. Они чувствовали себя так, как будто их «посадили за ограждение и занавес, похожий на те, что используют в церкви для того, чтобы скрыть хор от публики»^{cxiii}. Лукреция Мотт, как и другие женщины, официально представлявшие Американское антирабовладельческое общество, имела более веские причины для негодования. Ведь в то время у нее уже был опыт борьбы за право женщин-аболиционисток участвовать наравне с мужчинами в деятельности антирабовладельческого общества. К тому же для женщины, которую в свое время исключали из членов общества, все это было не ново. Хотя считают (например, две современные писательницы-феминистки), что на борьбу за права женщин Лукрецию Мотт действительно вдохновила неприглядная история в Лондоне, где «ведущие радикалы-мужчины, которых больше всего занимало социальное неравенство... осуществляли дискриминацию по отношению к женщинам»^{cxiv}, на самом деле с этой практикой Мотт столкнулась задолго до 1840 года.

К открытию лондонского съезда Элизабет Кэди Стэнтон в отличие от Лукреции Мотт не имела политического опыта. Сопровождая своего мужа в течение лишь нескольких недель, которые она назвала «свадебным путешествием»^{cxv}. Элизабет Стэнтон оказалась впервые в своей жизни на антирабовладельческом съезде, причем не как делегат, а скорее как жена аболиционистского лидера. Поэтому Э. Стэнтон была в определенном отношении не подготовлена к участию в антирабовладельческом движении, ей не хватало опыта, который можно получить лишь в многолетней борьбе в защиту права женщин на такое участие. Когда она вместе с Сьюзен Б. Энтони и Магильдой Дж. Гэйдж в их «Истории женского избирательного права» пишет, что именно «там и тогда», во время разговора с Лукрецией Мотт, «была начата просветительская деятельность в борьбе за освобождение женщин»^{cxvi}, то в ее замечании не учитывается почти десятилетний опыт, накопленный аболиционистками в их сражениях за политическое освобождение женщин.

Хотя попытка аболиционисток участвовать на лондонском съезде не удалась, они убедились, что их прошлые битвы не прошли даром; некоторые мужчины — лидеры антирабовладельческого движения выступили против их отстранения от работы съезда. Уильям Ллойд Гаррисон, «смелый благородный Гаррисон»^{cxvii}, прибывший слишком поздно, чтобы выступить по вопросу об участии женщин, отказался занять свое место и на протяжении десяти дней работы съезда оставался «молчаливым наблюдателем на галерее»^{cxviii}. Еще одним аболиционистом, присоединившимся к женщинам на галерее, был, по словам Элизабет Кэди Стэнтон, Натаниел П. Роджерс из Конкорда, городка в штате Нью-Гэмпшир^{cxix}. Странно, что Э. Стэнтон не упоминает черного аболициониста Чарльза Ремонда. Как писал сам Ч. Ремонд в «Либерейторе», он также был «молчаливым слушателем»^{cxx}. Чарльз Ремонд отмечал, что, узнав по приезду в Лондон о том, что женщин не допустили к участию в работе съезда, он был глубоко разочарован. Ч. Ремонд имел к этому все основания, так как расходы на его поездку были оплачены несколькими женскими организациями.

Позднее он писал: «Моей поездке в эту страну я почти полностью обязан добрым и великодушным членам женского антирабовладельческого общества Бангора, кружка шитья в Портленде и антирабовладельческого общества молодых женщин Ньюпорта»^{cxxi}. Ремонд чувствовал, что он обязан отказаться занять свое место в зале заседаний, в противном случае он не мог быть «уважаемым представителем трех женских организаций, которые заслуживала самой высокой оценки как за поставленные цели борьбы, так и за эффективность совместных действий»^{cxxii}. Не все мужчины, следовательно, были теми «надменными аболиционистами»^{cxxiii}, о которых Э. Стэнтон и две ее соратницы пишут в своем историческом исследовании. По крайней мере некоторые из них сумели осознать несправедливость мужского превосходства и бросить ему вызов.

Хотя Элизабет Кэди Стэнтон еще в юности боролась против угнетенного положения женщины, интерес к проблемам аболиционизма появился у нее значительно позже. Поощряемая своим отцом-судьей, богатым и закоренелым консерватором, она отмела ортодоксальность как в учебе, так и в проведении досуга. Она изучала греческий и математику, брала уроки верховой езды — все, что в то время девушкам обычно было запрещено^{cxxiv}. До своего замужества молодая Стэнтон большую часть времени проводила с отцом и даже начала под его руководством серьезное изучение юриспруденции.

К 1848 году Элизабет Стэнтон была целиком поглощена своими обязанностями домашней хозяйки и матери. Живя с мужем в Сенека-Фоллзе, штат Нью-Йорк, она зачастую не могла нанять домашнюю прислугу, которой в этом районе всегда не хватало. Ее монотонная, полная разочарований жизнь сформировала у нее особо острое восприятие тяжелого положения белой женщины из средних слоев. Из причин, повлиявших на принятие решения после 8-летнего перерыва возобновить связи с Лукрецией Мотт и выдвинуть идею о созыве съезда женщин, Элизабет Стэнтон на первое место ставит свое положение в семье. Как она отмечала в воспоминаниях: «Недовольный, возбужденный взгляд большинства женщин, их общая неудовлетворенность долей жены, матери, домашней хозяйки, наставника своих детей... убеждают меня в острой необходимости активных действий для устранения пороков общества в целом и в отношении к женщинам в особенности. Мое участие во Всемирном антирабовладельческом съезде, все, что я прочитала о правовом статусе женщин, их повсеместное угнетение, мой личный, уже значительный опыт — все требовало выхода. Казалось, все это словно сговорилось подтолкнуть меня на какой-то решительный шаг. Я не знала, что делать и с чего начать, единственное, что пришло в голову,— обсудить наше положение и выразить протест публично»^{cxxv}.

Жизнь Элизабет Кэди Стэнтон, типичная для женщины из средних слоев, отражает все наиболее острые противоречия в ее

статусе. Усердие и успехи Элизабет Стэнтон в учебе, знания, приобретенные в юриспруденции, все, что развивало ее интеллект, оказалось перечеркнутым. Замужество и материнство помешали достижению поставленных ею до вступления в брак целей. Более того, участвуя в аболиционистском движении после лондонского съезда, она увидела возможность организовать политическую борьбу против угнетения. Многие женщины, откликнувшись на призыв принять участие в первом съезде борцов за права женщин в Сенека-Фоллзе, чувствовали ту же неудовлетворенность, начали осознавать те же противоречия и на примере антирабовладельческой борьбы убедились в возможности борьбы против полового неравенства.

В период подготовки съезда в Сенека-Фоллзе Элизабет Кэди Стэнтон предложила резолюцию, показавшуюся слишком радикальной даже соучредителю Лукреции Мотт. Хотя опыт участия в антирабовладельческом движении убедил Л. Мотт в необходимости немедленного предоставления женщинам политических прав, она возражала против того, чтобы вынести на обсуждение резолюцию о допущении женщин к участию в выборах. Она считала, что такое предложение могло быть воспринято как абсурдное и вызывающее и что, в конечном счете, оно могло подорвать значение съезда. Муж Э. Стэнтон также возражал против того, чтобы поднимать вопрос об избирательных правах женщин. Он предупреждал, что в противном случае уедет из города, что в конце концов и сделал. Единственным лидером аболиционистов, выступившим за то, чтобы эта резолюция была выдвинута, являлся Фредерик Дуглас.

За несколько лет до съезда в Сенека-Фоллзе Элизабет Кэди Стэнтон окончательно убедила Ф. Дугласа в том, что право голоса должны иметь и женщины.

Ф. Дуглас в уже упоминавшейся книге писал: «Мне было нечего отвечать на ее доводы, кроме пустых ссылок на «традицию», «естественное разделение обязанностей», «непристойности для женщин заниматься политикой», общих слов о «женской доле» и тому подобное. Все это решительно отменялось этой способной женщиной, владевшей логикой тогда в той же мере, что и сейчас. Она использовала аргументы, так часто и успешно ею с тех пор применяемые, что их не смог толком опровергнуть ни один мужчина. Если единственно подлинной, действенной основой правительства является разум, то, следовательно, лучшее правительство — это то, которое черпает свою жизненную силу из находящихся в его распоряжении неисчерпаемых источников мудрости, энергии и доброты»^{сxxxvi}.

Единственным серьезным вопросом, вызвавшим разногласия примерно 300 мужчин и женщин, собравшихся на съезд в Сенека-Фоллзе, были избирательные права женщин. Резолюция по этому вопросу не получила единодушной поддержки, однако то, что это спорное предложение вообще было поставлено на голосование, — заслуга Фредерика Дугласа, который с готовностью поддержал Э. Стэнтон и использовал весь свой талант оратора для защиты права женщин на участие в голосовании^{сxxxvii}.

В тот ранний период, когда требования обеспечения прав женщин не приобрели еще официального характера, когда движение за предоставление им права голоса было малоизвестным и не получившим еще широкой поддержки, Ф. Дуглас открыто выступал за политическое равенство женщин. Сразу же после съезда в Сенека-Фоллзе он опубликовал в своей газете «Северная звезда» передовую статью «Права женщин», содержание которой было для того времени довольно радикальным. В ней говорилось:

«Что касается борьбы за политические права, то женщины наравне с мужчинами должны иметь возможность участвовать в этой борьбе. Более того, мы выражаем наше убеждение в том, что все политические права, которыми должны пользоваться мужчины, в равной степени должны иметь и женщины. Все, что характеризует мужчину как разумное и ответственное существо, в равной степени относится и к женщине. Если справедливо только то правительство, которое управляет по свободно выраженному согласию управляемых, то в этом мире не может быть причин, по которым женщинам отказывают в избирательном праве или участии в принятии и исполнении законов этой страны»^{сxxxviii}.

Именно Фредерик Дуглас официально выдвинул вопрос о правах женщин перед освободительным движением черных. Движение с энтузиазмом выразило ему поддержку. Как отмечал С. Джей Уолкер, Ф. Дуглас выступил на Национальном съезде цветных освобожденных в Кливленде, штат Огайо, примерно в то же время, когда проходил съезд свободных в Сенека-Фоллзе. «Под восторженные крики в поддержку прав женщин ему удалось добиться поправки к резолюции, определявшей, кто может быть делегатом, включив в их число и женщин»^{сxxxix}.

Элизабет Кэди Стэнтон выразила глубокое восхищение Ф. Дугласом, стойко защищавшим решения съезда в Сенека-Фоллзе перед лицом ожесточенной травли, развязанной в прессе. Позднее она отмечала, что «салоны, пресса и церковь настолько резко выступили против нас, что большинство женщин, которые были на съезде и подписали декларацию, одна за другой снимали свои подписи, отрекались от своих взглядов и присоединялись к нашим преследователям. Сочувствовавшие отворачивались от нас из опасения запятнать свою репутацию»^{сxxx}.

Вся эта шумиха не поколебала Ф. Дугласа, не достигла она и своей цели — задуть борьбу за права женщин в зародыше. Все попытки салонов, прессы и церкви не смогли обратить это движение вспять. Всего лишь месяц спустя в Рочестере, штат Нью-Йорк, состоялся еще один съезд, председателем которого была избрана женщина, что создало дерзкий по своей новизне прецедент^{сxxxi}. Ф. Дуглас снова выразил солидарность со своими сестрами, выступив в поддержку резолюции о предоставлении женщинам избирательных прав. В Рочестере эта резолюция была принята значительно большим числом голосов, чем на съезде в Сенека-Фоллзе^{сxxxii}.

Нельзя было запретить борьбу за права женщин. Проблема равенства женщин стала теперь сутью находившегося на начальном этапе движения, которое поддерживал черный народ, боровшийся за свое собственное освобождение. Однако равенство женщин было все еще неприемлемо для тех, кто создавал общественное мнение. Но эта проблема превратилась в неотъемлемую часть общественной жизни в США. О чем же тогда шла речь? Не ограничился ли вопрос о равенстве женщин рамками предоставления им избирательных прав, обсуждение чего на съезде в Сенека-Фоллзе вызвало столь негодующую реакцию? Нашли ли проблемы и потребности женщин США адекватное выражение в перечне несправедливостей, изложенных в «Декларации принципов» и в принятых резолюциях?

Декларация, принятая в Сенека-Фоллзе, главное внимание уделяла институту брака и его многочисленным, пагубным для женщин правовым последствиям. Замужество лишало женщин права собственности, ставя их экономически и морально в зависимость от мужей. Требуя безоговорочного повиновения, от жен, институт брака давал мужьям право наказывать своих жен, и, более того, законы, регулировавшие раздел имущества и развод, были практически полностью основаны на господствовавших критериях мужского превосходства^{сxxxiii}. В декларации, принятой в Сенека-Фоллзе, утверждалось, что следствием подчиненного статуса женщин в браке является их неравноправие в получении образования и профессии. «Прибыльные профессии» и «все дороги, ведущие к богатству и престижу» (например, медицина, право, теология), были для женщин совершенно недоступны^{сxxxiv}. Декларация заключала свой список несправедливостей ссылкой на интеллектуальную и психологическую зависимость, которая лишает женщин чувства «уверенности и собственного достоинства»^{сxxxv}.

Неоценимое значение принятой в Сенека-Фоллзе декларации в том, что еще в середине прошлого века в ней были четко сформулированы неотъемлемые права женщин. Это было теоретической кульминацией многолетних, зачастую робких и молчаливых, вызовов, брошенных политическим, социальным, семейным и религиозным условиям, которые разрушающе и подавляюще угнетали личность женщин из среды буржуазии и крепнущих средних слоев. Однако декларация, представляя собой скрупулезное изложение проблем, стоявших перед белыми женщинами среднего класса, практически полностью игнорировала затруднительное положение белых работниц, равно как и условия жизни черных женщин и на Юге, и на Севере. Другими словами, декларация, принятая в Сенека-Фоллзе, содержала анализ положения женщин, принадлежавших лишь к тем социальным слоям, которые были представлены на съезде, и не учитывала условий жизни тех, кто в нем не участвовал.

А как, например, быть с положением женщин, зарабатывавших себе на жизнь,— например, белых работниц на текстильных фабриках Северо-востока? В 1831 году, когда текстильная промышленность оставалась ведущей отраслью в условиях новой промышленной революции, женщины, бесспорно, составляли большинство рабочей силы. На текстильных фабриках, разбросанных всюду по Новой Англии, было занято 38 927 женщин и всего лишь 18 539 мужчин^{сxxxvi}. Первых «фабричных девчонок» набирали из семей местных фермеров. Выжимавшие прибыль фабриканты рекламировали работу на фабрике как привлекательную и полезную подготовку к семейной жизни. Предприятия Уолтхэма и Лоуэлла расписывались как «вторая семья», где строгие матроны наблюдают за девушками из фермерских семей и вся обстановка напоминает выпускные классы школ. Но что из себя представляла жизнь на фабрике в действительности? Невероятно долгий рабочий день — 12, 14 или даже 16 часов ежедневно, жуткие условия труда, немислимо переполненные и непригодные для человека жилые помещения.

Б. Вертгеймер пишет: «На еду отводилось так мало времени — полчаса в полдень на обед,— что женщины выскакивали из жаркого и влажного ткацкого цеха и мчались через несколько кварталов к своим жилым помещениям, где проглатывали свой обед, и бегом возвращались на работу, боясь подвергнуться штрафу в случае опоздания. Зимой они бежали на обед, не теряя времени на то, чтобы застегнуть свои пальто, и часто обедали, не снимая их. Это был сезон воспалений легких. Летом испорченные продукты и очень плохие санитарные условия вызывали дизентерию. Туберкулез свирепствовал во все времена года»^{сxxxvii}.

Работницы на фабриках давали отпор. Начиная с конца 1820-х годов, задолго до съезда в Сенека-Фоллзе (1848 г.), женщины-работницы устраивали стачки и забастовки, по-боевому выражая свой протест против двойного гнета, которому они подвергались и как женщины, и как работницы. Так, например, в 1828 году в Дувре, штат Нью-Гэмпшир, работницы объявили забастовку, выражая тем самым свой протест против введения очередных ограничений. Они «потрясли всю округу, когда вышли на демонстрацию со знаменами и флагами, взрывая петарды»^{сxxxviii}.

К лету 1848 года, когда состоялся съезд в Сенека-Фоллзе, условия труда на фабриках, и без того плохие, ухудшились до такой степени, что дочерей фермеров из Новой Англии на текстильных фабриках стало значительно меньше. На смену женщинам из «приличных семей», «янки» по происхождению, приходили женщины-иммигрантки, которые, как и их отцы, братья и мужья, превращались в промышленный пролетариат страны. Этим женщинам в отличие от их предшественниц, семьи которых владели землей, было не на что рассчитывать, кроме своих рабочих рук. Когда они боролись, то ставкой было их право на жизнь. Они боролись с таким ожесточением, что «в 1840-х годах работницы шли в авангарде боевого рабочего движения в США»^{сxxxix}. Женская рабочая реформистская ассоциация города Лоуэлла, ведя борьбу за десятичасовой рабочий день, в 1843 и 1844 годах обращалась с петициями в законодательное собрание штата Массачусетс. Когда законодательное собрание согласилось провести публичные слушания, то работницы Лоуэлла снискали славу, добившись первого в истории США расследования условий труда правительственным органом^{cxl}. Это было безусловным вкладом в борьбу за права женщин и на четыре года предшествовало официальному началу женского движения.

Судя по той борьбе, которую вели белые женщины-работницы, они, безусловно, заслужили право считаться зачинателями женского движения. Их отличало неустанное отстаивание собственного достоинства как работниц и как женщин, их сознательность и решительный вызов тем, кто выступал за сохранение неравноправного положения женщин. Но их ведущая роль практически игнорировалась руководителями нового движения, не понимавшими, что женщины-работницы по-своему испытывают гнет мужского приоритета и бросают ему вызов.

Как бы для того, чтобы все расставить по своим местам, история в конце концов сыграла с движением, начатым в 1848 году, шутку: из всех женщин, присутствовавших на съезде в Сенека-Фоллзе, работница по имени Шарлотта Вудворд оказалась единственной, кто прожил достаточно долго, чтобы спустя 70 лет на практике осуществить свое право участвовать в выборах^{cxli}. Мотивы, побудившие Шарлотту Вудворд подписать декларацию в Сенека-Фоллзе, едва ли совпадали с мотивами женщин, материально находившихся в лучшем положении. Она приехала на съезд с тем, чтобы получить совет, как улучшить свой статус работницы. Она работала перчаточницей-надомницей, так как эта отрасль еще не была индустриализована. Получаемая ею зарплата забиралась в ее семье мужчинами на «законном» основании. Описывая условия своего труда, она выразила те чувства негодования, которые привели ее в Сенека-Фоллз:

«Мы, женщины, тайком работали, уединившись в своих спальнях, ибо все общество зиждилось на убеждении, что деньги должны зарабатывать мужчины, а не женщины и что только мужчины содержат семью...

Я не верю, что есть хоть одно место, где душа женщин не рвалась бы на волю. Моя душа разрывается. Я могу сказать, что все ее фибры восстанут, хотя и беззвучно, в те часы, когда я сижу и шью перчатки за жалкие гроши, которые, хотя и заработаны мною, но никогда не могут быть моими. Я хотела работать, но я хотела сама выбрать себе дело и получать за это плату. Это было моим протестом против образа жизни, окружавшего меня с рождения»^{cxlii}.

Шарлотта Вудворд и несколько других женщин-работниц, присутствовавших на съезде, были настроены решительно, они относились к женским правам серьезней, чем к чему-либо в своей жизни. На заключительном заседании съезда Лукреция Мотт предложила итоговую резолюцию, призывавшую уравнивать женщин в правах с мужчинами не только в церкви, но и в «получении доступа к различным ремеслам, профессиям, к занятию торговлей» (*курсив мой — А. Д.*)^{cxliii}. Было ли это ее решением, сформулированным в самом конце съезда? Широким жестом по отношению к Шарлотте Вудворд и ее сестрам по классу? Или протест небольшой группы женщин-работниц против замалчивания их требований в первоначальном тексте резолюции побудил Лукрецию Мотт, ветерана антирабовладельческой борьбы, встать на их сторону? Если бы там присутствовала Сара Гримке, она бы сказала, как это сделала однажды:

«В беднейших классах есть много мужественных и честных людей, которые не могут более быть рабами. Они достойны свободы и используют ее достойно». Если права работниц на съезде в Сенека-Фоллзе получили признание, хотя и чисто формально, то о правах другой категории женщин, также «восставших против образа жизни, окружавшего их с рождения»^{cxliv}, не

упоминалось даже косвенно. А ведь на Юге они восстали против рабства, а на Севере — против двусмысленной «свободы», называемой расизмом. По крайней мере один черный мужчина был среди участников съезда в Сенека-Фоллзе. Но там не было ни одной черной женщины, и о них вообще не упоминались в принятых съездом документах. Учитывая участие организаторов Съезда в аболиционистском движении, замалчивание положения рабынь представляется более чем странным^{cxlv}.

Однако это не было чем-то новым. Некоторые женские антирабовладельческие общества еще раньше критиковались сестрами Гримке за игнорирование условий жизни черных женщин и проявление в ряде случаев откровенно расистских предрассудков. Во время подготовки к учредительному съезду Национального женского антирабовладельческого общества Ангелина Гримке была вынуждена предпринять меры, чтобы обеспечить на съезде реальное, а не символическое присутствие черных женщин. Более того, она предложила выступить на съезде со специальным обращением к свободным черным людям на Севере. Так как никто — даже Лукреция Мотт — не мог выступить с такой речью, то это должна была сделать сестра Ангелины, Сара^{cxlvi}. Еще в 1837 году сестры Гримке критиковали нью-йоркское Женское антирабовладельческое общество за провал работы по вовлечению черных женщин в его деятельность. Ангелина Гримке с сожалением констатировала, что «из-за ярко выраженных аристократических предрассудков... они практически бездействовали. Мы серьезно обсуждали возможность создания антирабовладельческого общества среди наших цветных сестер с тем, чтобы они привлекли к своей деятельности белых друзей. Мы считали, что таким образом удастся объединить наиболее активных белых женщин Нью-Йорка с черными женщинами в борьбе против рабства»^{cxlvii}.

Учитывая предшествовавший вклад черных женщин в общую борьбу, их отсутствие на съезде в Сенека-Фоллзе носило вызывающий характер. Более чем за 10 лет до этого съезда Мария Стюарт, отстаивая свое право на публичные выступления, решительно спрашивала своих оппонентов: «Что из того, что я женщина?»^{cxlviii} Она была первой черной женщиной-оратором, родившейся в США, которая выступила перед аудиторией из мужчин и женщин^{cxlix}. В 1827 году «Фридомз джорнэл» — первая газета черных в этой стране — опубликовала письмо одной черной женщины о правах женщин. Матильда, как назвала себя автор, требовала права черных женщин на образование в то время, когда обучение женщин было крайне непопулярной и спорной темой. Ее письмо было напечатано в этой первой нью-йоркской газете для черных за год до того, как Фрэнсис Райт, шотландец по происхождению, начал выступать за равное с мужчинами право женщин на образование.

Она писала: «Я хотела бы обратиться ко всем матерям и сказать им, что, кроме умения готовить пудинг, необходимо знать и что-то большее. Святая обязанность каждой матери — научить своих дочерей полезным вещам. Их следует приучить посвящать свое свободное время чтению книг, откуда они почерпнут драгоценные знания, которых у них никогда не отнимут»^{cl}.

Задолго до первого женского съезда белые женщины из средних слоев уже боролись за право на образование. Требования в письме Матильды, позднее осуществленные с той легкостью, с которой Пруденс Крэнделл набрала черных девочек в свою подвергавшуюся расистами осаде школу в Коннектикуте, свидетельствовали, что белые и черные женщины были, безусловно, едины в своем стремлении к образованию. К сожалению, этот факт не был признан на съезде в Сенека-Фоллзе.

Возможности, которые открывались при объединении усилий черных и белых женщин — особенно в борьбе против дискриминации женщин в образовании, — драматически проявились во время одного эпизода летом 1848 года. По иронии судьбы этот эпизод произошел с дочерью Фредерика Дугласа. Хотя ей официально было разрешено учиться в школе для девочек в Рочестере, в штате Нью-Йорк, в действительности ей не дали возможность посещать занятия вместе с белыми ученицами. Директором школы, отдавшим это распоряжение, была женщина-аболиционистка! После протеста Ф. Дугласа и его жены против подобной сегрегации директор школы предложила своим белым ученицам решить вопрос о допуске дочери Ф. Дугласа на занятия голосованием, предупредив, что даже одного возражения будет достаточно для сохранения запрета. Когда белые девочки проголосовали за интеграцию обучения, директор проинформировала их родителей о своем дискриминационном решении, оправдывая его единственным при обсуждении голосом, поданным против^{cli}. То, что белая женщина, связанная с антирабовладельческим движением, могла допустить расистскую выходку по отношению к черной девочке на Севере, отражает главную слабость аболиционизма — его неспособность последовательно выступать против укоренившихся расистских взглядов. Этот серьезнейший недостаток, который часто критиковали и сестры Гримке, и другие, был, к несчастью, привнесен в организованное движение за права женщин.

Как бы пренебрежительно активистки начального этапа движения за права женщин ни относились к тяжелой участи своих черных сестер, влияние этого нового женского движения ощущалось во всей организованной борьбе черных за свое освобождение. Как уже упоминалось выше, в 1848 году Национальный съезд освобожденных цветных принял резолюцию о равенстве женщин^{clii}. По инициативе Фредерика Дугласа этот съезд в Кливленде постановил, что женщины выбираются делегатами на тех же основаниях, что и мужчины. Вскоре после этого негритянский съезд в Филадельфии не только пригласил участвовать в своей работе черных женщин, но, отдавая дань новому движению, зародившемуся в Сенека-Фоллзе, призвал присоединиться к ним и белых женщин. Вот как Лукреция Мотт объяснила свое решение принять приглашение в письме к Элизабет Кэди Стэнтон:

«Мы сейчас в центре внимания съезда цветного населения города. Дуглас и Делани, Ремонд и Гарнет активно участвуют в его работе, и так как они привлекли женщин, в том числе белых, то я, заинтересованная в освобождении рабов, так же как и женщин, обязана присутствовать и внести свой скромный вклад. Так, вчера под проливным дождем Сара Пуг и я пришли на съезд и собираемся сегодня сделать то же самое»^{cliii}.

Спустя два года после съезда в Сенека-Фоллзе в Вустере, штат Массачусетс, состоялся первый Национальный съезд сторонников движения за права женщин. Среди его участников была Соджорнер Трус. Была ли она приглашена на съезд или приехала по собственной инициативе, но ее присутствие и выступления на заседаниях символизировали солидарность черных женщин с новым направлением борьбы. Она призывала освободиться не только от гнета расистов, но и от господства сторонников женского неравенства.

В выступлении Соджорнер Трус на женском съезде в Акроне, штат Огайо, в 1851 году рефреном звучали слова: «Разве я не женщина?»^{cliv}, которые превратились в один из самых популярных лозунгов женского движения XIX века.

На заседании съезда в Акроне только Соджорнер Трус сумела дать отпор враждебным выкрикам присутствовавших мужчин, из всех собравшихся там женщин она одна смогла дать достойный ответ буйствовавшим хулиганам, категорично утверждавшим превосходство мужчин. Бесспорно обладая качествами руководителя и выдающимися ораторскими способностями, Соджорнер Трус с неопровержимой логикой опровергла утверждения, что женская слабость несовместима с избирательным правом. Вожак хулиганов, пытавшийся сорвать заседание, утверждал, что стремление женщин к участию в выборах нелепо, так как они не могут без помощи мужчин даже перепрыгнуть через лужу или сесть в экипаж. Однако Соджорнер Трус убедительно и просто

ответила, что ей никто и никогда не помогал ни перепрыгивать через лужу, ни садиться в экипаж. «Разве я не женщина?»^{clv} Посмотрите на меня! Посмотрите на мои руки», — воскликнула она «громовым» голосом и, закатав рукава, продемонстрировала огромную мускулатуру^{clvi}. С. Трус говорила: «Я пахала, сеяла, убирала урожай в амбары, и никто из мужчин не мог сделать больше, чем я. А разве я не женщина? Я могу работать так же, как мужчина, могу съесть столько же, сколько мужчина, когда удастся достать еду, так же могу выдерживать удары плетью. А разве я не женщина? Я родила тринадцать детей и видела, как многих из них продали в рабство. И когда я выплакивала мое материнское горе, никто, кроме господ, не слышал. А разве я не женщина?»^{clvii}.

Будучи единственной черной женщиной на съезде в Акроне, Соджорнер Трус сделала то, что ни одна из ее робких белых сестер не была в состоянии сделать. По словам председателя съезда, «в те дни находилось немного женщин, отваживавшихся на публичное выступление». Яростная защита прав женщин сделала Соджорнер Трус героиней дня и привлекла к ней внимание как белых женщин, так и их непримиримых оппонентов-мужчин, наградивших ее внезапной овацией. Она не только нанесла сокрушительный удар по всем рассуждениям мужчин о «слабом поле», но и опровергла их довод о том, что мужское превосходство вытекает из христианства, поскольку сам Христос был мужчиной. С. Трус полемизировала: «Этот маленький человек в черном говорит, что женщины не могут иметь столько прав, сколько мужчины, потому что Христос не был женщиной. Но откуда тогда он появился?»^{clviii}

По словам председательствующей, раскаты грома не смогли бы так утихомирить эту толпу, как это сделал глубокий прекрасный голос Соджорнер Трус, со сверкающими глазами и поднятыми вверх руками^{clix}. Она воскликнула: «Откуда появился ваш Христос? Он произошел от бога и женщины. Мужчина не имел к нему никакого отношения»^{clix}.

Вряд ли можно было использовать и ужасающий грех Евы как доказательство неполноценности женщин. Напротив, по мнению С. Трус, это говорило в их пользу.

«Если первая женщина,— подчеркивала она,— созданная-де богом, была настолько сильна, что в одиночку перевернула весь мир вверх дном, то эти женщины все вместе должны суметь вернуть его на место. И теперь они хотят это сделать, и мужчинам лучше не вмешиваться»^{clxi}.

Воинственно настроенные мужчины успокоились, а женщины ощутили прилив гордости, их «сердца были исполнены благодарности, а глаза заплаканы»^{clxii}. Френсис Дейна Гейдж, председательствовавшая на съезде в Акроне, так вспоминает выступление Соджорнер Трус: «Она взяла нас в свои сильные руки и благополучно перенесла через трясины трудностей, изменив всю ситуацию в нашу пользу. Никогда в жизни я не видела такого магического воздействия, смягчившего накаленную атмосферу и превратившего выкрики и насмешки возбужденной толпы в выражение уважения и восхищения»^{clxiii}.

Обращение С. Трус «Разве я не женщина?» было, как представляется, направлено и против расистского подхода тех белых женщин, которые позднее восхищались своей черной сестрой. Немало женщин на съезде в Акроне первоначально были против выступления черной, и противники прав женщин пытались использовать эти расистские настроения.

Френсис Дейна Гейдж вспоминает:

«Лидеры движения трепетали, когда видели высокую, суровую черную женщину в сером платье и белом тюрбане, увенчанном грубой старомодной шляпой, неторопливо входившую в церковь, с достоинством королевы проходившую по рядам и занимавшую место на ступенях кафедры. По всему помещению разносился гул недовольства, слышались возгласы: «Аболиционистские штучки!», «Я же вам говорила!», «Черномазых — вон!»^{clxiv}

На второй день работы съезда, когда Соджорнер Трус взяла слово для ответа на атаки сторонников превосходства мужчин, наиболее влиятельные белые участницы пытались убедить Ф. Гейдж помешать ее выступлению.

««Не давайте ей говорить!» — шептали мне на ухо полдюжины женщин,— пишет Ф. Гейдж.— Она двигалась вперед медленно и торжественно, положила к ногам свою старую шляпу и взглянула на меня своими огромными, выразительными глазами. Сверху и снизу слышался свист и гул возмущения. Я встала и объявила: «Соджорнер Трус», и попросила аудиторию на несколько минут успокоиться»^{clxv}.

К счастью для женщин Огайо, для женского движения в целом, в которое выступление С. Трус внесло боевой наступательный дух, и для нас, кто и сегодня вдохновляется ее призывом, Френсис Дейна Гейдж не поддалась расистскому давлению своих подруг. Ответ этой черной женщины сторонникам концепции мужского превосходства содержал также и серьезный урок белым женщинам. Повторяя свой вопрос «Разве я не женщина?» по крайней мере четыре раза, она разоблачала классовые предрассудки и расизм нового женского движения. Не все женщины были белыми и не все обладали материальным комфортом буржуазии и средних слоев. Соджорнер Трус была черной, бывшей рабыней, принадлежавшей к иной расе и иному общественному классу, но она была женщиной не в меньшей степени, чем любая из ее белых сестер, присутствовавших на съезде. И ее стремление к равным правам с мужчинами было не менее оправданным, чем у белых женщин из средних слоев. Спустя два года на национальном женском съезде она продолжила борьбу против попыток лишить ее права голоса.

«Я знаю,— заявила она,— что, когда вы видите, как цветная женщина начинает говорить о правах женщины, вам хочется свистеть и шипеть. Нас всех сбросили так низко, что никто не думал, что мы вновь воспрянем. Настал конец нашему терпению. Мы поднимемся вновь, и вот я здесь»^{clxvi}.

В 1850-е годы местные и национальные съезды вовлекали в борьбу за равноправие все большее число женщин. Соджорнер Трус целенаправленно появлялась на этих собраниях и, вопреки неизбежной враждебности, добивалась права на выступление. Говоря от имени ее черных сестер, как рабынь, так и «свободных», она вносила в движение за права женщин боевой дух. В этом ее неоценимый исторический вклад. Сам факт ее присутствия, как и ее речи, постоянно напоминали проявлявшим «забывчивость» о том, что черные женщины стремятся к тем же правам, что и белые.

Кроме того, большое число черных женщин находили другие, непосредственно не связанные с появлявшимся организованным женским движением способы выражения своего стремления к свободе и равноправию. Многие черные женщины на Севере активно участвовали в работе «подземной железной дороги», Джейн Льюис, жительница Нового Ливана, штат Огайо, постоянно перевозила на своей лодке через реку Огайо беглых рабов^{clxvii}. Френсис Е. Харпер, убежденная феминистка и самая популярная черная поэтесса середины XIX века, была одним из наиболее активных ораторов, участвовавших в антирабовладельческом движении. Шарлотта Форген, ведущая просветительница черного народа в период после Гражданской войны, также была активной аболиционисткой. Сара Ремонд, выступавшая с антирабовладельческими лекциями в Англии, Ирландии и Шотландии, оказала большое влияние на общественное мнение и, по словам историка С. Силлена, «...помешала консерваторам вмешаться в

Гражданскую войну на стороне Конфедерации»^{clxviii}.

Даже наиболее радикальные белые аболиционисты, выступавшие против рабства по моральным и гуманистическим соображениям, не поняли эксплуататорской сущности быстро развивающегося на Севере капитализма. Они рассматривали рабство как отвратительный и бесчеловечный институт, архаическую несправедливость, но не понимали при этом, что белый рабочий на Севере, несмотря на его (или ее) статус «свободного» труженика, ничем не отличается от находящегося в рабстве «рабочего» на Юге: оба являются жертвами экономической эксплуатации. Даже Уильям Ллойд Гаррисон, известный как наиболее радикальный аболиционист, решительно выступал против права на организацию работающих по найму. В первом номере его газеты «Либереитор» была опубликована статья, осуждавшая попытку бостонских рабочих создать свою политическую партию:

«Была предпринята попытка — и этому, к нашему сожалению, еще не положен конец — воспламенить сознание наших рабочих и настроить их против более состоятельных классов, убедить их в том, что они — жертва угнетения богатой аристократии. В высшей степени преступно озлоблять наших рабочих и подталкивать их к насилию, собирая под прикрытием партийного флага»^{clxix}.

Как правило, белые аболиционисты или защищали промышленную буржуазию, или проявляли отсутствие классового сознания вообще. Столь же очевидно безоговорочное признание экономической системы капитализма и в программе движения за права женщин. Если большинство аболиционистов рассматривало рабство как отвратительный, позорный институт, который необходимо уничтожить, то точно так же большинство поборников женского равноправия относилось к позициям сторонников мужского превосходства, воспринимая их как безнравственный порок в целом вполне приемлемого общества.

Лидеры движения за права женщин и не подозревали, что порабощение черного народа на Юге, экономическая эксплуатация рабочих на Севере и социальное угнетение женщин взаимосвязаны. На раннем этапе женского движения мало говорилось не только о белых рабочих, но даже о положении белых женщин-работниц. Хотя многие женщины поддерживали аболиционистское движение, они не смогли связать свои антирабовладельческие настроения с пониманием угнетенного положения женщин.

С началом Гражданской войны лидеров движения за права женщин убедили переориентироваться на защиту дела Союза. Но, прекратив свою агитацию за равноправие женщин, они убедились, насколько глубока корни расизма и в американском обществе. Элизабет Кэди Стэнтон, Лукреция Мотт и Сьюзен Б. Энтони разъезжали по штату Нью-Йорк, выступая с лекциями в защиту борьбы Севера и требуя «немедленного и безусловного освобождения рабов»^{clxx}.

Эта поездка была самым суровым в их жизни испытанием. В каждом городе, где они останавливались, от Буффало до Олбани, им угрожали расправой озверевшие банды. В Сиракузах в зал ворвалась толпа мужчин, размахивавших ножами и пистолетами^{clxxi}.

Если бы даже раньше они не знали, что Юг отнюдь не обладает монополией на расизм, то их опыт агитаторов за дело Союза мог бы открыть им глаза на то, что расизм на Севере существует и может принимать жестокие формы.

Когда на Севере была введена воинская повинность, в главных городских центрах прорабовладельческие силы спровоцировали крупные мятежи, принесшие насилие и смерть свободному черному населению. В Нью-Йорке в июле 1863 года банды расистов «разрушили призывные пункты, подожгли арсенал, напали на редакцию «Трибьюн» и на видных деятелей республиканской партии, сожгли негритянский приют для сирот и вообще создали в городе хаос. Банды расистов с особой яростью обрушились на негров, нападая на них повсюду. Многие были убиты... Подсчитано, что около тысячи человек было убито и ранено»^{clxxii} — возмущенно писал У. Фостер.

Если бы раньше и не было известно, насколько сам Север заражен расизмом, то бесчинства банд в 1863 году доказали, что антинегритянские настроения носили глубокий и устойчивый характер и были чреватые смертельной угрозой. Если рабство было монополией Юга, то в насаждении расизма он, безусловно, был не один.

Элизабет Кэди Стэнтон и Сьюзен Б. Энтони были согласны с радикальными аболиционистами в том, что освобождение рабов и привлечение их в ряды армий Севера способствовали бы скорейшему окончанию Гражданской войны. Они пытались объединить вокруг этого требования массы женщин, выступив с призывом создать Женскую лоялистскую лигу. На ее учредительном съезде сотни женщин согласились помочь армии, распространяя петиции, требовавшие освобождения рабов. Однако они не были столь единодушны в отношении резолюции Сьюзен Б. Энтони, где равноправие женщин связывалось с освобождением черных.

В предложенной резолюции утверждалось, что в США никогда не будет настоящего мира до тех пор, пока не будут практически реализовываться «гражданские и политические права всех граждан африканского происхождения и всех женщин»^{clxxiii}. К сожалению, послевоенные события показали, что эта резолюция, возможно, была принята из-за опасения, что, когда рабы вступят в царство свободы, белым женщинам придется бороться за свои права в одиночку. Только Ангелина Гримке принципиально защищала органическую взаимосвязь между освобождением черных и освобождением женщин. «Я хочу, чтобы меня считали черной», — настаивала она. «Пока черные не добьются своих прав, мы никогда не добьемся наших»^{clxxiv}.

А. Гримке писала: «Я была чрезвычайно довольна, что эта резолюция призвана объединить нас с неграми. Я чувствовала, что мы вместе с ними, что огонь жжет и их, и наши души. Да, нас не били бичом, да, нас не заковывали в кандалы, но наши сердца были разбиты»^{clxxv}.

Характерно, что на этом учредительном съезде Женской лоялистской лиги, куда были приглашены все ветераны аболиционистского движения и борьбы за права женщин, Ангелина Гримке выступила с наиболее глубоким анализом характера войны, назвав ее «нашей второй революцией»^{clxxvi}. Она заявила, что, «вопреки лживым утверждениям Юга, эта война идет не между расами, не между различными частями страны, не между политическими партиями... Это война Принципов, война против трудящихся классов, как белых, так и черных... В этой войне первой жертвой пал черный, затем — рабочий без различия цвета кожи, а теперь все, кто борется за право на труд, за свободу слова, образования, выборов, свободное правительство... вынуждены сражаться за все это или пасть во имя этого, став жертвами того же насилия, что два столетия держит в рабстве черный народ. В то время как Юг ведет эту войну против прав человека, Север нерешителен по отношению к тем, кто камнями забил до смерти свободу...

* *Конфедерация* — так назвали себя в феврале 1861 г. отделившиеся от США южные рабовладельческие штаты. Конфедерация (в нее входило 11 штатов) просуществовала до апреля 1865 г., когда войска Севера вынудили ее вооруженные силы капитулировать. Буржуазный Север в годы Гражданской войны часто называли Союзом, подчеркивая этим, что он сохраняет верность союзу североамериканских штатов.

Страна находится в смертельной схватке. Она завершится тем, что США или превратятся в огромную империю мелких тиранов, или станут священной землей свободных»^{clxxvii}.

Блестящее «Обращение к солдатам нашей второй революции» Анжелины Гримке показало, что ее политическое сознание было значительно выше, чем у большинства современников. В своем выступлении она предложила радикальную теорию и практику, которая могла бы быть реализована созданием союза, включающего в себя рабочих, черных и женщин. Как отмечал К. Маркс, «труд белого никогда не будет свободен там, где угнетен труд черного»^{clxxviii}. Это применимо, как прозорливо подчеркивала Анжелина Гримке, и к борьбе за демократические права, особенно за равноправие женщин, которую успешно можно было вести лишь вместе с борьбой за освобождение черных.

РАСИЗМ В ЖЕНСКОМ СУФРАЖИСТСКОМ ДВИЖЕНИИ

В совместной работе Э. Стэнтон, С. Энтони и М. Гэйдж приводится следующий пассаж: «Хотя политики могут еще пять или даже десять лет ломать из-за этого копыя, но черные мужчины по сравнению с образованными белыми женщинами и по сей день политически значительно активнее. За последние 30 лет наиболее представительные участницы женского движения сделали все, что могли, чтобы добиться для негра свободы; и пока он находился на самой низшей ступени бытия, мы стремились поддерживать его борьбу; но теперь, когда волшебные ворота, ведущие к гражданским правам, медленно приоткрываются, возникает серьезный вопрос: должны ли мы стоять в стороне и смотреть, как «Самбо» первым будет входить в царство свободы. Поскольку самосохранение — главный закон природы, не лучше ли сохранить в наших лампах горящий фитиль и, когда дверь здания конституции откроется, использовать сильную руку и голубую форму черного солдата, чтобы вместе с ним войти в это здание и тем самым открыть эту дверь так широко, чтобы ни один привилегированный класс никогда не смог вновь закрыть ее перед самым простым гражданином республики?

«Настал час негра». Уверены ли мы в том, что он, однажды укрепившись в своих неотъемлемых правах, не пополнит ряды наших угнетателей, оставив нас в безвыходном положении? Разве «черные граждане-мужчины» не выступали против предоставления женщинам избирательных прав? Почему надо считать африканца более достойным и великодушным, чем равного ему по положению англосакса? Если двум, миллионам черных женщин на Юге не обеспечат прав личности, собственности, права на заработную плату и воспитание детей, их освобождение будет ничем иным, как другой формой рабства. Лучше уж быть в рабстве у образованного белого человека, чем у деградировавшего, невежественного черного...»^{clxxxix}

Это письмо к редактору газеты «Нью-Йорк стэндард» было написано Элизабет Кэди Стэнтон 26 декабря 1865 года. Очевидные расистские идеи, содержащиеся в этом письме, показывают, что понимание соотношения между битвой за освобождение черных и борьбой за право женщин у Элизабет Стэнтон было в лучшем случае поверхностным. Создается впечатление, что она была полна решимости помешать дальнейшему прогрессу черного народа, презрительно именуемого «Самбо», если это немедленно не даст белым женщинам соответствующих дивидендов.

Оппортунистическая и, к сожалению, расистская логика письма Э. Стэнтон в «Нью-Йорк стэндард» вызывает серьезные сомнения в искренности предложения слить воедино борьбу за права женщин с борьбой черных, которое было сделано на первом после начала Гражданской войны съезде сторонников движения за права женщин. Делегаты этого съезда, состоявшегося в Нью-Йорке в мае 1866 года, приняли решение создать Ассоциацию борьбы за равноправие (АБР), объединяющую борьбу за права черных и права женщин. Безусловно, многие делегаты понимали настоятельную необходимость такого единства, которое принесло бы пользу как черному народу, так и белым женщинам. Сьюзен Б. Энтони, например, настаивала на необходимости «расширить рамки нашей борьбы за равноправие женщин, чтобы само название отражало присущий ей дух борьбы за права человека»^{clxxx}. Однако на заседаниях съезда явно чувствовалось влияние расизма, Один из основных ораторов на съезде, известный аболиционист Генри Уорд Бичер, утверждал, что белые женщины, которые родились в США и имеют образование, должны иметь и большие права на участие в избирательных кампаниях, чем черные и иммигранты, которых он характеризовал в явно оскорбительной манере с расистских позиций: «Пусть на одной чаше весов будет эта огромная армия изящных и образованных женщин, а на другой — огромная туча освобожденных африканцев, да кроме того — великое множество иммигрантов с Изумрудного острова*. Хватит ли у нашего правительства сил, чтобы сохранить порядок, предоставив им избирательные права? Такие силы есть. Мы дадим им это право. Но не ослабеем ли от этого мы? И если говорить о самой справедливой, лучшей части нашего общества, о тех, кому мы обязаны собственной культурой — наших учителей и надежных спутниках, тех, кому доверяешь все, чем дорожишь сам, — здоровье детей, семейный очаг, собственность, свое имя и репутацию и, что еще важнее, свою духовную жизнь (о чем не должен вслух говорить ни один мужчина) — можем ли мы сказать о них: «Они в конечном счете не заслужили права голосовать наравне с ирландцами и африканцами»?..

...Я утверждаю... что гораздо важнее, чтобы могли голосовать белые женщины, а не черные мужчины»^{clxxxii}.

Высказывания Г. Бичера вскрывают глубокую взаимосвязь между идеологией расизма, классовыми предрассудками и критериями мужского превосходства, поскольку, восхваляя белых женщин, он использует типичный набор выражений апологетов мужского превосходства.

В мае 1867 года на первом ежегодном заседании Ассоциации борьбы за равноправие выступление Элизабет Кэди Стэнтон, по существу, воспроизводило рассуждения Г. Бичера о том, что получение избирательных прав женщинами (подразумевались белые женщины англосаксонского происхождения) значительно важнее, чем право голоса для черных мужчин.

Так, Э. Стэнтон заявила: «Если право голоса получают черные мужчины, то это никак не отразится на деятельности правительства. Если же право голоса получают женщины, то их культура и нравственность послужат импульсом, который сделает англосаксонскую расу более высокой и благородной, и, таким образом, это будет способствовать возвышению всех других рас. Этого никогда не удастся достигнуть при политической изоляции мужчин от женщин»^{clxxxiii}.

Главным вопросом, обсуждавшимся на этом заседании, было предстоящее предоставление черным мужчинам избирательных прав, а также готовность поборников равноправия женщин поддержать эту акцию, если даже женщины не смогут добиться избирательных прав одновременно с черными. Элизабет Кэди Стэнтон и другие, считавшие, что освобождение сделало черных «равными» белым женщинам, категорически выступали против предоставления черным мужчинам права голоса, так как, по их мнению, это поставило бы черных мужчин в привилегированное положение. Однако находились и такие, кто понимал, что уничтожение рабства не ликвидировало экономического гнета, довлевшего над черным народом, и что поэтому именно черные испытывали острую необходимость в возможности влиять на политическую жизнь страны. Разногласия Эбби Келли Фостер с Э. Стэнтон выразились, в частности, в следующем вопросе Фостер:

«Есть ли у нас элементарное чувство справедливости, не утратили ли мы свое чувство гуманизма, если рассуждаем о том, чтобы отложить обеспечение безопасности черных от бед, угрожающих им сегодня, и от порабощения в будущем до тех пор, пока мы, женщины, не получим политических прав?»^{clxxxiv}

С началом Гражданской войны Элизабет Кэди Стэнтон призвала своих единомышленниц-феминисток отдать все силы освобождению негров. Позднее она утверждала, что поборники женского равноправия совершили стратегическую ошибку, подчинив свои цели аболиционизму. Говоря в своих «Воспоминаниях», что «на протяжении шести лет женщины приостановили борьбу за свои права во имя освобождения рабов на Юге»^{clxxxv}, Э. Стэнтон признавала, что эта патриотическая деятельность

* Изумрудный остров — так называют иногда Ирландию, число иммигрантов из которой в США в XIX — начале XX в, было очень высоким.

была высоко оценена в республиканских кругах. «Но когда рабов освободили... и эти женщины потребовали, чтобы в период Реконструкции** их признали гражданами страны, равными перед законом, то,— сетовала она,— все их выдающиеся заслуги исчезли как роса под утренним солнцем»^{clxxxv}.

По мнению Э. Стэнтон, из опыта борьбы белых женщин периода Гражданской войны следовало извлечь урок: «Женщины никогда не должны помогать мужчинам в решении их проблем и не должны допускать, чтобы они возвысились над женщинами»^{clxxxvi}.

Анализ условий, сложившихся в конце войны, страдает у Э. Стэнтон заметной политической наивностью, что отражало большее, чем когда-либо, влияние на нее расистской идеологии. Как только армия Союза одержала победу над своими противниками-конфедератами, Э. Стэнтон и ее соратницы потребовали, чтобы республиканская партия отблагодарила их за вклад в победу. Они требовали предоставления избирательного права, как будто была заключена сделка, как будто поборники женских прав боролись против рабства лишь потому, что в награду ожидали права голоса.

Разумеется, после победы в Гражданской войне республиканская партия не поддержала идею предоставления женщинам избирательных прав. Но это произошло не столько потому, что республиканцы были мужчинами, сколько из-за того, что как политики они были обязаны считаться прежде всего с экономическими интересами, господствовавшими в тот период. Поскольку военное противоборство Севера с Югом являлось войной за свержение класса южан-рабовладельцев, это была война, которая велась главным образом в интересах буржуазии Севера, молодой и растущей промышленной буржуазии, нашедшей выражение своих политических взглядов в республиканской партии. Капиталисты Севера стремились к экономическому контролю над всей страной. Поэтому борьба против господства южан-рабовладельцев не означала, что буржуазия поддерживает освобождение от гнета черных мужчин и женщин.

Торжествующие политики не собирались включать в программу республиканской партии в послевоенный период ни предоставления избирательного права женщинам, ни реального обеспечения неотъемлемых политических прав черного народа. То, что эти политики допустили распространение права голоса на только что освобожденных черных мужчин на Юге, отнюдь не означало, что черные мужчины в их представлении были выше белых женщин. Избирательное право для черных мужчин, как оно было сформулировано в 14-й и 15-й поправках к конституции, предложенных республиканцами, являлось тактическим ходом с целью обеспечить политическую гегемонию республиканской партии в хаосе послевоенного Юга. Лидер республиканцев в сенате Чарлз Самнер до Гражданской войны был страстным защитником избирательных прав женщин. Однако после ее окончания он внезапно изменил свою позицию, заявив, что предоставление женщинам права голоса является «несвоевременным» требованием^{clxxxvii}. По словам М. Гурко, «...республиканцы хотели, чтобы ничто не помешало им завоевать два миллиона голосов черных»^{clxxxviii}.

Когда правоверные республиканцы в период после Гражданской войны на требования предоставить женщинам право голоса ответили выдвиганием лозунга «Настал час негра», то на самом деле они подразумевали, что «настал час, когда республиканская партия получит два миллиона новых голосов». Однако Элизабет Кэди Стэнтон и ее последовательницы, кажется, были убеждены, что «настал час мужчин» и что республиканская партия готова распространить на черных мужчин все привилегии, вытекавшие из концепции мужского превосходства. Когда в 1867 году на съезде Ассоциации борьбы за равноправие черный делегат спросил Элизабет Кэди Стэнтон, возражает ли она против предоставления избирательных прав черным мужчинам, если право голоса не будет предоставлено женщинам, то она ответила: «...Я возражаю! Я не смогу доверить черному защитнику моих прав; деградировавший, угнетенный, он будет более деспотичен... чем когда-либо были наши англосаксонские правители...»^{clxxxix}.

Принцип единства, заложенный при создании Ассоциации борьбы за равноправие, был, бесспорно, вне критики. То, что Фредерик Дуглас согласился на пост вице-президента вместе с Элизабет Кэди Стэнтон, а Лукреция Мотт была избрана президентом ассоциации, символизировало серьезный характер этих поисков единства. Тем не менее, как представляется, Э. Стэнтон и некоторые ее соратницы, к сожалению, воспринимали эту организацию как средство обеспечить получение избирательных прав черными мужчинами и белыми женщинами одновременно и не допустить того, чтобы черные добились права голоса раньше, чем белые женщины. Когда Ассоциация борьбы за равноправие поддержала 14-ю поправку, которая увязывала число депутатов в палате представителей с количеством мужчин, имеющих права гражданства, но не допущенных к федеральным выборам, эти белые женщины почувствовали, что их полностью предали. После того как ассоциация проголосовала в поддержку 15-й поправки, запрещавшей лишение права голоса на основании расы, цвета кожи или пребывания в рабстве в прошлом, внутренние трения переросли в открытую и ожесточенную идеологическую борьбу. Как пишет Элеонора Флекснер, «возмущение Э. Стэнтон и мисс Энтони не знало пределов. Последняя пообещала, что «скорее отрежет свою правую руку, чем когда-либо пошевелит пальцем для обеспечения избирательных прав негров», а не женщин». Миссис Стэнтон в униженных выражениях отзывалась о «Самбо» и предоставлении права голоса «африканцам, китайцам и вообще всем невежественным иностранцам в тот момент, как только они вступают на землю США». Она предупреждала, что поддержка республиканцами избирательного права для мужчин «создает антагонизм между черными мужчинами и всеми женщинами, что приведет к ужасным насилиям над женщинами, особенно в южных штатах»^{cx}.

До сих пор идет дискуссия, было ли оправдано критическое отношение лидеров движения за права женщин к 14-й и 15-й поправкам. Но одно положение представляется очевидным: зачастую защита собственных интересов белыми женщинами из средних слоев в духе эгоизма и высокомерия отражала их слабую заинтересованность в борьбе за равноправие черных после Гражданской войны. Бесспорно, что две эти поправки исключали женщин из нового процесса предоставления избирательных прав и поэтому рассматривались ими как подрыв их политических целей. Бесспорно, что женщины чувствовали себя столь же достойными избирательного права, как и черные мужчины. Однако, обосновывая свой протест, эти женщины прибегли к аргументам, заимствованным из концепции превосходства белых, тем самым продемонстрировав, насколько беззащитны, несмотря на долгие годы борьбы за прогрессивные цели, они были перед губительной идеологией расизма.

Как Элизабет Кэди Стэнтон, так и Сьюзен Б. Энтони считали, что победа Севера принесла подлинное освобождение миллионам черных, бывших жертвами южан-рабовладельцев. Они предполагали, что ликвидация рабовладельческой системы настолько

** Реконструкция — период с апреля 1865 г. по апрель 1877 г., в ходе которого осуществлялось восстановление, реконструкция страны в прежнем составе штатов (т. е., включая бывшую Конфедерацию). Различают радикальный и консервативный подходы к Реконструкции: первый предлагал программу широких преобразований на Юге, включая предоставление черным мужчинам права голоса; согласно второму, южные штаты, формально признав факт отмены рабства, могли возвратиться в состав США.

поднимет статус черных, что в американском обществе он станет практически во всех отношениях сопоставим с положением белых женщин из средних слоев.

Как писала П. Аллен, «после освобождения и Билля о гражданских правах негры и женщины располагают теперь одинаковыми гражданскими и политическими правами, одинаково нуждаясь лишь в праве голоса»^{cxci}.

Предположение о том, что после освобождения бывшие рабы стали равными белым женщинам, и что для достижения полного социального равенства этим двум группам не хватало лишь права голоса, не учитывало того, что завоеванная свобода черного народа после Гражданской войны носила чисто условный характер. Хотя цепи рабства были порваны, черные по-прежнему страдали от нищеты и сталкивались с террором расистских банд, зверства которых превосходили даже времена рабства.

По мнению Ф. Дугласа, ликвидация рабства произошла лишь на словах, а на деле черный народ на Юге постоянно ощущал его смрад. Ф. Дуглас доказывал, что есть единственный путь обеспечить новый «свободный» статус черных на Юге. «Рабство не уничтожено, пока черный не получил права голоса»^{cxcii}. Это была его исходная посылка для доказательства стратегического приоритета борьбы за право голоса для черных в данный исторический момент над усилиями достичь права голоса для женщин.

Ф. Дуглас рассматривал избирательное право как необходимое оружие для того, чтобы довести до конца незавершенный процесс уничтожения рабства. Ф. Дуглас, безусловно, не руководствовался концепцией черного мужского превосходства, когда доказывал, что в тот конкретный момент борьба за право голоса для женщин была менее важна, чем — для черных мужчин. Хотя зачастую его замечания, высказанные в пылу полемики, оставляли желать лучшего, Ф. Дуглас был совершенно свободен от каких бы то ни было предрассудков, типичных для сторонников мужского превосходства, и его концепция о стратегическом приоритете права голоса для черных ни в коей мере не была направлена против женщин.

Ф. Дуглас доказывал, что, не участвуя в голосовании, черный народ на Юге вообще будет не в состоянии добиться какого-либо экономического прогресса. Он отмечал, что «без избирательных прав негр будет практически оставаться рабом. Частная собственность на раба уничтожена, но если мы восстановим в Союзе южные штаты, не предоставив неграм права голоса, то мы превратим черных в собственность того общества, в котором они проживают»^{cxciiii}.

В период после Гражданской войны необходимость борьбы с продолжавшимся экономическим угнетением была не единственной причиной столь настойчивых усилий черного народа добиться участия в выборах. Безнаказанное насилие расистских банд, подстрекаемых теми, кто стремился нажиться на эксплуатации бывших рабов, несомненно, продолжалось бы до тех пор, пока черный народ не добился бы политической власти. Ф. Дуглас еще при первых столкновениях с суфражистками в Ассоциации борьбы за равноправие настаивал на необходимости первоочередного решения вопроса о праве голоса для черных потому, что «для нас отсутствие избирательных прав означает повторение расистских погромов в Новом Орлеане, Мемфисе, Нью-Йорке»^{cxciiv}.

Погромы в Мемфисе и Новом Орлеане произошли в мае и июле 1866 года, менее чем за год до разрыва Ф. Дугласа с белыми суфражистками. Специальный комитет конгресса США заслушал свидетельство недавно освободившейся от рабства черной женщины, оказавшейся жертвой насилия в Мемфисе:

«Я видела, как они убили моего мужа... ему выстрелили в голову, когда он, больной, лежал в кровати... в дом ворвалось человек двадцать-тридцать... они заставили его встать и выйти из дома... они спросили, служил ли он в армии северян... Затем один отступил назад, приставил пистолет к голове моего мужа и трижды выстрелил... муж упал, но он еще шевелился, как будто пытался вернуться в дом; они сказали, что, если он не поторопится умереть, они снова в него выстрелят»^{cxciy}.

И в Мемфисе, и в Новом Орлеане были убиты и ранены как черные, так и некоторые белые радикалы. Во время этих погромов банды расистов сжигали школы, церкви и жилища черных, поодиночке и группами насиловали встречавшихся им черных женщин. Однако резня в Нью-Йорке в 1863 году превзошла эти погромы на Юге. У. Фостер пишет, что это побоище, унесшее жизни более тысячи человек, было инспирировано прорабовладельческими элементами, выступавшими против призыва в армию Севера^{cxciy}.

Учитывая широко распространенные террор и насилие, от которых страдало черное население на Юге, настойчивость Ф. Дугласа, доказывавшего необходимость первоочередного по сравнению с белыми женщинами из средних слоев предоставления права голоса черным, вполне оправданна и логична. Бывшие рабы все еще были вынуждены бороться за право на жизнь, и, по мнению Ф. Дугласа, только участие в выборах могло обеспечить им победу. Напротив, белые женщины из средних слоев, чьи интересы выражали Элизабет Кэди Стэнтон и Сьюзен Б. Энтони, не могли утверждать, что их жизням угрожает физическая опасность. Они в отличие от черных мужчин и женщин на Юге непосредственно не участвовали в войне за освобождение. И, разумеется, победа северян не означала, что полностью прекратились насилие и убийства черных на Юге. Как заметил У. Дюбуа, «всегда трудно прекратить войну, и вдвойне трудно прекратить войну гражданскую. Когда людей долго обучают убийствам и насилиям, это неизбежно проявляется в мирной жизни; преступления, анархия и беспорядки продолжают и после заключения мира»^{cxciy}.

Как пишет У. Дюбуа, многие исследователи периода после Гражданской войны полагали, что «южане, казалось, перенесли свою ненависть к федеральному правительству на цветных»^{cxciy}. Далее он отмечал, что «в Алабаме, Миссисипи и Луизиане в 1866 году говорили, что жизнь негра недорого стоит. Я видел одного негра, которому выстрелили в ногу, когда он ехал верхом на муле. Негодяй, который сделал это, считал, что проще пристрелить негра, чем просить его сойти с мула»^{cxciy}.

Что касается жизни черного народа на Юге после Гражданской войны, то она была насыщена экстремальными ситуациями. Требования Ф. Дугласа предоставить право голоса черным зиждились на его убеждении, что голосование — это чрезвычайная мера. Каким бы Ф. Дуглас ни казался пассивным в оценках потенциального значения голосования в рамках республиканской партии, он не рассматривал предоставление черным права голоса как карту в политической игре. Для Ф. Дугласа право голоса было прежде всего средством обеспечить выживание масс черного народа, а отнюдь не гегемонию республиканской партии на Юге.

Лидеры послевоенного движения за права женщин склонялись к тому, чтобы рассматривать завоевание избирательных прав как свою конечную цель. Уже в 1866 году считалось, что каждый, кто поддерживает избирательные права женщин, достоин участия в суфражистском движении, будь он хоть трижды расистом. Даже Сьюзен Б. Энтони считала правомерным, что в защиту прав женщин выступил конгрессмен, сам себя называвший сторонником расистской концепции превосходства белых. К огромному смущению Ф. Дугласа, С. Энтони и ее коллеги во всеуслышание расточали похвалы конгрессмену Джеймсу Бруксу, бывшему редактору прорабовладельческой газеты^{cc}, хотя его поддержка борьбы женщин носила чисто тактический характер, имея целью контратаковать республиканцев, поддерживавших лозунг предоставления избирательных прав черным.

Выражая интересы бывших рабовладельцев, демократическая партия пыталась помешать предоставлению права голоса черному

мужскому населению на Юге. Поэтому поддержка многими ведущими демократами избирательного права для женщин являлась рассчитанным ходом в их борьбе против республиканских конкурентов и объяснялась исключительно конъюнктурными соображениями. Отношение демократов к женскому равноправию было столь же бесчестно, как и разрекламированная позиция республиканцев по отношению к праву голоса черных мужчин. Если бы Элизабет Кэди Стэнтон и Сьюзен Б. Энтони более тщательно проанализировали политическую ситуацию периода после Гражданской войны, они бы не столь активно стремились объединить усилия суфражистского движения с деятельностью пресловутого Джорджа Фрэнсиса Трейна. Этот закоренелый расист-демократ провозглашал: «Сначала — женщины, а негры — в последнюю очередь, вот моя программа»^{ccii}. Когда Э. Стэнтон и С. Энтони встретились с Дж. Трейном во время избирательной кампании 1867 года в штате Канзас, он вызвался оплатить все расходы по совместному длительному лекционному туру. Элизабет Кэди Стэнтон писала: «Большинство наших друзей считало это серьезной ошибкой... но результат оказался самым лучшим. Мистер Трейн был тогда в расцвете сил — джентльмен в одежде и манерах, он не пил, не курил, не жевал резинку, не предавался излишествам в еде. Он был прекрасным оратором и актером...»^{cciii}

Та же Э. Стэнтон признает в своих «Воспоминаниях», что о Дж. Трейне отзывались и как о «сумасшедшем арлекине и полунунатике»^{cciiii}. У. Гаррисон писал: «Дж. Трейн в равной степени лишен как принципов, так и здравого смысла... Его можно было использовать для привлечения внимания аудитории, но с тем же успехом можно было использовать кенгуру, гориллу, гиппопотама»^{ccv}.

Эту точку зрения Уильяма Ллойда Гаррисона разделяли такие деятели, как Люси Стоун и Генри Блэкуэлл. Но Э. Стэнтон и С. Энтони искали поддержку, а поскольку Дж. Трейн был готов им помочь, то они встретили его с распростертыми объятиями. При его финансовой поддержке Э. Стэнтон и С. Энтони основали журнал, названный по настоянию Дж. Трейна «Революция». По его же настоянию на обложку журнала был вынесен девиз: «Мужчины, их права — и ничего больше; женщины, их права — и ничего меньше»^{ccvi}.

Еще до того, как состоялся съезд Ассоциации борьбы за равноправие в 1869 году, 14-я поправка, смысл которой заключался в том, что только граждане-мужчины признавались имеющими право голоса без каких-либо ограничений, уже была принята. 15-я поправка, запрещающая лишение права голоса из-за расовой принадлежности, цвета кожи или пребывания в рабстве в прошлом (о женщинах ничего не говорилось!), должна была вот-вот стать законом. В повестке дня этого съезда АБР стоял вопрос о поддержке 15-й поправки. Поскольку ведущие суфражистки яростно выступали против, было очевидно, что открытый раскол неизбежен. Хотя делегаты понимали, что этот съезд их ассоциации может стать последним, Фредерик Дуглас поспешил обратиться к своим белым сестрам со страстным призывом:

«Когда женщин, потому что они женщины, выталкивают из их домов и вздергивают на фонарных столбах; когда из материнских рук вырывают детей и их мозги разбрызгиваются по мостовой; когда женщины на каждом шагу становятся жертвой оскорблений и насилий; когда им грозит опасность, что их дома сожгут вместе с ними; когда их детям не разрешают ходить в школу, — тогда право голоса становится для них столь же необходимым»^{ccvii}.

Каким бы резким и полемичным ни было выступление Ф. Дугласа, оно с безошибочной четкостью создало живую, образную картину жестоких страданий бывших черных рабов, испытывавших гнет, качественно отличавшийся от всех трудностей, выпавших на долю женщин из средних слоев.

Убеждая АБР поддержать 15-ю поправку, Ф. Дуглас отнюдь не призывал своих сторонников полностью отказаться от требования избирательных прав для женщин. Напротив, внесенная им резолюция требовала немедленного принятия принципа... «предоставления избирательных прав любому классу, до сих пор ими не обладавшему, что станет самым ярким триумфом нашей идеи в целом»^{ccviii}. Фредерик Дуглас рассматривал принятие 15-й поправки как «удовлетворение половины требований»^{ccviii} и как основу для наращивания «усилий, направленных на принятие следующей поправки, гарантирующей те же священные права без ограничений по признаку пола»^{ccix}.

За два года до этого Соджорнер Трус, возможно, возражала бы против такой позиции Ф. Дугласа. На съезде АБР в 1867 году она выступила против ратификации 14-й поправки потому, что она полностью лишала черных женщин избирательных прав.

Дж. Лернер цитирует С. Трус: «Большая шумиха поднята вокруг получения цветными мужчинами их прав, но ни слова — о цветных женщинах, и если цветные мужчины получают свои права, а женщины их не получают, то цветные женщины окажутся под каблуком у мужчин, и все будет так же плохо, как прежде»^{ccx}.

К последнему съезду Ассоциации борьбы за равноправие в 1869 году С. Трус распознала опасность расизма, лежащего в основе оппозиции суфражисток предоставлению права голоса черным мужчинам. По словам Ф. Дугласа, позиция сторонников Э. Стэнтон и С. Энтони сводилась к тому, что «...ни один негр не получит избирательного права, пока его не получит белая женщина»^{ccxi}.

Когда Соджорнер Трус настаивала, что «если вы используете женщину как наживку на крючок избирательных прав, то обязательно поймаете черного мужчину»^{ccxii}, тем самым она вновь убедительно предостерегала об опасном влиянии расистской идеологии.

Призыв Фредерика Дугласа к единству в борьбе за ратификацию 15-й поправки был также поддержан Фрэнсис Е. У. Харпер. Эта выдающаяся черная поэтесса и одна из лидеров движения за избирательные права женщин настаивала на том, что право голоса для черных мужчин имело слишком важный характер для выживания ее народа, чтобы рисковать им в такой решающий момент. «Когда вопрос касался расы, она отбрасывала менее важный вопрос о женском равноправии»^{ccxiii}. Выступая на последнем съезде АБР, Фрэнсис Харпер обратилась к своим белым сестрам с призывом поддержать борьбу черного народа за освобождение.

Большинство женщин — участниц съезда не поддержали, однако, Фрэнсис Харпер и Соджорнер Трус, добивавшихся одобрения призыва Ф. Дугласа к единству. Элизабет Кэди Стэнтон и Сьюзен Б. Энтони были среди тех, кто добился роспуска Ассоциации борьбы за равноправие. Вскоре после этого они создали Национальную ассоциацию суфражисток (НАС). Люси Стоун и ее муж, поддержавшие на съезде АБР 15-ю поправку, совместно с Джулией Уорд Хоув основали Американскую ассоциацию суфражисток (ААС).

Роспуск Ассоциации борьбы за равноправие привел к разрыву непрочного, хотя потенциально могущественного союза между освободительными движениями черных и женщин. Объективно оценивая таких лидеров женского движения, как Э. Стэнтон и С. Энтони, в то же время необходимо заметить, что бывшие аболиционисты, входившие в, АБР, не всегда оказывались на высоте, когда речь шла о равноправии женщин.

Разумеется, некоторые из мужчин — лидеров АБР придерживались крайних убеждений, отстаивая концепцию мужского превосходства. Черный лидер Джордж Даунинг явно напрашивался на скандал, когда заявил, что мужчина должен

господствовать над женщиной, ибо такова воля бога^{ccxiv}.

Если позиция Дж. Даунинга была совершенно нетерпима, то ответ Э. К. Стэнтон был столь же неприемлем: «Когда мистер Даунинг обратился ко мне с вопросом: готовы ли вы, чтобы цветной мужчина получил право голоса раньше женщин, я ответила: нет, Я не смогу доверить ему защиту моих прав; деградировавший, угнетенный, обладая полнотой власти, он будет более деспотичен, чем когда-либо были наши англосаксонские правители. Если интересы женщин по-прежнему должны выражать мужчины, то пусть, я подчеркиваю это, у руля государства стоят только представители высшей расы»^{ccxv}.

Хотя черные мужчины в АБР отнюдь не всегда выступали как безупречные защитники женского равноправия, такие высказывания, как у Дж. Даунинга, не давали оснований для вывода, что черные мужчины в целом будут более деспотичны по отношению к женщинам, чем белые. Более того, то, что черные мужчины могли поддерживать неравноправие женщин, едва ли могло быть оправданием задержки прогресса всеобщей борьбы за освобождение черных.

Даже Фредерик Дуглас иногда некритически относился к господствовавшим стереотипам и клише в оценке положения женщин. Но его случайные замечания о превосходстве мужчин никогда не носили серьезного характера и не могут принизить его выдающийся вклад в борьбу за права женщин в целом. По мнению всех исследователей, Фредерик Дуглас является самым видным защитником эмансипации женщин на протяжении всего XIX века. Если Ф. Дуглас и заслуживает какой-либо серьезной критики за свою позицию в спорной ситуации, сложившейся вокруг принятия 14-й и 15-й поправок, то скорее не за поддержку лозунга избирательного права для черных мужчин, а за его, видимо, безоговорочное доверие к значимости голосования в рамках республиканской партии.

Бесспорно, черному народу необходимо было предоставить право голоса, даже если господствовавший в тот момент политический климат не позволял одновременно завоевать избирательные права женщинам (как черным, так и белым). И десятилетие радикальной Реконструкции на Юге, в основу которой была положена реализация избирательного права, только что предоставленного черным, было временем беспрецедентного прогресса — как для бывших рабов, так и для белых бедняков. Однако республиканская партия в целом была настроена против революционных требований черного населения на Юге. После того как капиталисты Севера установили свою гегемонию на Юге, республиканская партия, представлявшая интересы промышленной буржуазии, постоянно участвовала в попытках лишить черный народ Юга его избирательных прав. Хотя Фредерик Дуглас был самым блестящим в XIX веке борцом за освобождение черных, он до конца не осознал приверженность республиканской партии интересам капитала, а также то, что расизм превратился для нее в такую же необходимость, как ее выступление в прошлом за предоставление права голоса черным. Подлинная трагедия конфликта, возникшего в Ассоциация борьбы за равноправие вокруг избирательных прав для черных, состоит в том, что оценка Ф. Дугласом института выборов чуть ли не как панацеи для черного народа могла укрепить расистскую непреклонность феминисток в их борьбе за право голоса для женщин.

ЗНАЧЕНИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ДЛЯ ЧЕРНЫХ ЖЕНЩИН

««Будь проклят Ханаан! — кричали еврейские священнослужители. Слугой у слуг братьев своих должен он быть...» Разве негры не слуги? Вот именно! На таких религиозных мифах держался анахронизм американского рабовладения, и эта деградация однажды превратила лакеев и прислугу в аристократов среди цветного народа...

Когда пришло освобождение... для негра ушли в прошлое те «преимущества», которые давала жизнь в услужении. Путь к спасению для освобожденной массы черного народа более не пролегал через дверь, из кухни, за которой находился просторный зал и двор с колоннами. Как вскоре узнал и знает об этом каждый негр, путь к спасению скрыт в избавлении от рабства услужения»^{ccxvi}, — писал Уильям Дюбуа.

Спустя четверть века после получения «свободы» множество черных женщин все еще работали на плантациях. Те, кто сумел устроиться в «большой дом»*, обнаруживали, что дверь, ведущая к новым занятиям, опечатана. Разве что стирать белье сразу нескольких белых семей у себя дома, а не выполнять кучу всякой домашней работы в одной белой семье. Лишь ничтожное число черных женщин сумело избежать работы в поле, на кухне или в прачечной. По переписи 1890 года, в США черных женщин старше десяти лет было 2,7 миллиона. Более миллиона из них работали по найму: в сельском хозяйстве — 38,7%, домашней прислугой — 30,8, в прачечных — 15,6, в промышленности — всего лишь 2,8%^{ccxvii}. Те немногие, кто нашел себе место на производстве, обычно выполняли самую грязную работу за самую низкую плату. В действительности они недалеко ушли от своих матерей-рабынь, которые работали на хлопковых фабриках Юга, на сахарноочистительных заводах и даже на шахтах. В 1890 году свобода для черных женщин, должно быть, виделась более далекой, чем это казалось в конце Гражданской войны.

Как во времена рабства, черные женщины, работавшие в сельском хозяйстве, выполняли функции издольщиков, фермеров-арендаторов или рабочих на фермах, испытывали не меньший гнет, чем мужчины, бок о бок с которыми они трудились весь день. Их часто заставляли подписывать «контракты» с землевладельцами, стремившимися возродить условия труда времен рабства. Срок истечения действия контракта зачастую был простой формальностью, так как землевладельцы могли заявить, что рабочие задолжали им больше, чем заработали в оговоренный период. Сразу после освобождения массы черных — как мужчин, так и женщин — оказались в неопределенном положении пеонов. Издольщики, которые якобы владели результатом своего труда, находились не в лучшем положении, чем обычные пеоны-батраки. Те, кто «арендовал» землю сразу же после освобождения от рабства, редко имели достаточно средств, чтобы оплатить арендную плату или приобрести различные необходимые в хозяйстве вещи до того, как соберут первый урожай. Требуя до 30% от ссуженной суммы, землевладельцы и торговцы удерживали закладные на урожай.

«Конечно, — говорится в документальном сборнике Г. Аптекера, — фермеры не могли выплатить такие суммы по процентам и в конце первого года оказывались в долгу; на второй год они предпринимали еще одну попытку, но надо было уже оплатить старый долг и долг по новым процентам, и, таким образом, «система закладных» охватывала все, от нее, казалось, нельзя было избавиться»^{ccxviii}.

Система аренды преступников давала возможность белым принуждать черных жить так же, как во времена рабства. По малейшему поводу как мужчин, так и женщин арестовывали и приговаривали к тюремному заключению. Все это делалось для того, чтобы затем местные власти «сдавали» их внаем для принудительного труда. В то время как рабовладельцы ограничивали жестокость, эксплуатируя принадлежавшую им «ценную» человеческую собственность, послевоенные плантаторы не задумывались о подобных ограничениях, поскольку арендовали черных «преступников» лишь на относительно короткие сроки. Г. Аптекер пишет, что «во многих случаях больных заключенных заставляли работать до тех пор, пока они не падали замертво»^{ccxix}.

Система аренды заключенных, как и рабовладельческая система, не делала различий между женским и мужским трудом. Мужчин и женщин зачастую размещали в одном бараке и запрягали в одно ярмо на весь рабочий день. В резолюции, принятой на съезде негров штата Техас в 1883 году, «решительно осуждалась» «практика запрягать в ярмо или заковывать в кандалы заключенных мужчин и женщин вместе»^{ccxx}. Точно так же на учредительном съезде Афро-американской лиги в 1890 году среди семи причин, по которым была создана эта организация, упоминалась «отвратительная и деморализующая система тюрем на Юге: толпы закованных в кандалы, аренда заключенных и беспорядочное смешение заключенных мужчин и женщин»^{ccxxi}.

Как отмечал У. Дюбуа, доход от системы аренды заключенных убедил многих южных плантаторов полностью перейти на использование принудительного труда — некоторые плантаторы эксплуатировали сотни черных заключенных^{ccxxii}. Поэтому как власти штатов, так и наниматели были чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы посадить в тюрьму как можно больше черных. У. Дюбуа пишет, что «с 1876 года негров арестовывали по малейшему поводу и приговаривали к длительным срокам заключения или штрафам, которые они должны были отработать»^{ccxxiii}. Это извращение системы уголовного правосудия тяжелым гнетом давило на бывших рабов. Но особенно жестоким нападкам системы правосудия подвергались женщины. Насилия, от которых женщины постоянно страдали в период рабства, не прекратились и после освобождения. По сути дела, сохранилось положение, при котором «на цветных женщин смотрели как на законную добычу белых мужчин...»^{ccxxiv}, а если негритянки давали отпор этому насилию, то зачастую могли оказаться в тюрьме, где становились жертвами системы, ставшей возвращением к иной форме рабства^{ccxxv}.

После отмены рабства большинство черных работниц, не занятых в сельском хозяйстве, были вынуждены стать домашней прислугой. Их участь была столь же тяжелой, как их сестер-издольщиц и арендованных «преступниц», и несла на себе знакомый отпечаток рабства. Разумеется, само рабство иносказательно именовалось «домашним институтом», а рабов обозначали безобидным понятием «домашние слуги». Для бывших рабовладельцев «домашнее услужение», вероятно, было изысканным названием презренного занятия, почти не отличающегося от рабства. Черные женщины работали кухарками, няньками, горничными и делали всю работу по дому, в то время как белые женщины на Юге единодушно отвергали эти занятия. В других районах США белые женщины, работавшие домашней прислугой, как правило, недавно иммигрировали из Европы и, подобно своим сестрам — бывшим рабыням, были вынуждены братья за любую подвернувшуюся работу. Однако то, что черные женщины преимущественно работали домашней прислугой, не было простым пережитком рабства, обреченным с течением времени на исчезновение. Почти целое столетие даже едва заметная часть их не сможет найти работу вне домашнего услужения. История домашней работницы из штата Джорджия, рассказанная в 1912 году в журнале «Индепендент» нью-йоркским журналистом^{ccxxvi}, раскрывает тяжелейшее экономическое положение черной женщины как в предшествовавшие десятилетия,

* «Большой дом» — чаще всего усадьба землевладельца-плантатора.

так и на многие последующие годы. Более двух третей черных женщин в ее родном городе были вынуждены наниматься кухарками, няньками, прачками, горничными, разносчицами и уборщицами, оказываясь, таким образом, в условиях «таких же плохих, если не худших, как во времена рабства»^{сxxxvii}.

Более 30 лет эта черная женщина была вынуждена жить в домах хозяев, на которых она работала по 14 часов в день. Свою собственную семью ей разрешали посещать, как правило, лишь один раз в две недели в послеобеденное время. Она была у своих белых хозяев «рабыней душой и телом»^{сxxxviii}. Ее всегда называла только по имени, никогда не добавляли при этом «миссис», а зачастую обращались как к «ниггеру», т. е. рабу^{сxxxix}.

Одним из наиболее унижительных занятий в домашнем услужении на Юге — еще одно подтверждение его родства с рабством — было возрождение джимкроуизма*, распространявшегося на черного слугу при любой встрече с белым человеком.

Домашняя работница из Джорджии вспоминала: «...Я ездила в трамваях и по железной дороге с белыми детьми... и могла сидеть там, где захочу, на передних местах или на задних. Если один белый, случалось, спрашивал другого: «Что делает здесь эта черномазая?» — и получал ответ: «Это нянька сидящих, перед ней белых детей», то немедленно восстанавливалось спокойствие. Пока я находилась в части трамвая или железнодорожном вагоне «только для белых» как служанка-рабыня, все было в порядке, но как только я оказывалась без белых детей, меня немедленно выкидывали на «места для черномазых» или в «вагон для цветных»^{сxxx}.

С времен Реконструкции и по настоящее время черные женщины, работающие домашней прислугой, рассматривают насилие со стороны «хозяина дома» как одну из главных опасностей своей профессии. Они многократно становились жертвами насилия хозяев, что вынуждало их выбирать между подчинением домогательствам белых мужчин и беспросветной нищетой. Женщина из штата Джорджия, о которой идет рассказ, потеряла одно из мест работы потому, что «не разрешила мужу хозяйки целовать себя»^{сxxxxi}. Она рассказывает: «...Вскоре после того, как я начала работать кухаркой, он подошел, обнял меня и начал целовать, тогда я сказала, что со мной это не получится, и оттолкнула его. Я была еще молодой и недавно вышла замуж и не знала тогда того, что с тех пор жжет мой мозг и сердце: нравственность цветной женщины в этой части страны беззащитна»^{сxxxii}. Как и во времена рабства, черный мужчина, вставший на защиту своей сестры, дочери или жены, всегда мог получить за это наказание.

Домашняя работница из Джорджии вспоминала: «Когда мой муж пришел к оскорбившему меня белому человеку, тот обругал моего мужа, ударил его, а затем посадил под арест. Полиция оштрафовала моего мужа на 25 долларов»^{сxxxiii}.

После того как эта черная женщина подтвердила случившееся с ней под присягой, «старый судья посмотрел на нее и сказал: «Этот суд никогда не будет рассматривать свидетельство черномазой, противоречащее словам белого человека»^{сxxxiv}.

В 1919 году, когда лидеры черных южанок в Национальной ассоциации цветных женщин готовили перечень своих жалоб, условия труда домашней прислуги стояли на первом месте. Они имели все основания протестовать против того, что завуалированно было названо «незащищенностью от моральных искушений»^{сxxxv} на работе. Бесспорно, эта домашняя работница из Джорджии безоговорочно согласилась бы с требованиями ассоциации. Она говорила: «Я уверена, что почти все белые мужчины позволяли себе недозволенные вольности со своими цветными служанками и рассчитывают на это и впредь. Причем не только отцы семейств, но во многих случаях и сыновья. Служанки, дающие отпор подобной распущенности, должны или уйти с работы, или испытывать страдания, если они останутся»^{сxxxvi}.

С времен рабства уязвимость положения домашней прислуги продолжает питать многие живучие мифы об «аморальности» черных женщин. В этой ставшей классической ситуации домашняя работа считается унижительной, поскольку главным образом выполняется черными женщинами, которые в свою очередь считаются «тупыми» и «распущенными». Но их предполагаемые тупость и распущенность — это мифы, якобы подтверждаемые той унижительной работой, которую вынуждены выполнять черные женщины. У. Э. Дюбуа говорил, что любой белый, считающий себя «порядочным», скорее перережет горло своей дочери, чем разрешит ей стать домашней прислугой^{сxxxvii}.

Когда черные начали мигрировать на Север, то и мужчины и женщины обнаружили, что отношение белых хозяев на новых местах к профессиональным способностям недавно освободившихся рабов ничем принципиально не отличается от отношения их прежних хозяев на Юге. Казалось, они уверовали, что «негры — это слуги, слуги — это негры»^{сxxxviii}. По переписи 1890 года, Делавэр был единственным штатом за пределами Юга, где черные в своем большинстве являлись рабочими на фермах и издольщиками, а не домашней прислугой^{сxxxix}. В 32 из 48 штатов главным занятием черных как для мужчин, так и для женщин являлось домашнее услужение. В 7 из 10 этих штатов черных среди домашней прислуги было больше, чем во всех остальных профессиях вместе взятых^{сxl}.

Содержательный очерк Изабеллы Итон, посвященный домашней прислуге и опубликованный У. Дюбуа в 1899 году в его исследовании «Филадельфийский негр», показывает, что 60% всех черных, работавших по найму в штате Пенсильвания, были заняты той или иной домашней работой^{сxli}. Положение черных женщин было еще тяжелее, так как все они, за исключением 9% (14 297 из 15 704), работали домашней прислугой^{сxlii}. Когда они уезжали на Север, стремясь избежать старого рабства, то обнаруживали, что для них просто нет никаких других занятий.

Исследуя интересовавший ее вопрос, И. Итон беседовала с несколькими женщинами, которые прежде преподавали в школе, но потеряли место из-за «предрассудков»^{сxliii}. Изгнанные из школы, они были вынуждены работать прачками и кухарками.

Из 55 белых хозяек, с которыми беседовала И. Итон, только одна предпочитала белых слуг черным^{сxliv}. Как говорила одна из женщин: «Я думаю, что на цветных много клеветают, сомневаясь в их честности, чистоплотности и надежности; мой опыт говорит, что они безупречны во всех отношениях и абсолютно честны; конечно, я всего о них не знаю»^{сxlv}.

Расизм проявляется по-разному. Наниматели, считавшие, что возвышают черных, предпочитая их в качестве прислуги, фактически доказывали этим, что черным суждено вечно быть домашними слугами, если говорить честно — рабами.

Один хозяин характеризовал свою кухарку как «...очень трудолюбивую, аккуратную и старательную. Она — доброе, преданное создание и очень благодарная»^{сxli}. Конечно, «хороший» слуга всегда предан, надежен и благодарен. Американские литература и средства массовой информации создали многочисленные стереотипы черной женщины — преданной и терпеливой служанки. Разрекламированные как товар на продажу, многочисленные дилси (а ля Фолкнер), беренайсы (из «Гостя на свадьбе») и тетушки

* *Джимкроуизм* — широкое понятие, включающее в себя все виды расовой дискриминации черных американцев, будь то отказ в приеме на работу, запрет на совместное пользование транспортом, больницами, школами, более низкая в сравнении с белыми оплата труда и т. д. Термин «Джим Кроу» возник на Юге, так презрительно именовали черных. После того как в 1841 г. в штате Миссисипи железнодорожная компания поместила эти слова на отдельном вагоне для негров, термин стал нарицательным, приобрел нынешнее широкое значение.

джемимы стали классическими типами в культуре США. Так, одна женщина, отвечая на вопрос И. Итон, сказала, что предпочитает белых слуг, затем призналась, что на самом деле нанимает в прислугу черных, «...потому что они больше похожи на слуг»^{ccxlvii}. Постоянная характеристика черных как слуг, безусловно, является одним из основных компонентов расистской идеологии.

Расизм и концепция неравенства полов зачастую сливаются воедино, и положение белых женщин-работниц нередко зависит от угнетения цветных женщин. Так, зарплата, получаемая белой домашней прислугой, всегда устанавливается по расистским расценкам труда черной прислуги. Женщины-иммигрантки вынуждены соглашаться на работу прислуги, получая за это немногим более своих черных коллег. Что касается заработной платы иммигранток, то в этом они были значительно ближе к своим черным сестрам, чем к белым братьям, работавшим по найму^{ccxlviii}.

Если белые женщины никогда не брались за домашнюю работу до тех пор, пока окончательно не теряли надежду, что не найдут ничего получше, то черные женщины попросту не имели иной возможности вплоть до начала второй мировой войны. Даже в 1940-х годах на перекрестках улиц Нью-Йорка и других больших городов еще были своеобразные биржи труда — современный вариант аукциона рабов, — где белые женщины выбирали себе прислугу из множества черных женщин, искавших работу.

Дж. Лернер писала: «Каждое утро, будь то дождь или солнце, группы женщин с коричневыми бумажными сумками или дешевыми чемоданами стояли на перекрестках в Бронксе и Бруклине, ожидая, что подвернется случай получить работу... Нанятые на «рынке рабов» женщины после изматывающего трудового дня зачастую работали больше, чем было договорено, получали меньше, чем им обещано, их заставляли вместо денег брать ненужную одежду и вообще эксплуатировали свыше человеческих возможностей. Только жестокая необходимость в хлебе насущном заставляла их мириться с такими условиями труда»^{ccxlix}.

В Нью-Йорке насчитывалось почти две сотни таких «рынков рабов», многие из них были расположены в Бронксе, где «почти каждый перекресток за 167-й улицей» был сборным пунктом черных женщин, ищущих работу^{cccl}. В статье «Наши феодальные домохозяйки», опубликованной в 1938 году журналом «Нейшн», утверждалось, что черная прислуга работает по 72 часа в неделю, получая самую низкую по сравнению с другими профессиями зарплату^{cccli}.

Самая неблагоприятная из всех возможных работ — работа домохозяйки. Домохозяйка, кроме того, трудно и объединить в профсоюзы. Еще в 1881 году домашняя прислуга была среди тех женщин, которые вступили в местные отделения «Рыцарей труда», когда эта организация сняла запрет на прием в ее члены женщин^{ccclii}. Но многие десятилетия спустя профсоюзные организаторы, пытаясь объединить домашнюю прислугу, наталкивались на те же трудности, что и их предшественники. Дора Джонс в 1930-е годы создала и возглавила Нью-Йоркский профсоюз домашней прислуги^{cccliii}. К 1939 году, спустя пять лет после его основания, профсоюз объединял только 350 из 100 тысяч человек, работавших домашней прислугой в штате Нью-Йорк. Однако, учитывая огромные трудности организации домашней прислуги, едва ли это было скромным достижением.

Белые женщины, включая феминисток, традиционно проявляли нерешительность, когда дело касалось борьбы домашней прислуги. Они редко участвовали в тяжелой борьбе за улучшение условий жизни этой категории трудящихся. Феминистки из средних слоев до и после создания профсоюза проявляли удобную для себя забывчивость, опуская при составлении своих программ проблемы домашней прислуги. Это зачастую оборачивалось завуалированным оправданием — по крайней мере со стороны богатых женщин — собственной эксплуатации служанок. В 1902 году в статье под названием «Девятичасовой рабочий день для домашней прислуги» Айнэз Гудмэн, приводила разговор с подругой-феминисткой, просившей подписать петицию, требовавшую, чтобы работодатели обеспечили стульями женщин-продавщиц.

«Девушки, — сказала она, — должны выстаивать по десять часов в день, и мое сердце обливается кровью, когда я вижу их усталые лица». «Миссис Джонс, — сказала я, — а сколько часов в день выстаивает ваша служанка?» «О, я не знаю, — удивилась она. — Думаю, часов пять или шесть». «Когда она встает?» — «В шесть». — «А когда она заканчивает вечером работу?» — «Вообще-то, часов в восемь». — «Получается четырнадцать часов...» — «...Она может часть своей работы делать и сидя». — «Какой работы? Стирать? Гладить? Подметать? Убирать постели? Готовить? Мыть посуду? Возможно, что она сидит часа два, когда ест и готовит овощи, и еще четыре раза в неделю она имеет свободный час в полдень. Получается, что ваша служанка проводит на ногах по крайней мере одиннадцать часов в день, включая сюда многократные хождения по лестницам. Мне ее участь кажется более печальной, чем у продавщиц в магазинах».

Моя гостья встала, ее щеки горели и глаза сверкали.

«Моя служанка всегда отдыхает в воскресенье после обеда», — сказала она. «Да, но девушки-продавщицы отдыхают все воскресенье. Пожалуйста, не уходите, пока я не подпишу эту петицию. Никто не будет так благодарен, как я, если девушки-продавщицы получают возможность присесть»^{cccliv}.

Эта феминистка-активистка выступала против эксплуатации, хотя сама была эксплуататором. Однако ее противоречивому поведению и чрезмерной чувствительности есть определенное объяснение: работающих прислугой обычно рассматривают как людей неполноценных. Постоянное стремление уничтожить сознание слуги, говорил философ Гегель, является внутренне присущим развитию отношений «господин — слуга» («госпожа — служанка»). Продавщица, упоминавшаяся в разговоре, получала зарплату, была человеком, обладавшим по крайней мере работой и видимостью независимости от своего хозяина. Служанка, напротив, работала исключительно ради удовлетворения потребностей своей хозяйки. Возможно, рассматривая свою служанку просто как продолжение самой себя, феминистка едва ли могла осознавать свою собственную роль активного угнетателя.

Как заявила Ангелина Гримке в своем «Призыве к христианским женщинам Юга», белые женщины, которые не бросят вызов институту рабства, несут тяжкую ответственность за его бесчеловечность. Точно так же профсоюз домашней прислуги разоблачил роль домохозяйки из средних слоев в угнетении черной домашней прислуги.

Дж. Лернер писала: «Домохозяйка заклеена как последний эксплуататор в стране».

Домохозяйки в США заставляют полтора миллиона своих слуг работать в среднем по 72 часа в неделю и платят им... жалкие гроши, оставшиеся после расчета с бакалейщиком, мясником и т. д.»^{ccclv}.

Тяжелейшее экономическое положение черных женщин (самые тяжелые виды работ, а впридачу — дискриминация) не изменилось вплоть до начала второй мировой войны. Накануне войны, по переписи 1940 года, из работавших по найму черных женщин 59,5% были домашней прислугой, а 10,4% были заняты в других сферах обслуживания^{ccclvi}. Так как примерно 16% из них еще было занято в сельском хозяйстве, то лишь одна из десяти черных женщин реально начала вырваться из цепких объятий рабства. Даже тем, кому удалось найти место в промышленности и получить специальность, хвастаться было нечем, поскольку им, как правило, давали самую низкооплачиваемую работу. Когда США вступили во вторую мировую войну и

военной экономике потребовался труд женщин, более 400 тысяч черных женщин распрощались с домашней работой. В разгар войны их численность среди промышленных рабочих увеличилась более чем в два раза. Но даже при этом — и это уточнение необходимо — еще в 1960 году по крайней мере треть черных трудящихся женщин оставались прикованными к той же традиционной работе домашней прислуги и еще одна пятая была занята в других сферах услуг^{cclvii}.

Уильям Дюбуа в резко критическом очерке «Слуга в доме» отмечал, что до тех пор, пока домашняя работа будет уделом черного народа, его освобождение всегда будет оставаться умозрительной абстракцией, «Негр, — утверждал У. Дюбуа, — не достигнет свободы, пока число черных с этим ненавистным клеймом рабства и средневековья — их занятость в домашнем услужении — не будет сокращено до уровня ниже 10%»^{cclviii}. Изменения, вызванные второй мировой войной, означали лишь намек на прогресс. После восьми долгих десятилетий «освобождения» признаки свободы были так далеки и настолько затянуты тучами и неувидимы, что можно было надорваться и свернуть себе шею, пытаясь их увидеть.

ОБРАЗОВАНИЕ И ОСВОБОЖДЕНИЕ: БУДУЩЕЕ ЧЕРНЫХ ЖЕНЩИН

У. Дюбуа пишет: «Миллионы черных, особенно женщин, свято верили, что их освобождение было вторым «пришествием Христа»^{cclix}.

Оно стало осуществлением пророчества и воплощением легенды, поднималось зарей Золотого века после тысячелетия жизни в оковах. Оно было чудом, путем к вершине, залогом надежды»^{cclx}.

На Юге радости не было предела, она пропитала собой воздух, поднималась к небесам молитвой. Мужчин охватывала дрожь. Стройные чернокожие девушки с курчавыми волосами, придававшими им дикую красоту, тихо плакали; молодые женщины с черной, коричневой, белой и золотистой кожей трепетно вскидывали руки; матери, старые, с разбитыми сердцами, черноволосые и седые, громогласно благодарили господу, и их крик разносился по полям, поднимался к вершинам скал и гор^{cclxi}. Раздалась великая песня, самое прекрасное, что появилось по эту сторону океана. Это была новая песня... Она была прекрасна своей глубиной и скорбью, ее могучий ритм и страстный призыв волновали человечество, она взывала и гремела посланием человека к своим братьям. Она поднималась ввысь и как бы курилась, словно фимиам, возрождаясь в далеком прошлом, переплетая в своей ткани старые и новые мелодии со словами и мыслями»^{cclxii}.

Бурно приветствуя свое освобождение, черные праздновали не торжество абстрактных принципов свободы. Этот «...великий людской плач — свободны, свободны, свободны — уносил ветер, и его слезы вливались в море»^{cclxiii}, Не был он и данью религиозному фанатизму. Черные знали, чего они хотели: как женщины, так и мужчины требовали земли, избирательных прав и «страстно желали учиться»^{cclxiv}, — писал У. Дюбуа.

Фредерик Дуглас, рожденный в рабстве, как и многие из четырех миллионов черных, праздновавших освобождение, давно поняли, что «знание уничтожает в ребенке раба»^{cclxv}. Хозяин Дугласа, как и все бывшие рабовладельцы, прекрасно осознавал, что «...если дать ниггеру палец, то он откусит всю руку. Образование испортит самого хорошего ниггера в мире»^{cclxvi}. Несмотря на запрет хозяина Хью, Фредерик Дуглас тайком продолжал учиться. Вскоре он мог уже писать все слова из букваря Уэбстера и продолжал по ночам заниматься по семейной Библии и другим книгам. Конечно, Фредерик Дуглас был исключительной личностью, впоследствии он стал блестящим мыслителем, писателем и оратором. Однако его жажда знаний вовсе не была исключительным явлением среди черных, которые всегда проявляли страстное желание получить образование. Огромное число рабов также хотело вырваться из оков безысходного существования. Бывшая рабыня Дженни Проктор в интервью, которое она дала в 1930-х годах, вспоминала о букваре Уэбстера. Она и ее друзья тайком учились по нему.

По словам Дж. Проктор, «никому из нас не разрешалось видеть книги или пытаться учиться. Считалось, что мы станем умнее, чем они, если чему-нибудь научимся. Но мы тайком достали этот старый темно-синий букварь, прятали его днем, а ночью зажигали свечку и учились. Мы его выучили. Сейчас я могу немного читать и даже писать»^{cclxvii}.

Черные вскоре поняли, что слухи о том, что после освобождения каждая семья получит «40 акров земли и мула»*, были издевкой. Они должны были бороться за землю, они должны были бороться за политическую власть. А после веков безграмотности и невежества они рьяно стремились осуществить свое право на образование и удовлетворить жажду знаний. Так, подобно своим братьям и сестрам по всему Югу, только что обретшие свободу черные рабы Мемфиса устроили собрание, на котором решили, что получение образования для них является первой необходимостью. В первую годовщину Декларации об отмене рабства** они просили учителей с Севера поторопиться и «взять с собой палатки, которые можно было бы разбить в поле, у дороги или в форте, а не ждать, что во время войны будут построены великолепные здания»^{cclxviii}.

Расизм обладает мистической властью, во многом благодаря присущему ему иррационализму, логике, построенной шиворот-навыворот. Господствовало мнение, что черные якобы неспособны к интеллектуальному развитию. Ведь в конце концов они были всего лишь движимым имуществом, по своей природе низшими, в сравнении с белыми, представителями рода человеческого. Однако, если бы черные действительно были низшими в биологическом отношении существами, они бы не проявляли ни желания, ни способности к приобретению знаний. Следовательно, не было бы никакой необходимости запрещать им учиться. На самом деле, конечно, черные всегда горели желанием получить образование.

Стремление учиться существовало всегда. Еще в 1787 году черные направили петицию властям штата Массачусетс с требованием предоставить им право посещать бесплатные школы в Бостоне^{cclxix}. Когда же петицию отвергли, Принс Холл, ее инициатор, основал школу в собственном доме^{cclxx}. Пожалуй, одним из наиболее поразительных свидетельств требований черных предоставить им право получения образования была деятельность одной африканки, бывшей рабыни. В 1793 году Люси Тэрри Принс решительно потребовала, чтобы ее выслушали попечители только что созданного мужского колледжа Уильямсов, которые отказали в приеме ее сыну. К сожалению, предрассудки расизма были настолько сильны, что логика и красноречие Люси Принс не смогли поколебать попечителей этого вермонтского заведения. Тем не менее она яростно защищала стремление — и право — своего народа учиться. Двумя годами позже Люси Тэрри Принс в качестве защитника успешно выступила в высшей судебной инстанции, разбирающей земельные споры. Судя по сохранившимся документам, она была первой женщиной, выступившей перед Верховным судом США^{cclxxi}.

В том же 1793 году бывшая рабыня, выкупившая свою свободу у хозяев, основала в Нью-Йорке школу, известную под названием «школа Кэти Фергюсон для бедных». Ее учениками, которых она набрала в домах призрения для бедных, были черные и белые дети (28 и 20 соответственно^{cclxxii}, вероятно, как мальчики, так и девочки). Спустя 40 лет молодая белая учительница Пруденс Крэнделл смело защищала право черных девочек посещать ее школу в Кентербери, штат Коннектикут. Крэнделл упорно продолжала учить своих черных учениц до тех пор, пока ее не упрятали в тюрьму за отказ закрыть свою школу^{cclxxiii}. Маргарет Дуглас — еще одна белая женщина, которую посадили в тюрьму в Норфолке, штат Виргиния, за создание школы для черных детей^{cclxxiv}.

Наиболее выдающиеся примеры сестринской солидарности белых и черных женщин связаны с исторической борьбой черных за получение образования. Миртилла Майнер, так же как Пруденс Крэнделл и Маргарет Дуглас, буквально рисковала жизнью,

* «40 акров земли и мул» — выдвинутый республиканцем-радикалом Т. Стивенсон лозунг, популярный среди негров и белых борцов за их освобождение (аболиционистов) в годы Гражданской войны 1861—1865 гг. и в первые годы после нее, пока не стало очевидно, что не только за «землю и мула», но даже за формально предоставленную неграм «свободу» еще предстоит бороться.

** Декларация об отмене рабства — провозглашена президентом США Авраамом Линкольном 22 сентября 1862 г. Согласно Декларации, с 1 января 1863 г. все черные рабы в 11 южных штатах, вошедших в Конфедерацию, объявлялись формально свободными. Декларация принципиально повлияла на ход войны, показав рабовладельцам, что Север воюет с ними не только за восстановление Союза в прежнем составе штатов, но и за ликвидацию рабовладения — основы экономики Юга.

стремясь дать знания черным женщинам^{сclxxxv}. В 1851 году, когда она начала создавать колледж для черных учительниц в столице страны Вашингтоне, она уже обучала черных детей в Миссисипи, в штате, где обучение черных считалось уголовным преступлением. Уже после смерти Миртиллы Майнер Фредерик Дуглас описал изумление, которое он испытал, когда она впервые посвятила его в свои планы. Во время их первой встречи он сомневался в серьезности ее намерений, но позже понял, что «огонь энтузиазма сверкал в ее глазах и дух истинного мученичества горел в ее душе». «Меня обуревало смешанное чувство радости и печали,— вспоминает Дуглас.— Я думал про себя; вот еще одно начинание, безумное, отчаянное, опасное и лишенное практицизма, которому суждено потерпеть поражение и принести сильные страдания. И все же я был глубоко тронут и восхищен благородной целью, требовавшей невероятного героизма от нежной и хрупкой женщины, стоявшей, вернее, ходившей передо мной»^{сclxxxvi}.

Вскоре Дуглас понял, что все его предостережения и даже рассказы о нападениях на Пруденс Крэнделл и Маргарет Дуглас не могли поколебать решимости Миртиллы Майнер основать колледж для черных учительниц. «Я считал эту идею безрассудной,— писал он,— граничащей с сумасшествием. Я уже представлял, как эту хрупкую женщину преследует закон, как ее оскорбляют на улицах, видел ее жертвой злобных рабовладельцев и, возможно, забитой бандой расистов насмерть»^{сclxxxvii}.

По мнению Фредерика Дугласа, очень немногие белые, кроме активистов антирасистского движения, стали бы симпатизировать борьбе Майнер и поддерживать ее смелое единоборство с толпой. Он обосновывал свое суждение тем, что в тот период солидарность с черными уменьшилась. Более того, «...округ Колумбия был самой что ни на есть цитаделью рабства, местом, за которым особо следили и которое особенно охраняли силы, выступавшие за рабство, местом, где проявление человечности в отношении черных жестоко преследовалось»^{сclxxxviii}.

Однако впоследствии Дуглас признал, что он тогда не осознал до конца силу отваги этой белой женщины. Несмотря на смертельный риск, Миртилла Майнер открыла свою школу осенью 1851 года и через несколько месяцев у нее было 40 учеников. Она с увлечением обучала своих черных учеников в течение последующих 8 лет, одновременно собирая средства и призывая конгрессменов поддержать ее начинания. Она была как бы матерью девочкам-сиротам, которых она привела в свой дом для того, чтобы они могли учиться^{сclxxxix}.

Миртилла Майнер не жалела сил, чтобы учить девушек, а те в свою очередь старались выучиться. Вместе с ними она боролась с попытками их выселить, поджечь школу и другими происками бесчинствующих расистов. Школу поддерживали семьи девушек и аболиционисты, такие, как Гарриет Бичер Стоу, которая отдала школе часть своего гонорара за книгу «Хижина дяди Тома»^{сclxxx}. Миртилла Майнер, возможно, и была «хрупкой» женщиной, как отметил Фредерик Дуглас, но она совершенно определенно была сильной личностью всегда, готовой даже во время занятий отразить вылазки расистов. Однако однажды утром она проснулась от запаха дыма и жара огня. Вскоре пламя охватило все школьное здание. Хотя ее школа была уничтожена, стремления, которые она породила, продолжали жить, и в конце концов ее колледж учителей стал частью системы общественного обучения в столичном округе Колумбия^{сclxxxi}. Фредерик Дуглас в 1883 году отмечал: «Я всегда прохожу мимо школы Майнер для цветных девушек с чувством вины, поскольку то, что я говорил, могло охладить пыл, поколебать веру, подавить мужество благородной женщины, которая основала эту школу, носящую ее имя»^{сclxxxii}.

Установление сестринских отношений между черными и белыми женщинами было вполне возможно, и если они вдобавок имели прочную основу — как в случае с Миртиллой Майнер, ее ученицами и друзьями,— то приводили к потрясающим результатам. Миртилла Майнер сохранила тот огонь, который до нее зажгли другие, такие, как сестры Гримке и Пруденс Крэнделл, и передали его ей как эстафету.

Многие белые женщины, защищавшие своих черных сестер в самые трудные времена, были вовлечены в борьбу за получение черными образования. И это не было случайностью. Должно быть, они понимали, насколько необходимо было черным женщинам образование — луч света, освещавший их путь к свободе.

Те черные, которым удалось получить образование, неизменно ставили свои знания на службу общей борьбе своего народа за свободу. В документальном сборнике, составленном Г. Аптекером, приведены следующие ответы школьников Цинциннати по завершении первого года обучения в школе для черных на вопрос «О чем вы больше всего думаете?»:

1. «Мы будем... прилежными мальчиками, а когда станем взрослыми, освободим бедных рабов от цепей. Мне было очень жалко, когда я услышал, что затонуло судно Тискилва, на котором было двести рабов... У меня сердце разрывается от жалости, и я могу упасть в обморок в любую минуту» (7 лет).

2. «Мы учимся для того, чтобы постараться сбросить ярмо рабства, разбить его цепи на куски и уничтожить рабовладение навсегда» (12 лет).

3. «...Да будет благословенно дело аболиционизма... Моя мать и отчим, моя сестра и я сам — все мы рождены в рабстве. Господь дал свободу угнетенным. Пусть настанет счастливое время, когда все народы узнают господина. Мы благодарны ему за многие его благодеяния» (11 лет).

4. «Я сообщаю вам, что у меня есть два двоюродных брата, которые находятся в рабстве и которые должны быть свободными. Они сделали все, что от них требовалось по завещанию покойного хозяина, но их не отпускают на свободу. Их хотят продать хозяевам, живущим ниже по реке. Если бы вы были на их месте, что бы вы сделали?» (10 лет)^{сclxxxiii}.

Еще один ответ, который сохранился, принадлежит 16-летнему юноше, посещавшему эту новую школу в Цинциннати. Он являет собой наглядный пример того, как ученики извлекали из мировой истории уроки для понимания современности, которая волновала их так же глубоко, как стремление к свободе.

5. «Давайте оглянемся назад и посмотрим, как жили бритты, саксы и германцы. Они не учились и были неграмотны. Но несмотря на это, некоторые из них стали лучшими людьми своего народа. Посмотрите на короля Альфреда*, посмотрите, каким великим человеком он был. Сначала он не знал грамоты, но к концу жизни был во главе армий и даже народов. Он никогда не падал духом, а всегда был оптимистом и упорно учился. Я думаю, что если цветные будут учиться, как король Альфред, они смогут скоро покончить с рабством. Я не понимаю, почему американцы называют эту землю страной свободы, если в ней так много рабства»^{сclxxxiv}.

Что касается веры черных в силу знаний, то этот 16-летний юноша выразил ее вполне.

* *Альфред* — английский король, правивший в 871—900 гг. Вел успешные войны с датчанами — основными соперниками Англии в те годы, был инициатором составления свода законов страны, открытия новых школ, преподавателями в которые приглашались даже ученые с Европейского континента. Альфред поощрял создание летописей, он сам составил важный летописный труд по древней истории Англии. В английских букварях и учебниках для начальной школы, которыми, очевидно, пользовался упоминаемый в тексте черный юноша, Альфред был одной из центральных фигур.

Неутолимая жажда знаний была столь же сильна среди рабов Юга, сколь и среди их «свободных» братьев и сестер на Севере. Само собой разумеется, ограничения на доступ черных к обучению грамоте в рабовладельческих штатах были гораздо строже, чем на Севере. После восстания Ната Тернера в 1831 году по всему Югу было усилено законодательство, запрещавшее рабам получать образование. Как говорилось в одном рабовладельческом кодексе, «...обучение рабов чтению и письму приводит к брожению умов, способствует восстаниям и бунтам»^{сclxxxv}. В каждом южном штате, исключая Мэриленд и Кентукки, обучение рабов было полностью запрещено^{сclxxxvi}. По всему Югу владельцы рабов прибегали к порке, чтобы подавить неодолимое стремление своих рабов учиться. Черные хотели получить образование.

Ю. Дженовезе писал: «Борьба рабов за доступ к образованию была мучительной и острой. Фредерика Бремер как-то увидела девушку, безуспешно пытавшуюся читать Библию. «О, эта книга! — воскликнула девушка, обращаясь к мисс Бремер.— Я переворачиваю страницу за страницей и стремлюсь понять, что на них написано. Я пытаюсь снова и снова; я была бы счастлива, если бы я могла читать, но я не умею»^{сclxxxvii}. « В Гражданскую войну Сузи Кинг Тейлор была сестрой милосердия и учительницей в полку, впервые сформированном из черных. В автобиографии она описывала своп настойчивые усилия научиться грамоте во время рабства. Белые дети, сочувствовавшие ей взрослые и ее бабушка помогали Сузи учиться читать и писать^{сclxxxviii}. Как и бабушка Сузи Кинг, многие рабыни подвергали себя огромному риску, передавая своим сестрам и братьям навыки грамоты, которые они приобрели тайком. Женщины, которым удавалось получить какие-либо знания, стремились поделиться ими со своим народом, даже если при этом им приходилось проводить занятия в школе поздно ночью^{сclxxxix}.

Как на Севере, так и на Юге после освобождения появились первые признаки широко распространившегося явления, которое Дюбуа назвал «школьной лихорадкой»^{сxc}. Другой историк, Л. Беннет, так описал жажду знаний у бывших рабов:

«Go страстным желанием, рожденным веками запрета, бывшие рабы поклонялись виду и звучанию печатного слова. В темноте ночи можно было видеть, как глубокие старики и старухи, склонившись над Библией при свете фитиля, с трудом читали по складам святые слова»^{сxcxi}.

По словам Уильяма Фостера, «многие просветители отмечали, что на Юге в период Реконструкции среди негритянских детей они видели больше, чем у белых детей на Севере, стремления к учебе»^{сxcxii}.

Почти половина учителей-добровольцев, участвовавших в массовой кампании просвещения, организованной Бюро по делам освобожденных рабов^{**}, были женщинами. Во время Реконструкции белые женщины Севера отправлялись на Юг помочь своим черным сестрам, которые были самым решительным образом настроены ликвидировать неграмотность миллионов бывших рабов. Масштабы задачи были поистине геркулесовыми: по свидетельству Дюбуа, неграмотность среди черных достигала 95%^{сxcxiii}.

В документах периода Реконструкции и исторических обзорах движения за права женщин совместной работе черных и белых женщин в борьбе за образование уделено мало внимания. Однако, судя по статьям в «Фризмэнз рекорд», учительницы, белые и черные, несомненно, вдохновляли друг друга, вдохновляли их и ученики. Страстное стремление бывших рабов к знаниям отмечается практически во всех воспоминаниях белых учительниц.

Дж. Лернер приводит слова учительницы, работавшей в Роли, столице штата Северная Каролина: «Удивительно, через какие страдания проходят многие люди, чтобы иметь возможность послать своих детей в школу»^{сxcxiv}. Материальное благополучие без колебаний приносилось в жертву дальнейшему обучению: «Стопку книг можно увидеть в любой хижине, даже если в ней нет никакой мебели, кроме жалкой кровати, стола, двух или трех сломанных стульев»^{сxcv}.

Черные и белые учительницы проницались друг к другу глубокой и сильной симпатией. Например, на белую женщину, преподававшую в штате Виргиния, очень сильное впечатление произвела работа черной учительницы, только что освободившейся из рабства. Это «...почти чудо,— приводит Дж. Лернер слова этой белой женщины,— что цветная женщина, которая была рабыней вплоть до капитуляции южан^{*}, так преуспела в совершенно новом для нее деле»^{сxcxvi}. В своих отчетах черная женщина, о которой идет речь, выражала искреннюю — но ни в коей мере не раболепную — благодарность «своим друзьям с Севера» за их работу^{сxcxvii}.

Ко времени измены Хейса^{**} и краха радикальной Реконструкции успехи просвещения стали одним из самых весомых доказательств прогресса во время той эпохи революционного брожения. После Гражданской войны на Юге были созданы Фискский университет, Хэмптонский институт и еще несколько колледжей и университетов для черных^{сxcxviii}. 247'333 ученика посещали 4329 школ, ставших фундаментом первой системы общедоступных школ на Юге, которая принесла огромную пользу как черным, так и белым детям. Хотя в период, последовавший за Реконструкцией и сопровождавшийся усилением джимкроуизма, возможности получить образование для черных резко снизились, воздействие опыта периода Реконструкции нельзя было полностью предать забвению. Мечта о земле была на время оставлена, надежда на политическое равенство улетучилась. Однако погасить свет познания было нелегко, и это служило гарантией того, что борьба за землю и политическую власть будет неустанно продолжаться.

У. Дюбуа пишет: «Если бы не негритянские школы и колледжи, негры фактически снова были бы обращены в рабство. Их лидерами в период Реконструкции были негры, получившие образование на Севере, белые политические деятели,

^{**} *Бюро по делам освобожденных рабов (БДОР)* — орган, созданный решением конгресса США от 3 марта 1865 г. сроком на один год. В задачи БДОР входила помощь черным беженцам с Юга, содействие им при устройстве на работу, посредничество при конфликтах с местными судебными и гражданскими властями в случаях ущемления прав черных и т. д. От имени властей США БДОР за небольшую плату сдавало черным в аренду земельные участки, оно также создавало новые и субсидировало ранее существовавшие негритянские колледжи на Юге и Севере страны. Во главе БДОР был поставлен один из героев Гражданской войны, генерал О. Ховард. Когда после убийства Линкольна пост президента США занял Э. Джонсон (15 апреля 1865 г.), консервативно-буржуазные круги предприняли попытки свести на нет радикальные завоевания времен войны. После того как конгресс США 19 февраля 1866 г. принял закон о продлении функционирования БДОР на два года и расширении его полномочий, Э. Джонсон наложил на этот закон вето. Но конгресс 16 июля того же года вторично принял закон, и президент не решился вновь помешать. БДОР, задуманное как орган прогрессивный, призванный помочь получившим свободу рабам, в своей деятельности на Юге отчасти дискредитировало себя, так как в его южные отделения просочилось немало различных дельцов с Севера, стремившихся под вывеской БДОР устроить свои грязные махинации. Их «деятельность» снижала эффективность искренних попыток многих честных северян — членов БДОР помочь освобожденным рабам.

^{*} *Капитуляция южан* — военная победа армий Севера в апреле 1865 г. Главная из армий южной Конфедерации — армия Северной Виргинии во главе с генералом Р. Ли — капитулировала 9 апреля.

^{**} *Измена Хейса* — вступив на пост президента США 4 марта 1877 г., Р. Хейс уже в апреле вывел из южных штатов федеральные войска, которые ранее в какой-то степени охраняли черное население от бесчинств расистов. После этого жизнь «свободных» негров в южных штатах стала совершенно невыносимой.

предприниматели и учителя из благотворительных организаций. После контрреволюции 1876 года^{***} многие из них, кроме учителей, вернулись на Север. Однако к тому времени уже были созданы общедоступные школы и частные колледжи, образована негритянская церковь, что позволило неграм получить достаточно знаний и создать руководство, способное разрушить самые коварные замыслы новых апологетов рабовладения»^{ccxcix}.

С помощью своих соратниц — белых сестер — черные женщины сыграли выдающуюся роль в строительстве этой новой крепости. История борьбы женщин США за образование достигла своего пика в период после Гражданской войны, когда черные и белые женщины вместе боролись за ликвидацию неграмотности на Юге. Их единство и солидарность помогли сохранить и утвердить одну из самых многообещающих надежд нашей истории.

^{***} *Контрреволюция 1876 г.* — речь идет о том же самом (см. предыдущее примечание). Точной датировки того, что автор называет «контрреволюцией», не существует, но процесс «упрощения» Реконструкции, сведения ее к чистой формальности, по сути дела, шел с самого ее начала, а в 1870-е годы приобрел особенно широкие масштабы.

ДВИЖЕНИЕ СУФРАЖИСТОК НА ПОРОГЕ СТОЛЕТИЯ. РАСТУЩЕЕ ВЛИЯНИЕ РАСИЗМА

В своих воспоминаниях Ида Б. Уэллс пишет: «Однажды у Сьюзен Б. Энтони было назначено на утро несколько деловых свиданий в городе, и ей не нужна была стенографистка, нанятая ею. За завтраком она сказала мне, что я могу воспользоваться услугами стенографистки, поскольку ее самой не будет все утро. Она добавила, что, когда пойдет к себе наверх, передаст стенографистке, чтобы она пришла ко мне и записала под диктовку несколько писем.

Я пошла наверх в свою комнату и некоторое время ждала прихода стенографистки. Она не пришла, и я подумала, что она сочла это неудобным, и стала писать письмо сама. Когда мисс Энтони вернулась и поднялась ко мне, я уже вовсю работала. Она спросила: «Вам, очевидно, не понадобились услуги моего секретаря. Я попросила ее подняться к вам. Разве она не приходила?» Я ответила, что нет. Она ничего не сказала, повернулась и ушла к себе. Через 10 минут мисс Энтони снова была в моей комнате. Дверь была открыта, поэтому она сразу вошла и сказала: «Она ушла». Я спросила: «Кто?» — «Стенографистка». — «Куда ушла?» «Видите ли, я вошла в кабинет,— сказала мисс Энтони,— и спросила: «Разве вы не сказали мисс Уэллс, что я просила вас записать несколько писем для нее?» «Девушка ответила: «Нет, не сказала». — «Но почему?» — «Это вы можете относиться к неграм как к равным, но я отказываюсь писать под диктовку цветной женщины». «Ах так! — сказала мисс Энтони.— В таком случае вам не буду диктовать и я. Мисс Уэллс — моя гостья, и ее оскорбление — это оскорбление и в мой адрес. Если вы так это воспринимаете, то можете здесь не задерживаться»^{ccc}.

Этот разговор между Сьюзен Б. Энтони и Идой Б. Уэллс, позже основавшей первый клуб черных суфражисток, произошел в «те золотые дни», когда Уэллс поклонялась этому пионеру и ветерану движения суфражисток^{ccci}. Уэллс восхищалась тем, как С. Энтони относилась к расизму, и она глубоко уважала вклад этой суфражистки в кампанию за права женщин. Однако она не колебалась критиковала свою белую сестру за нежелание превратить личную борьбу с расизмом в общее дело движения суфражисток.

Сьюзен Б. Энтони никогда не скупилась на похвалы в адрес Фредерика Дугласа, постоянно напоминая всем о том, что он был первым мужчиной, публично выступившим за предоставление избирательных прав женщинам. Она относилась к нему как к пожизненному почетному члену организации суфражисток. Тем не менее С. Энтони пожертвовала Дугласом, чтобы, как она объясняла И. Уэллс, привлечь южанок в движение за предоставление избирательных прав женщинам.

«На наших собраниях,— отмечала И. Уэллс,— он был почетным гостем, избирался в президиум и выступал на наших заседаниях. Однако, когда... Ассоциация суфражисток готовилась провести мероприятия в Атланте, штат Джорджия, я, зная настроения на Юге по поводу предоставления неграм равных прав с белыми, лично попросила господина Дугласа не приезжать. Я ни в коей мере не хотела его унижить, и в то же время я *не хотела, чтобы на пути вовлечения белых южанок в Ассоциацию суфражисток появились какие бы то ни было препятствия*»^{cccii} (*Курсив мой.— А. Д.*)

В этой беседе с И. Уэллс С. Энтони пояснила, в частности, что она также отказалась поддержать нескольких черных женщин, желавших создать свое отделение в рамках Ассоциации суфражисток. Она не хотела возбуждать враждебность против черных со стороны белых южанок — членов ассоциации, поскольку опасалась, что те выйдут из организации в случае приема в нее черных женщин.

««Вы думаете, что я была не права, поступая таким образом?» — спросила она. Я бескомпромиссно ответила — да, поскольку чувствовала, что, хотя это и могло принести некоторую пользу движению за предоставление избирательных прав женщинам,— в то же время это решение укрепляло расистские позиции белых южанок»^{ccciii}.

Этот разговор между Идой Б. Уэллс и Сьюзен Б. Энтони состоялся в 1894 году. С. Энтони признавала, что капитулирует перед расизмом, но говорила, что поступает так «ради дела»^{ccciv}. Она придерживалась этой капитулянтской позиции в своей общественной деятельности до самого своего ухода с поста президента Национальной ассоциации суфражисток в 1900 году. Когда И. Уэллс предостерегала С. Энтони от официального признания расистских позиций белых южанок, речь шла о гораздо большем, чем личное мнение С. Энтони. Объективно в этот период расизм был на подъеме, права и жизнь черных были поставлены на карту. К 1894 году на Юге черных уже лишили избирательных прав, была узаконена система сегрегации, господствовал закон Линча.

В то время, как никогда после Гражданской войны, необходимо было решительно выступить против расизма. Аргумент «целесообразности», выдвинутый С. Энтони и ее сторонниками, приобретал растущее влияние и был весьма уязвимым оправданием безразличия суфражисток к насущным требованиям времени.

В 1888 году в штате Миссисипи был введен ряд законодательных актов, узаконивавших расовую сегрегацию, а к 1890 году в этом штате была ратифицирована новая конституция, которая отняла у черных избирательное право^{cccv}. По примеру штата Миссисипи другие южные штаты выработали новые конституции, лишившие черных мужчин избирательных прав. Конституция Южной Каролины была принята в 1898 году, в 1901 году новые конституции были приняты в Северной Каролине и Алабаме, а в штатах Виргиния, Джорджия и Оклахома — соответственно в 1902, 1908 и 1918 годах^{cccvi}.

Конечно же, резко критическое отношение Иды Б. Уэллс к публично выражаемому Сьюзен Б. Энтони безразличию к расизму оправдывалось господствовавшими тогда социальными условиями. Однако за этим стояло нечто большее, чем разногласия в оценке этих явлений. Всего за 2 года до полемики этих двух женщин по проблемам расизма и предоставления избирательных прав женщинам И. Уэллс непосредственно на себе испытала насилие толпы расистов. Три человека, ставшие жертвами линчевания в Мемфисе, первого после беспорядков 1866 года, были ее друзьями. Этот ужасный случай заставил И. Уэллс расследовать и разоблачать растущее количество убийств черных на Юге, совершенных бандами расистов. В своей поездке в 1893 году по Англии, предпринятой, чтобы получить поддержку своему «крестовому походу» против линчеваний, она яростно обрушилась на безразличие, с которым власти в Америке встречали сообщения о сотнях и тысячах подобных убийств.

Ида Б. Уэллс писала: «В последние 10 лет более тысячи черных мужчин, женщин и детей были убиты бандами белых. Но остальные американцы хранили молчание... Церковь и пресса нашей страны и поныне хранят молчание по поводу этих продолжающихся преступлений, а требующий справедливости голос людей моей расы, замученной и поруганной, заглушают или игнорируют, где бы в Америке он ни поднимался»^{cccvii}. Как могли белые суфражистки, видя неприкрытое насилие по отношению к черным, с чистым сердцем говорить, что «ради дела» они должны «прекратить препирательства по этому вопросу о цветных»^{cccviii}? На первый взгляд «нейтральная» позиция, принятая руководством НАС по «вопросу о цветных», в действительности поощряла распространение явно расистских взглядов в рядах движения суфражисток. На съезде НАС в 1895 году, состоявшемся в Атланте, штат Джорджия, один из наиболее выдающихся деятелей движения за предоставление избирательных прав женщинам «призвал Юг признать избирательные права женщин в качестве одного из решений

негритянской проблемы»^{cccc}. Эта «негритянская проблема» может быть легко решена, как утверждал Генри Блэкуэлл, путем установления образовательного ценза при предоставлении избирательного права.

Образец его рассуждений приводится в книге С. Энтони: «По мере развития нашего сложного политического общества сложились две большие группы неграмотных граждан: на Севере — иммигранты, на Юге — люди африканской расы и значительная часть белого населения. Мы бы не стали требовать дискриминации иммигрантов и черных как таковых. Однако во всех штатах, кроме одного, белых образованных женщин больше, чем всех неграмотных избирателей, белых и черных, уроженцев этой страны и выходцев из чужих стран»^{ccccx}.

Этот аргумент, призванный убедить южан в том, что предоставление избирательных прав женщинам даст огромные выгоды для сохранения превосходства белых, по иронии судьбы был первоначально выдвинут Генри Блэкуэллом, когда он выражал поддержку 14-й и 15-й поправкам к конституции. Еще в 1867 году он обратился с призывом к законодательным собраниям южных штатов, настоятельно обращая их внимание на то, что предоставление женщинам избирательных прав могло бы устранить растущую угрозу доступа к политической власти черного населения.

Г. Блэкуэлл призвал: «Посмотрите на складывающуюся картину с точки зрения южан. 4 миллиона ваших белых южанок уравнивает 4 миллиона ваших черных мужчин и женщин, и, таким образом, политическое господство белой расы останется неизменным»^{ccccxi}.

Этот знаменитый аболиционист уверял тогда политических деятелей Юга, что предоставление избирательных прав женщинам сможет примирить Север и Юг. «Капиталы и белое население,— подчеркивал он,— подобно реке Миссисипи, устремятся широким потоком к Мексиканскому заливу», а что касается черных, то они «по законам природы будут тяготеть к тропикам»^{ccccxii}. «Именно те, кто уничтожил рабство, встанут на сторону победившего Юга, и вы сорвете розу спокойствия с колючего куста опасности»^{ccccxiii}.

Блэкуэлл и его жена Люси Стоун оказывали помощь Элизабет Кэди Стэнтон и Сьюзен Б. Энтони во время проводимой ими в 1867 году кампании в Канзасе. Э. Стэнтон и С. Энтони в то время приветствовали поддержку, оказанную им печально известным деятелем демократической партии, лозунгом которого было «женщины — первые, негры — последние». Этот факт уже сам по себе свидетельствовал о том, что они явно соглашались с расистской логикой Блэкуэлла. Более того, в своей книге «История суфражистского движения» (ее соавтором была также Матильда Гейдж) они не критично оценивали опасение политиканов Канзаса в отношении предоставления избирательных прав черным: «В своих речах канзасцы говорили обычно: «Если будет принят закон о предоставлении неграм избирательных прав, то штат наводнят невежественные, нищие черные со всех концов Соединенных Штатов. Если будет принят закон о предоставлении избирательных прав женщинам, то мы привлечем к себе в штат людей с характером и положением, обладающих состоянием и образованием... Кто же станет колебаться, какое принять решение, когда предстоит сделать выбор между образованными женщинами и невежественными неграми?»»^{ccccxiv}

Сколь бы расистскими ни казались эти ранние лозунги женского движения, все же только в последнее десятилетие XIX века кампания за предоставление избирательных прав женщинам определенно начала подчиняться идее превосходства белых. Две фракции, Стэнтон — Энтони и Блэкуэлл — Стоун, разойдясь в вопросе о 14-й и 15-й поправках, вновь объединились в 1890 году. В 1892 году Элизабет Кэди Стэнтон поняла, что избирательное право не способно дать женщинам освобождение, и уступила пост президента НАС своей коллеге Сьюзен Б. Энтони. На второй год президентства С. Энтони НАС приняла резолюцию, представлявшую собой разновидность расистских и откровенно пробуржуазных аргументов Блэкуэлла, впервые выдвинутых еще более века назад. Вот ее текст: «Постановили: не выражая мнения по поводу необходимости введения каких-либо ограничений, мы хотим привлечь внимание к таким важным фактам, как: в каждом штате число женщин, умеющих читать и писать, превосходит общую численность неграмотных избирателей-мужчин; численность белых женщин, умеющих читать и писать, больше, чем численность всех избирателей-негров; численность умеющих читать и писать женщин-американок больше, чем общее число избирателей-иммигрантов. Поэтому предоставление избирательных прав таким женщинам могло бы решить столь острый вопрос, как предотвращение господства невежества, будь оно собственного или иностранного происхождения»^{ccccv}. Эта резолюция «галантно» отбрасывала права черных женщин и женщин-иммигранток, как и права их мужчин. Более того, резолюция была предательством основ демократии, что уже нельзя было оправдывать «соображениями дела». По существу, в резолюции велось наступление на рабочий класс в целом и — вольно или невольно — выражалось стремление к объединению ради общего дела с новоявленной монополистической буржуазией, чье неразборчивое стремление к наживе было лишено каких-либо моральных ограничений.

Приняв резолюцию 1893 года, суфражистки могли бы с таким же успехом заявить, что если бы им, белым женщинам из средних слоев и буржуазии, предоставили право голоса, то они быстро подчинили бы себе три основные группы, составлявшие рабочий класс США: черных, иммигрантов и необразованных белых рабочих. Эксплуатации подвергался труд именно этих трех групп людей, именно их жизни приносили в жертву морганы, рокфеллеры, меллоны, дюпоны, вандербильты, то есть новый класс монополистов, которые, не щадя никого и ничего, создавали свои промышленные империи. Они эксплуатировали рабочих-иммигрантов на Севере так же, как и бывших рабов и бедных белых рабочих, занятых на новых железных дорогах, горнорудных и сталелитейных предприятиях на Юге.

Террор и насилие вынуждали черных рабочих Юга соглашаться на оплату и условия труда, которые часто были хуже, чем при рабстве. Именно это и послужило основой тому, что на Юге поднялась волна линчеваний, и стало эталоном системы лишения черных избирательных прав в законодательном порядке.

В 1893 году — году, когда Национальная ассоциация суфражисток приняла роковую резолюцию,— Верховный суд пересмотрел Закон о гражданских правах 1875 года*. В результате этого решения джимкроуизм и закон Линча — новые расистские методы обращения в рабство — получили юридическое обоснование. Действительно, через три года в решении, вынесенном по делу «Плесси против Фергюсона», была провозглашена доктрина «разделения, но равенства», укрепившая новую систему расовой сегрегации на Юге.

Последнее десятилетие XIX века было решающим временем в становлении современного расизма, его организационных и идеологических основ. Это был и период империалистической экспансии на Филиппины, Гавайи, Кубу и Пуэрто-Рико. Те же

* Закон о гражданских правах был принят конгрессом США 1 марта 1875 г. по инициативе сторонников радикальной Реконструкции. Закон был призван покончить со всей системой расовой дискриминации, джимкроуизма, предполагая равные возможности для черных пользоваться транспортом, школами, общественными местами и т. д. За нарушение закона предусматривался штраф в размере до одной тысячи долларов и даже тюремное заключение на срок от 10 дней и больше. Однако власти южных штатов (особенно после завершения Реконструкции в апреле 1877 г.) демонстративно игнорировали этот закон, а в 1883 г. Верховный суд США объявил его «противоречащим конституции».

самые силы, которые были виновны в закабалении народов этих стран, были виновны и в том, что все более тяжелой становилась доля черных и рабочего класса США в целом. Расизм питал эти авантюры империализма, а стратегия империализма и его апологеты в свою очередь поощряли расизм.

Двенадцатого ноября 1898 года в газете «Нью-Йорк геральд» были опубликованы сообщения о присутствии США на Кубе, «расовых беспорядках» в Фениксе, штат Южная Каролина, и «бойне», которую устроили черным в Уилмингтоне, штат Северная Каролина. «Уилмингтонская бойня» в то время была самой страшной из множества заранее спланированных расистских погромов черных. По словам одного черного священника, современника событий, Уилмингтон был «цветочками по сравнению с ягодками этики и стиля правления, утвердившихся на Кубе»^{ccccvi}. Уилмингтон был также и иллюстрацией того глубочайшего лицемерия, которое было присуще внешней политике США на Филиппинах.

В 1899 году суфражистки поспешили представить свидетельства своей полной лояльности скаредным монополистам. Как только расизм и шовинизм стали определять политику НАС по отношению к собственному рабочему классу, суфражистки безоговорочно стали принимать новые «достижения» американского империализма. На съезде в 1899 году Анна Гэрлин Спенсер выступила с речью «Долг по отношению к жителям наших новых владений»^{ccccvii}. *Наших новых владений?* В ходе прений Сьюзен Б. Энтони не пыталась скрыть своего гнева, но, как оказалось, ее гнев вовсе не относился к самим захватам. По ее словам, ею «овладел гнев, как только было внесено предложение привить пашу полуварварскую систему правления на Гавайях и в наших других новых владениях»^{ccccviii}.

С. Энтони поэтому со всей силой своего гнева потребовала, чтобы «право голоса было предоставлена женщинам наших новых владений на тех же условиях, что и мужчинам»^{ccccix}. Как будто женщины на Гавайях или Пуэрто-Рико должны были требовать права быть жертвами империализма США на тех же условиях, что и мужчины.

Во время съезда НАС в 1899 году выявилось одно показательное противоречие. В то время как суфражистки призывали к «выполнению долга перед женщинами наших новых владений», предложение черной женщины о принятии резолюции против расовой сегрегации осталось незамеченным. Черная суфражистка Лотти Уилсон Джексон была допущена на съезд, поскольку он проходил в штате Мичиган, одном из немногих, где движение суфражисток принимало в свои ряды черных. По пути на съезд Лотти Джексон подверглась унижениям сегрегации на железнодорожном транспорте. Предлагаемая ею резолюция была проста: «Цветных женщин не должны заставлять ездить в вагонах для курящих, им должны быть обеспечены нормальные условия проезда»^{ccccx}.

Председательствовавшая на съезде Сьюзен Б. Энтони прекратила дискуссию по поводу резолюции, предложенной черной женщиной. Сделанные С. Энтони замечания обеспечили этой резолюции полный провал. «Мы, женщины, — беспомощный, не имеющий никаких прав класс, — заявила С. Энтони. — Наши руки связаны. Пока мы находимся в подобных условиях, не нам принимать резолюции против железнодорожных корпораций или еще кого-либо»^{ccccxi}.

Этот инцидент имел куда большее значение, чем просто вопрос об отправке официального письма протеста против расистской политики железнодорожной компании. Отказ НАС защитить свою черную сестру наглядно показывал предательство суфражистками всего черного народа, и именно в тот момент, когда он испытывал самые жестокие страдания после освобождения. Этот жест определенно превращал Ассоциацию суфражисток в потенциально реакционную политическую силу, которая впоследствии приспособится ко всем требованиям концепции превосходства белых.

НАС уклонилась от обсуждения проблемы расизма, поставленной Лотти Джексон, что, безусловно, стимулировало проявление расовых предрассудков в организации. Объективно это было открытым поощрением южанок, которые вовсе не собирались отказываться от своей приверженности идее превосходства белых. Нейтральная позиция по вопросу о борьбе за равенство черных в лучшем случае была молчаливым согласием с расизмом, в худшем — преднамеренным оправданием со стороны влиятельной массовой организации насилия и разрушений, чинимых приверженцами идеи превосходства белых во все возрастающих масштабах.

Разумеется, Сьюзен Б. Энтони не несет личной ответственности за уступки расизму, которые делало движение суфражисток. Но на рубеже XIX и XX веков она была самым видным руководителем этой организации, и ее якобы «нейтральная» общественная позиция по вопросу о равенстве черных, конечно, усилила влияние расизма в НАС. Если бы С. Энтони серьезно отнеслась к исследованиям своей подруги Иды Б. Уэллс, она бы поняла, что нейтральное отношение к расизму подразумевало также нейтральное отношение к линчеваниям и массовым убийствам тысяч людей. К 1899 году Ида Б. Уэллс завершила огромную исследовательскую работу о линчеваниях и опубликовала ее потрясающие и трагические итоги. В течение предыдущих 10 лет ежегодно происходило от ста до двухсот официально зарегистрированных линчеваний^{ccccxii}. В 1898 году И. Уэллс пробудила нечто вроде общественного беспокойства, прямо потребовав, чтобы президент Маккинли отдал распоряжение о федеральном расследовании дела о линчевании почтмейстера в Южной Каролине^{ccccxiii}.

В 1899 году, когда С. Энтони провалила принятие резолюции против джимкромизма, наблюдался массовый протест черных против поощрения президентом Маккинли идеи превосходства белых. Отделение Национальной лиги цветных в Массачусетсе обвинило Маккинли в молчаливом оправдании господства террора в Фениксе, штат Южная Каролина, и в нежелании прекратить устроенную расистами резню черных в Уилмингтоне, штат Северная Каролина. Во время поездки президента на Юг они заявили ему: «Вы проповедовали терпение, трудолюбие и умеренность своим многострадальным черным согражданам и проповедовали патриотизм, шовинизм и имперское мышление своим белым согражданам»^{ccccxiv}.

Когда Маккинли находился в Джорджии, толпа ворвалась в тюрьму, схватила пятерых черных мужчин и «практически на ваших глазах зверски убила их. Разве вы сказали хоть что-нибудь? Разве вы ужаснулись этому страшному преступлению... которое превзошло жестокость варваров и наложило несмываемое пятно позора на справедливость, честь и гуманность вашей страны перед лицом всего мира?»^{ccccxv} — вопрошали президента черные жители Массачусетса.

Ни слова президент не сказал и по поводу одного из самых печально известных линчеваний того периода — сожжения Сэма Хоуза в Джорджии в том же году.

Г. Аптекер пишет об этом: «Одним тихим воскресным утром его отобрали у тюремщиков и заживо сожгли с неопишимо адской жестокостью в присутствии радостно приветствовавших эту казнь тысячных толп так называемых лучших граждан Джорджии. Это были мужчины, женщины и дети, которые в христианское воскресенье пришли на сожжение человеческого существа, как на сельский карнавал, праздник невинных удовольствий и развлечений»^{ccccxvi}.

Многочисленные исторические документы свидетельствуют о существовании в 1899 году как расистской агрессивности, так и мощного вызова, который бросили ей черные. Особенно символичен документ, изданный Национальным афроамериканским советом и представляющий собой призыв к черным отметить 2 июня как день поста и молитв. Опубликованная в «Нью-Йорк

трибюн», эта прокламация осуждала противоправные и повальные аресты, делавшие мужчин и женщин легкой добычей толпы «невежественных, злобных, накачанных виски пьяниц», которые «подвергают людей пыткам, вешают, расстреливают, разрубают, расчлениют и сжигают»^{ccccxvii}.

Таким образом, речь шла вовсе не об оскорбительных надписях на стенах. На черных уже обрушилось господство террора. Как могла С. Энтони утверждать, что верит в права человека и политическое равенство, и в то же время советовать членам своей организации не поднимать вопроса о расизме? Буржуазная идеология — особенно элементы расизма в ней,— очевидно, действительно обладает способностью изменять до неузнаваемости настоящий облик террора и превращать страшные крики страдающих людей в еле различимое бормотание, а затем — в молчание.

В начале века возник серьезный идеологический союз, по-новому связавший расистов с теми, кто отвергал равенство полов. Сторонники превосходства белых и приверженцы мужского превосходства, всегда легко находившие общий язык, открыто бросились в объятия друг другу и скрепили союз. В первые годы XX века влияние идей расизма было, как никогда, сильно. Духовная атмосфера — даже в прогрессивных кругах,— казалось, была безнадежно заражена иррациональной идеей превосходства англосаксонской расы. Усиленное распространение расистской пропаганды сопровождалось не менее усердным распространением идей мужского превосходства. Если людей с небелым цветом кожи — в США и за их рубежами — изображали как невежественных варваров, то женщин — имеются в виду белые женщины — представляли только как матерей, основное назначение которых заключалось в том, чтобы выкормить и воспитать детей мужского пола. Белых женщин учили, что в качестве матерей они несут особую ответственность в борьбе за сохранение господства белых. В конце концов, они были «матерями расы». Хотя термин *раса* якобы подразумевал понятие «человеческий род», на самом деле — с ростом популярности евгенического движения* — делалось весьма незначительное различие между понятиями «раса» и «англосаксонская раса».

По мере укрепления расизма в организациях белых женщин утверждался раболепно склоняющийся перед мужчинами культ материнства, проникавший именно в то движение, которое объявляло своей целью уничтожение мужского превосходства. Соединение расизма и идеи неравенства полов взаимно их усиливало. Открыв двери господствовавшей идеологии расизма шире, чем когда-либо раньше, движение суфражисток оказалось в затруднительном положении. Оно поставило достижение своих собственных целей под постоянную угрозу. Съезд НАС в 1901 году стал первым, на котором Сьюзен Б. Энтони уже не была председателем. Она ушла в отставку годом раньше, но присутствовала на съезде и по просьбе нового президента, Кэрри Чэпмен Кэтт, произнесла приветственную речь. В словах С. Энтони отражалось влияние возрождения евгенической кампании. «Несмотря на то, что в прошлом,— отмечала С. Энтони,— женщин соврачали «мужскими аппетитами и страстями»^{ccccxviii}, настало время, когда они должны выполнить свое назначение и стать спасительницами «расы». Именно посредством «...духовной эмансипации» (раса) будет очищена... «Именно женщины возродят расу»^{ccccxix}. «В силу этого я требую их немедленной и безусловной эмансипации, освобождения из-под любой формы политического, производственного и религиозного угнетения»^{ccccxx}.

В основном докладе, сделанном Кэрри Чэпмен Кэтт, указывалось на три «главных препятствия» предоставлению избирательных прав женщинам: милитаризм, проституцию и «...инерцию в росте демократии, ставшей реакцией на агрессивный характер движений, которые по чьему-то дурному совету поспешно предоставили избирательное право иммигрантам, неграм и индейцам. Опасность, появившаяся с вовлечением в политическую жизнь огромного числа безответственных граждан, сделала нацию робкой»^{ccccxxi}.

В 1903 году в НАС произошел такой всплеск расизма, что казалось, будто сторонники превосходства белых были решительно настроены захватить контроль над организацией. Знаменательно, что съезд 1903 года проходил на Юге, в Новом Орлеане. Расистская пропаганда, обрушившаяся на делегатов съезда, не случайно дополнялась многочисленными доводами в пользу культа материнства. Если Эдвард Меррик, сын председателя верховного суда Луизианы, говорил о предоставлении избирательного права «ордам невежественных негров-мужчин» как о «преступлении»^{ccccxxii}, то Мэри Чейз, делегат от Нью-Гемпшира, требовала предоставления избирательных прав женщинам как «естественным хранительницам и защитницам домашнего очага»^{ccccxxiii}.

На съезде в 1903 году выступление Белл Кирни из штата Миссисипи прозвучало особенно открытым и грубым подтверждением опасного союза расистов с приверженцами идеи неравенства полов. Резко отзываясь о черном населении Юга как о «4,5 миллиона бывших рабов, невежественных и полудиках»^{ccccxxiv}, она патетически охарактеризовала предоставление им избирательных прав как «смертельное бремя», под тяжестью которого белый Юг боролся «почти 40 лет отважно и открыто»^{ccccxxv}. Хотя теория Букера Т. Вашингтона о профессиональном образовании для черных и не отвечала насущным интересам их борьбы, Кирни пыталась доказать, что школа. Таскеги и другие подобные школы «...лишь готовили (негров) к власти и что, когда черные станут необходимы обществу в силу своей квалификации и приобретенного богатства»^{ccccxxvi}, произойдет нечто вроде расовой войны. Б. Кирни говорила: «Белые бедняки, оскорбленные своей нищетой и уязвленные сознанием своего низшего по сравнению с черными положения, не найдут места ни себе, ни своим детям, и тогда начнется схватка двух рас»^{ccccxxvii}.

Конечно же, такая борьба между белыми и черными рабочими не была неизбежной. Однако апологеты нового класса капиталистов, монополисты, стремились спровоцировать расовые столкновения. Примерно в то же время, когда Кирни выступала на съезде в Новом Орлеане, такое же предостережение прозвучало в сенате США. 24 февраля 1903 года сенатор Бен Тиллмэн из Южной Каролины предупредил, что создание колледжей и школ для черных на Юге неизбежно приведет к расовым конфликтам. Школы для черных способствуют тому, чтобы «эти люди», которые в его глазах были «ближайшим к недостающему звену, связывающему человека с обезьяной», могли «конкурировать с белыми». Это, по его мнению, «создаст антагонизм между беднейшими классами наших граждан и этими людьми, которые на рынке труда находятся в лучшем по сравнению с ними положении»^{ccccxxviii}. Более того, продолжал он, «на Юге ничего не делалось для того, чтобы улучшить положение белых, чтобы помочь и поддержать американцев-англосаксов, потомков тех, кто сражался вместе с Марион и Дамтером. Их оставляют одних в борьбе с нищетой и невежеством, с судорожными попытками удержаться на поверхности, и

* *Евгеническое движение, евгеника* — в буквальном переводе с греческого означает «хорошая порода». Это реакционное учение возникло во второй половине XIX в. во Франции, затем в Англии и Германии, отчасти распространилось оно и в США. Евгеника предполагает наличие биологически неполноценных рас и пародов, которыми «должны» управлять «полноценные», «высшие» расы и народы. Появление евгеники соответствовало интересам империализма, нуждавшегося в захватах новых земель, занимаемых «неполноценными» народами. Евгеника стала фундаментом биологической «теории» гитлеровского государства, «развившего» это учение до таких масштабов, о которых творцы евгеники и не догадывались.

они видят, как северяне тысячами приезжают на Юг, чтобы способствовать господству африканцев»^{ccccxxix}.

Вопреки утверждениям Кирни и Тиллмэна расовый конфликт возник не стихийно, а сознательно подготавливался представителями экономически господствовавшего класса. Им было необходимо подорвать единство рабочего класса, чтобы усилить эксплуатацию. Грядущие «расовые беспорядки» в Атланте, штат Джорджия, Браунвилле, штат Техас, Спрингфилде, штат Огайо, как и бойня 1898 года в Уилмингтоне и Фениксе, штат Южная Каролина, были организованы именно с целью усилить напряженность и антагонизм внутри многонационального рабочего класса.

Б. Кирни сообщила своим сестрам на съезде в Новом Орлеане, что она нашла действенный способ удержания расовых антагонизмов в границах управляемости. Она заявила, что знает, как предотвратить расовую войну, которая в противном случае станет неизбежной:

«Чтобы предотвратить это ужасное столкновение,— отметила Б. Кирни,— необходимо предоставить женщинам избирательное право и ввести образовательный и имущественный цензы для получения права голосования. Предоставление женщинам избирательных прав обеспечит немедленное и постоянное превосходство белых, достигнутое честным путем. Ведь, по словам безусловного авторитета, в каждом южном штате, кроме одного, образованных женщин больше, чем неграмотных избирателей, белых и черных, граждан этой страны и иммигрантов, вместе взятых»^{ccccxi}.

Ужасающий тон выступления Кирни не должен отвлекать внимание от того факта, что она строила свои рассуждения на теориях, хорошо известных в движении суфражисток. Статистические выкладки и призыв ввести образовательный ценз много раз звучали на предыдущих съездах НАС. Предлагая ввести имущественный ценз, Кирни отражала взгляды буржуазии, идущие вразрез с интересами рабочего класса, взгляды, которые, к сожалению, прочно утвердились в движении суфражисток.

Речь Кирни на съезде НАС была извращением позиций суфражисток. В течение многих лет ведущие руководители этого движения оправдывали безразличие своей ассоциации к делу расового равенства всеоправдывающими соображениями «целесообразности». Сейчас же право голоса для женщин преподносилось как наиболее целесообразное средство достижения расового превосходства. НАС невольно попала в собственную ловушку — ловушку целесообразности, которая должна была способствовать получению избирательного права. Стоило тактике капитуляции перед расизмом одержать верх — особенно на историческом стыке, когда новая безжалостная монополистическая экспансия требовала более жестоких форм расизма,— он неизбежно бумерангом ударил по самим суфражисткам.

Уже упоминавшаяся Б. Кирни, делегатка от Миссисипи, уверенно заявила: «Когда-нибудь Северу придется обратить взоры к Югу в надежде на спасение... ради сохранения чистоты англосаксонской крови, простоты социальной и экономической структуры... и укрепления святости веры, которая остается нерушимой»^{ccccxli}.

В этих словах нельзя было найти ни грамма сестринской солидарности, ни слова о победе над мужским превосходством или о достижении женщинами полного равноправия. Не права женщин, не политическое равенство женщин, а, скорее, господствовавшее расовое превосходство белых — вот что нужно было сохранить любой ценой.

«С такой же неизбежностью, как Север вынужден будет обратиться к Югу в надежде на спасение страны,— продолжала делегатка от Миссисипи,— Югу придется обратиться к женщинам англосаксонской крови как к посреднику, который сможет сохранить превосходство белой расы над черной...»^{ccccxlii}. «Слава богу, что черные получили свободу! — воскликнула она с нарочито расистским высокомерием,— Я желаю им всяческого счастья и всяческого прогресса, но не в посягательствах на святая святых англосаксонской расы...»^{ccccxliii}

ЧЕРНЫЕ ЖЕНЩИНЫ И КЛУБНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Всеобщая федерация женских клубов (ВФЖК) могла бы отметить свое десятилетие в 1900 году осуждением расизма в собственных рядах. К сожалению, ее политика оказалась однозначно расистской: мандатная комиссия съезда федерации признала недействительным мандат черной делегатки от бостонского клуба «Эра женщин». Среди множества клубов, представленных в федерации, единственный клуб (ему-то и было отказано участвовать в работе съезда) имел заслуги, сопоставимые с достижениями лишь двух женских организаций. Если нью-йоркский «Соросис» и «Клуб женщин Новой Англии» были первыми организациями белых женщин, то клуб «Эра женщин», работавший к тому времени уже 5 лет, был первым плодом организационных усилий черных женщин в рамках движения за создание клубов. Его представитель Жозефина Сен-Пьер Раффин была известна в клубах белых женщин в Бостоне как «интеллигентная» женщина. Она была женой выпускника Гарвардского университета, ставшего первым черным судьей в штате Массачусетс. Как объяснила Ж. Раффин, ее участие в работе съезда мандатная комиссия считала бы возможным лишь в качестве делегата от клуба белых женщин, членом которого она также состояла. В этом случае, конечно, она стала бы вынужденным исключением, подтверждающим правило расовой сегрегации в ВФЖК. Поскольку Ж. Раффин настаивала на том, чтобы представлять клуб черных женщин (который, кстати, уже получил удостоверение о членстве в ВФЖК), ей запретили вход в зал заседаний съезда. Более того, как пишет Дж. Лернер, «...чтобы усилить запрет, была сделана попытка сорвать с ее груди значок делегата, который ей уже был выдан...»^{ccccxlv}. Вскоре после «инцидента с Раффин» была придумана душеспасительная история, чтобы запугать белых женщин, выразивших протест против расистских взглядов, распространенных в организации. В выпускаемом федерацией бюллетене появилась статья под заголовком «Дуракам закон не писан»^{ccccxlv}, в которой, как вспоминает Ида Б. Уэллс, рассказывалось, как в одном безымянном городе действовал некий интегрированный клуб белых и черных женщин и как из этого ничего хорошего не получилось. Президент этого вымышленного клуба предложила своей черной подруге вступить в его члены. Но вот дочь белой женщины, председателя клуба, влюбилась и вышла замуж за сына черной женщины, у которого, как и у матери, была настолько светлая кожа, что его едва ли можно было принять за черного. Однако, сообщила статья, в нем все же была «невидимая капля» черной крови, и когда его молодая белая жена родила «совершенно черного ребенка», шок был настолько сильным, что она отвернулась к стене и умерла»^{ccccxlv}. Любому человеку с черным цветом кожи было ясно, что вся эта история грубо сострепана, но газеты подхватили и широко распространили ее, навязывая вывод, что общие женские клубы для белых и черных приведут к осквернению белых женщин.

Первый национальный съезд, созванный черными женщинами, состоялся через пять лет после учредительного съезда ВФЖК в 1890 году. Попытки черных женщин создать свои организации можно проследить уже со времен начала Гражданской войны. Как и их белые сестры, они участвовали в работе литературных клубов и благотворительных организаций, но при этом их основные усилия были направлены на уничтожение рабства. Однако в отличие от белых женщин, также включившихся в аболиционистскую борьбу, черные женщины были движимы не столько соображениями благотворительности или общими принципами морали, сколько назревшими потребностями физического выживания своего народа.

После отмены рабства самыми трудными для черных были 90-е гг. XIX века, и женщины, естественно, считали своим долгом присоединиться к борьбе своего народа. Первый клуб черных женщин был создан именно в ответ на стихийную волну судов Линча и надругательств расистов над черными женщинами.

Принято считать, что истоки ВФЖК — клубов белых женщин — восходят к событиям, последовавшим сразу же после Гражданской войны, когда исключение женщин из пресс-клуба Нью-Йорка привело к созданию в 1868 году женского клуба^{ccccxlvii}. После основания клуба «Соросис» в Нью-Йорке женщины Бостона создали клубы женщин Новой Англии. Таким образом, было положено начало столь широкому распространению клубов в двух крупнейших городах Северо-Востока, что к 1890 году уже можно было создать их общенациональную федерацию^{ccccxlviii}. Всего лишь через два года ВФЖК уже имела 190 филиалов и насчитывала 20 тыс. членов^{cccclix}. Один из исследователей движения феминисток так объясняет кажущуюся магнетическую притягательность этих клубов для белых женщин:

«Субъективно клубы удовлетворяли потребность женщин среднего возраста из средних слоев в досуге, проводимом вне их традиционной сферы занятий и в то же время связанном с ней. Скоро стало ясно, что существуют буквально миллионы женщин, считающих свою жизнь неполной, если она ограничивается только домом и церковью. В большинстве своем малообразованные, не желавшие или не имевшие возможности пойти на работу, они нашли разрешение своих личных проблем, участвуя в жизни клубов»^{cccc}.

Доля черных женщин, работавших вне дома, была гораздо выше, чем белых, как на Севере, так и на Юге. В 1890 году из 4 млн. женщин, занятых наемным трудом, почти 1 млн. составляли черные женщины^{cccci}. В силу этого черные женщины меньше сталкивались с пустотой домашней жизни, чем их белые сестры из средних слоев. Тем не менее руководители клубного движения черных женщин вышли отнюдь не из масс работающих женщин. Жозефина Сен-Пьер Раффин, например, была женой судьи из Массачусетса. От руководительниц клубов белых этих женщин отличала осознанная ими необходимость бросить вызов расизму. Они на собственном опыте испытывали ставший обыденным в американском обществе расизм, что, безусловно связывало их с сестрами из рабочего класса сильнее, нежели неравенство по признаку пола — с белыми женщинами из средних слоев.

До возникновения клубного движения первым крупным митингом, самостоятельно организованным черными женщинами, стал митинг солидарности с журналисткой Идой Б. Уэллс. После того как банда расистов разгромила редакцию ее газеты в Мемфисе за выступления против судов Линча, И. Уэллс решила переехать в Нью-Йорк. Она рассказывает в автобиографии, как две женщины были глубоко тронуты ее статьями в «Нью-Йорк эйдж» о линчевании трех ее товарищей и разгроме редакции:

«Две цветные женщины обсудили между собой сделанные мной разоблачения и решили, что женщины Нью-Йорка и Бруклина должны в какой-то форме выразить поддержку моей работе и протест против того, как обошлись со мной»^{ccccii}.

Виктория Мэтьюз и Мэрича Лайонс организовали ряд собраний среди своих знакомых, за что инициативному комитету из 250 женщин было предъявлено обвинение в «провоцировании беспорядков в двух городах»^{cccciii}. Через несколько месяцев, в октябре 1892 года, они организовали грандиозный митинг в Лирик-холл в Нью-Йорке. На этом митинге Ида Б. Уэллс произнесла волнующую речь о линчевании. Она вспоминает:

«Зал был переполнен... Выдающиеся цветные женщины Бостона и Филадельфии были приглашены для участия в этом собрании, и они пришли, являя собой яркое созвездие. Госпожа Гертруда Мосселл из Филадельфии, госпожа Жозефина Сен-Пьер Раффин из Бостона, госпожа Сара Гарнетт — вдова одного из наших великих людей, учительница публичных школ Нью-

Йорка, доктор Сьюзен Маккинер из Бруклина, одна из первых выдающихся женщин-врачей нашей расы,— все были на сцене. Они были внушительной опорой одинокой, тоскующей по дому девушке, оказавшейся на положении ссыльной из-за того, что пыталась защитить мужчин своей расы»^{cccliv}.

Иде Б. Уэллс была вручена довольно крупная сумма денег на основание новой газеты и (что говорит об относительном достатке организаторов митинга) золотая брошь в виде пишущей ручки^{ccclv}.

После этого бурного митинга солидарности женщины, подготовившие его, создали постоянные организации в Бруклине и Нью-Йорке, которым они дали название «Женский лоялистский союз». По словам Иды Уэллс, эти организации были первыми клубами, созданными и руководимыми исключительно черными женщинами, «подлинным началом клубного движения среди цветных женщин страны»^{ccclvi}. Бостонский клуб «Эра женщин» — запрещенный впоследствии ВФЖК — был образован на митинге, созванном Ж. Раффин в честь приезда Иды Б. Уэллс в Бостон^{ccclvii}. На таких же митингах, где выступала Уэллс, были учреждены постоянные клубы в Нью-Бедфорде, Провиденсе, Ньюпорте, а позже в Нью-Хейвене^{ccclviii}. В 1893 году речь Уэллс в Вашингтоне против линчеваний вдохновила на одно из первых своих публичных выступлений Мэри Чэрч Тэррел, ставшую впоследствии президентом-основателем Национальной ассоциации клубов цветных женщин^{ccclix}.

Для черных женщин, включившихся в клубное движение, И. Уэллс была не просто рекламным плакатом, но и активным организатором, основателем и президентом первого клуба черных женщин в Чикаго. После своей первой поездки за границу с выступлениями против судов Линча она помогала Фредерику Дугласу в организации протеста против проведения Всемирной выставки 1893 года. Благодаря ее усилиям был создан комитет женщин для сбора средств на издание брошюры «Причина, по которой цветной американец не представлен на Всемирной колумбийской выставке»* для распространения на выставке^{ccclx}. После чикагской Всемирной выставки И. Уэллс убедила местных жительниц создать постоянный клуб по примеру черных женщин в северо-восточных городах страны^{ccclxi}.

Некоторые из женщин, которых вовлекла в клуб Уэллс, были выходцами из самых зажиточных черных семей Чикаго. К примеру, госпожа Джон Джонс была женой «самого богатого черного в Чикаго того времени»^{ccclxii}. Однако следует отметить, что этот преуспевающий бизнесмен ранее участвовал в деятельности «подземной железной дороги» и возглавлял движение за отмену законов о черных в штате Иллинойс. Помимо женщин, представлявших зарождающуюся «черную буржуазию», и «наиболее известных деятельниц церковных благотворительных обществ»^{ccclxiii}, в число 300 членов чикагского женского клуба входили также «школьные учительницы, домохозяйки, студентки»^{ccclxiv}. Среди первых проведенных ими мероприятий — сбор средств на кампанию за привлечение к судебной ответственности полицейского, убившего черного мужчину. Члены клубов черных женщин открыто вступили в борьбу за освобождение черных.

Первый клуб — «Эра женщин» — в Бостоне продолжал напряженную борьбу в защиту черных, к чему призывала Ида Б. Уэллс на его учредительном собрании. Когда Национальная конференция унитарной церкви отказалась принять резолюцию против суда Линча, члены клуба в открытом письме одной из женщин, входившей в руководство церкви, выразили гневный протест: «Мы, члены клуба «Эра женщин», убеждены, что говорим от имени цветных женщин Америки... Мы, цветные женщины, страдали и страдаем слишком тяжело, чтобы не видеть страданий других, но, естественно, мы с большей остротой воспринимаем собственные страдания, нежели чужие. Поэтому мы считаем, что молчать в таком важном деле было бы лицемерием по отношению к самим себе, нашим возможностям и нашей расе.

Мы многое вытерпели, и мы терпеливо веруем; мы видели, как рушился наш мир, как наших мужчин превращали в беглецов и бродяг и как их молодость и сила увядали в рабстве. Мы сами всю жизнь каждодневно подвергаемся притеснениям и угнетению; мы знаем, что нам откажут в любой возможности обрести развитие, мир и счастье; ...христиане — мужчины и женщины — наотрез отказываются открыть перед нами двери своих церквей; ...наши дети стали постоянными жертвами оскорблений; наших девушек в любой момент могут бросить в грязные и вонючие вагоны и, невзирая на их нужды, лишит пищи и крова»^{ccclxv}.

Следом за описанием бесправия черных женщин в области образования и культуры в письме протеста содержался призыв к массовым выступлениям против линчеваний: «В интересах справедливости, доброго имени нашей страны мы торжественно поднимаем наш голос против чудовищных преступлений суда Линча.

...И мы призываем христиан всюду поступать *так же*, или пусть будут они заклеены как пособники убийц»^{ccclxvi}.

Созвав Первую национальную конференцию цветных женщин в 1895 году в Бостоне, члены клубов черных женщин не стремились просто превзойти своих белых коллег, которые пятью годами раньше объединили клубное движение на федеральном уровне. Они соединили свои усилия, чтобы выработать стратегию сопротивления потоку оскорблений черных женщин в прессе и продолжавшемуся господству закона Линча. В ответ на нападки на Иду Б. Уэллс со стороны президента Ассоциации прессы штата Миссури, одобрявшего линчевания, делегаты конференции выразили протест против этого «оскорбления женщин-негритянок»^{ccclxvii} и заявили «на всю страну о своей единодушной поддержке курса (Уэллс), которому она следовала, агитируя против линчеваний»^{ccclxviii}.

Фанни Бэррье Уильямс, которую белые женщины Чикаго исключили из своего клуба, подытожила различий между клубным движением белых женщин и женщин своего народа. Черные женщины, заявила она, осознали, что «...прогресс означает гораздо больше, чем обычно понимается под словами «культура», «образование» и «общение».

Движение цветных женщин за создание клубов оказалось в тех же условиях, в которых находилась вся раса... Движение за создание клубов — только одно из многочисленных средств социального подъема расы...

Движение за создание клубов ставит перед собой прекрасные цели. ...Это не прихоть... это, скорее, оружие новой интеллигенции против старого невежества, борьба просвещенного сознания против скопища социальных бед, порожденная гнетом и болью ненавистного прошлого»^{ccclxix}. В то время как клубное движение черных женщин горячо поддерживало борьбу за освобождение черных, его руководители из средних слоев придерживались подчас удручающе высокомерных взглядов на массы своего народа.

* *Всемирная колумбийская выставка* проводилась в Чикаго в мае — октябре 1893 г. Начало ее планировалось приурочить к 400-летней годовщине открытия Америки Колумбом (отсюда и название выставки) — 21 октября 1892 г., но затем сроки грандиозного строительства были перенесены. Выставку посетило более 12 млн. человек, в том числе множество иностранных гостей. В США до сих пор в этой выставке усматривают некий рубеж, отмечающий начало «эры промышленного величия» страны, чему способствовали и восхищенные отзывы иностранных гостей о достижениях американской промышленности, представленных на выставке. Федеральное правительство и власти Чикаго вложили в выставку колоссальные средства, стремясь показать максимально доступное число экспонатов. Широкую панораму американского образа жизни дополнило и незапланированное событие: за два дня до закрытия выставки при входе в собственный дом был убит мэр Чикаго К. Гаррисон.

Фанни Уильямс, например, считала членов клубов «повой интеллигенцией, просвещенной совестью»^{ccclxx} расы. Она говорила, что «в среде белых женщин клубное движение означает продвижение вперед лучших представительниц женщин в интересах лучшей доли их всех. В среде же цветных женщин клуб представляет собой деятельность немногих образованных во имя многих необразованных»^{ccclxxi}.

Еще до того, как официально была создана национальная организация клубов черных женщин, между лидерами движения, к сожалению, развернулось соперничество. По решению бостонской конференции 1895 года, созванной по инициативе Жозефины Сен-Пьер Раффин, в том же году была создана Национальная федерация афроамериканских женщин, избравшая своим президентом Маргарет Мюррей Вашингтон^{ccclxxii}. Федерация объединила более 30 клубов, действовавших в 12 штатах. В 1896 году в столице США была образована Национальная лига цветных женщин, ее президентом была избрана Мэри Чэрч Тэррел. Однако вскоре эти конкурирующие организации слились в Национальную ассоциацию клубов цветных женщин во главе с Мэри Тэррел. В течение последующих нескольких лет Мэри Тэррел и Ида Б. Уэллс враждовали между собой, борясь за лидерство в национальном клубном движении черных женщин. Как утверждает Уэллс в своей автобиографии, Тэррел песет личную ответственность за то, что ее отстранили от участия в работе съезда Национальной ассоциации клубов цветных женщин, проводившегося в Чикаго в 1899 году^{ccclxxiii}. По словам И. Уэллс, это решение объяснялось опасениями М. Тэррел, что ее могут не переизбрать на пост президента ассоциации. По тем же соображениям М. Тэррел приглушила на съезде и борьбу против линчеваний, символом которой была ее соперница^{ccclxxiv}.

Мэри Чэрч Тэррел была дочерью раба, получившего после отмены рабства солидное наследство от отца своего хозяина-рабовладельца. Такое состояние дало ей уникальные возможности и при получении образования. Проведя четыре года в колледже Оберлин, Тэррел стала третьей в США черной женщиной — выпускницей колледжа^{ccclxxv}, а затем продолжила учебу в высших учебных заведениях за границей. Преподаватель выпускных классов, а затем профессор университета, Мэри Чэрч Тэррел стала первой черной женщиной в совете по образованию федерального округа Колумбия. Если бы она стремилась к личному обогащению, политической или академической карьере, она, без сомнения, преуспела бы. Однако ее устремления были обращены на освобождение ее народа, и она посвятила всю свою сознательную жизнь борьбе за освобождение черных. Более, чем кто-либо другой, Мэри Чэрч Тэррел обладала той энергией, что превратила клубное движение черных женщин во влиятельную политическую силу. Будучи одним из самых острых критиков Тэррел, Ида Б. Уэллс признавала ее важную роль в клубном движении. Как она отмечала, «госпожа Тэррел, безусловно, была самой образованной из нас...»^{ccclxxvi}

Как и Мэри Чэрч Тэррел, Ида Б. Уэллс родилась в семье бывших рабов. Когда эпидемия желтой лихорадки унесла жизнь ее родителей, Уэллс была еще подростком. На ее руках остались пять братьев и сестер. Это тяжелое бремя заставило ее выбрать профессию учительницы. Однако личные невзгоды не помешали ей встать на путь активной антирасистской деятельности. Когда Ида Б. Уэллс было всего 22 года, она обратилась с иском в суд, бросив тем самым вызов расовой дискриминации, которую она испытала как пассажир железной дороги. Через 10 лет Ида Б. Уэллс уже издавала собственную газету в Мемфисе, штат Теннесси, и после того, как три ее товарища были убиты толпой расистов, превратила свою газету в мощное оружие борьбы против линчеваний. Вынужденная уехать, когда расисты стали угрожать ее жизни и разгромили редакцию ее газеты, Уэллс начала свой необыкновенно успешный «крестовый поход» против линчеваний. Переезжая из города в город по всей территории США, она призывала как черных, так и белых оказать массовое сопротивление закону Линча. Ее зарубежные поездки воодушевили европейцев на проведение кампаний солидарности против линчеваний черных в Соединенных Штатах. Два десятилетия спустя в возрасте 57 лет Ида Б. Уэллс оказалась в гуще событий во время восстания в восточной части Сент-Луиса. В 63 года она занялась расследованием бесчинств расистских банд в Арканзасе. И накануне смерти она сохранила свой боевой дух, возглавив демонстрацию черных женщин против сегрегации в главном отеле Чикаго.

За время многолетней борьбы против линчеваний Ида Б. Уэллс стала специалистом по тактике агитации и конфронтации. Однако мало кто мог сравниться с Мэри Чэрч Тэррел в борьбе за освобождение черных пером и словом. Она стремилась добиться свободы своего народа силой логики и убеждения. Яркий писатель, прекрасный оратор, мастер в искусстве полемики, Тэррел неизменно и принципиально отстаивала равенство черных, избирательное право женщин и права трудящихся. Как и Ида Б. Уэллс, она вела активную деятельность до самой смерти — до 90 лет. Одним из последних ее выступлений, бросавших открытый вызов расизму, было участие в пикетах в Вашингтоне, когда ей было уже 89 лет.

Ида Б. Уэллс и Мэри Чэрч Тэррел были, несомненно, двумя выдающимися черными женщинами своего времени. Их вражда, продолжавшаяся несколько десятилетий,— трагическое явление в истории клубного движения черных женщин. Успехи, достигнутые ими в отдельности, были весьма значительны, но объединенными усилиями они могли бы сдвинуть горы ради своих сестер и всего своего народа.

ТРУДЯЩИЕСЯ ЖЕНЩИНЫ, ЧЕРНЫЕ ЖЕНЩИНЫ И ИСТОРИЯ ДВИЖЕНИЯ СУФРАЖИСТОК

В январе 1868 года, когда Сьюзен Б. Энтони выпустила первый номер газеты «Революция», женщины-работницы, доля которых в общей численности рабочей силы к тому времени увеличилась, уже начали открыто защищать свои права. Во время Гражданской войны белых женщин, работающих по найму вне дома, стало больше, чем когда-либо раньше. Хотя в 1870 году 70% трудящихся женщин были надомницами, четверть всех несельскохозяйственных рабочих составляли женщины^{ccclxxvii}. В швейной промышленности их было уже большинство. В то время рабочее движение представляло собой быстро растущую экономическую силу, включавшую по крайней мере 30 национальных профсоюзов^{ccclxxviii}.

Однако в организованном рабочем движении влияние концепции мужского превосходства было столь мощным, что только профсоюзы работников табачной промышленности и печатники открыли свои двери для женщин. Поэтому женщины-работницы предпринимали самостоятельные попытки создать свои организации. Во время Гражданской войны и сразу после нее швеи составляли самую многочисленную группу женщин, работавших вне дома. Когда они начали создавать профсоюз, дух объединения распространился от Нью-Йорка до Бостона и Филадельфии, во всех крупных городах, где бурно развивалась швейная промышленность. Когда в 1866 году создавался Национальный рабочий союз (НРС), то делегатам его учредительного съезда пришлось отдать должное усилиям женщин, работающих в швейной промышленности. По инициативе Уильяма Силвиса съезд принял резолюцию поддержать не только «дочерей труда на земле»^{ccclxxix}, как называли тогда швей, но также идею объединения женщин в профсоюзы вообще и их право на получение равной с мужчинами заработной платы^{ccclxxx}. На съезде Национального рабочего союза в 1868 году, где У. Силвис был избран президентом, среди делегатов было несколько женщин, в том числе Элизабет Кэди Стэнтон и Сьюзен Б. Энтони. В их присутствии съезд был вынужден принять более решительные резолюции и вообще гораздо серьезней отнестись к защите прав женщин-работниц.

На учредительный съезд Национального союза цветных рабочих (НСЦР) в 1869 году были приглашены и женщины. Как объясняли черные рабочие в одной из резолюций, они не хотели «совершить ошибок, сделанных прежде нашими белыми согражданами, которые не привлекли (в профсоюзы) женщин»^{ccclxxxi}. Эта организация черных рабочих, созданная потому, что их не принимали в рабочие организации белых, делом доказала большую приверженность борьбе за права работающих женщин, нежели созданный до этого профсоюз белых. В то время как ИРС ограничивался принятием резолюций в поддержку равенства женщин, НСЦР избрал женщину — Мэри С. Кэри^{ccclxxxii} — в исполнительный комитет, вырабатывавший общую линию организации. Сьюзен Б. Энтони и Элизабет Кэди Стэнтон не упоминают в своих трудах о действиях рабочих организаций черных в защиту прав женщин. Следует предположить, что они были слишком заняты борьбой за предоставление избирательного права женщинам, чтобы отметить эти важные явления.

Общая идея первого номера газеты С. Энтони «Революция», которую финансировал демократ-расист Джордж Фрэнсис Трейн, заключалась в том, что женщины должны добиваться права голоса. Газета, казалось, хотела сказать, что, как только женщины получат избирательные права, для них наступит золотой век и окончательный триумф морали на благо всей нации.

8 января 1868 года газета писала: «Мы докажем, что избирательное право обеспечивает женщине равноправие и равную оплату в сфере труда, что оно откроет для нее доступ в школы, колледжи, различные профессии, а также создаст новые возможности и перспективы, что в ее руках избирательное право станет моральной силой, которая остановит волну преступлений и повсеместных страданий»^{ccclxxxiii}.

Хотя политическое направление газеты зачастую было слишком узким и основное внимание уделялось избирательному праву, «Революция» сыграла важную роль в борьбе трудящихся женщин в течение тех двух лет, когда она выходила. На страницах газеты постоянно выдвигалось требование 8-часового рабочего дня и антидискриминационный лозунг «равная оплата за равный труд». С 1868 по 1870 год трудящиеся женщины — особенно в Нью-Йорке — могли быть уверены, что их заботы, так же как и их забастовки, цели и задачи борьбы, найдут отражение в газете «Революция».

Участие С. Энтони в рабочем движении женщин в период после Гражданской войны не ограничивалось выражением солидарности в газете. В первый год издания своей газеты она и Э. Стэнтон использовали помещение редакции для организации Ассоциации трудящихся женщин среди типографских работниц. Вскоре после этого Национальный союз типографских рабочих стал вторым профсоюзом, в который принимали женщин, и в редакция «Революции» было создано первое местное отделение Женского союза типографских рабочих^{ccclxxxiv}. Несколько позже, благодаря инициативе Сьюзен Б. Энтони, среди портных была организована вторая Ассоциация трудящихся женщин.

Несмотря на то что Сьюзен Б. Энтони, Элизабет Кэди Стэнтон и их коллеги по газете внесли серьезный вклад в дело женщин-работниц, они никогда по-настоящему не принимали принципы тред-юнионизма. Так же, как раньше они не желали признавать, что в тот период освобождение черных имело большее значение, чем интересы белых женщин, так и теперь они до конца не признавали основные принципы классового единства и солидарности, без которых рабочее движение было бессильно. В глазах суфражисток женщина была мерилем всего: если это могло способствовать их делу, то женщинам было не зазорно выступать в качестве штрейкбрехеров, когда рабочие-мужчины в их отрасли бастовали. На съезде Национального рабочего союза в 1869 году Сьюзен Б. Энтони лишили полномочий делегата за то, что она призывала женщин-печатниц стать штрейкбрехерами^{ccclxxxv}. В свою защиту С. Энтони заявила на съезде, что «в мире, где противостоят труд и капитал, мужчины сталкиваются с большими несправедливостями, но по сравнению с несправедливостью к женщинам, перед носом которых захлопываются двери, ведущие к многим занятиям и профессиям, это все равно что горсть песка на морском берегу»^{ccclxxxvi}.

Вызывающее поведение С. Энтони и Э. Стэнтон в данном случае было поразительно похоже на выступления суфражисток против черных в Ассоциации борьбы за равноправие. Так же как и в канун отмены рабовладения, когда, почувствовав, что бывшие рабы могут получить избирательное право раньше, чем белые женщины, С. Энтони и Э. Стэнтон выступили с нападками на черных, так и сейчас они резко обрушились на мужчин-рабочих. Стэнтон утверждала, что ее исключение из НРС доказывало «то, что «Революция» повторяла неустанно — злейшими врагами предоставления избирательного права женщинам будут мужчины трудящихся классов»^{ccclxxxvii}.

Женщина была мерилем, но не каждая женщина принималась ими в расчет. Вклад черных в длительную кампанию за предоставление избирательного права женщинам был для суфражисток, разумеется, едва заметен. Что касается белых женщин-работниц, то, очевидно, поначалу на лидеров суфражисток произвели сильное впечатление организаторские усилия и боевитость их сестер из рабочего класса. Однако, как оказалось, сами женщины-работницы без большого энтузиазма относились к борьбе за избирательные права женщин. Хотя Сьюзен Б. Энтони и Элизабет Кэди Стэнтон удалось уговорить нескольких лидеров женского рабочего движения выступить с протестом против лишения женщин избирательных прав, массы работающих женщин

были слишком озабочены своими непосредственными проблемами — заработной платой, продолжительностью рабочего дня, условиями труда,— чтобы бороться во имя цели, казавшейся им крайне абстрактной. По мнению С. Энтони, «великое преимущество, которым обладают мужчины-работчие нашей республики, заключается в том, что сын самого последнего гражданина, будь то белого или черного, имеет равные возможности с сыном самого богатого на этой земле»^{ccccxxviii}. Имей Сьюзен Б. Энтони представление о том, в каких условиях живут семьи рабочих, она никогда бы не сделала подобного заявления. Женщины-работницы слишком хорошо знали, что их отцов, братьев, мужей и сыновей, пользовавшихся: правом голосования, продолжали нещадно эксплуатировать их богатые работодатели. Политическое равенство вовсе не предполагало равенства экономического.

«Женщина требует права голоса, а не хлеба»^{ccccxxix} — так называлась речь Сьюзен Б. Энтони, с которой она часто выступала, пытаясь вовлечь больше женщин-работниц в борьбу за предоставление избирательного права. Уже само название речи говорило о том, что она критически относилась к тому, что женщины-работницы сосредоточивались на своих насущных потребностях. Вполне естественно, они стремились к практическому разрешению своих непосредственных материальных нужд, и поэтому их не вдохновляло обещание суфражисток, что право голосовать поставит их вровень с их эксплуатируемыми и угнетаемыми мужьями. Даже члены Ассоциации работниц, организованной С. Энтони в редакции своей газеты, приняли решение воздержаться от борьбы за предоставление избирательного права. «Госпожа Стэнтон очень хотела, чтобы была создана ассоциация работниц-суфражисток»,— поясняла первый вице-президент Ассоциации работниц.

Вопрос был поставлен на голосование и в результате снят с повестки дня. Одно время эта ассоциация объединяла более сотни женщин-работниц, но, поскольку для улучшения их положения практически ничего не было сделано, они постепенно выходили из нее^{ccccxc}.

Еще в начале своего становления как ведущего борца за права женщин Сьюзен Б. Энтони пришла к выводу, что избирательное право является ключом к эмансипации женщин и что неравенство полов представляет собой источник большего гнета, чем классовое неравенство и расизм. В глазах С. Энтони, «самая одиозная олигархия, которая когда-либо существовала на земле»^{ccccxi}, представляла собой господство мужчин над женщинами.

Она пыталась доказать, что «олигархию богатства, где богатый господствует над бедным; олигархию знания, где образованный господствует над невежественным; или даже олигархию расы, где англосакс правит африканцем, еще можно вытерпеть; по олигархия пола, превращающая отца, братьев, мужа, сыновей во властелинов над матерью и сестрами, женой и дочерьми в каждом доме, олигархия, которая предопределяет господствующее положение всех мужчин и подчиненное — всех женщин, вносит разлад и дух бунта в каждый дом в стране»^{ccccxii}.

Непоколебимый феминизм Энтони был наглядным отражением господствовавшей в обществе буржуазной идеологии. И, возможно, потому, что Энтони находилась в плену буржуазных представлений, она не смогла понять, что судьба белых тружениц и черных женщин одинаково неразрывно связана с судьбой мужчин-тружеников, так как классовая эксплуатация и расизм не делали различий между полами. Разумеется, дать отпор повелительно-хозяйскому отношению мужчин было необходимо, но их настоящим врагом — врагом общим — был хозяин, капиталист, тот, на котором лежала вина за то, что они получают мизерную заработную плату, работают в невыносимых условиях, за дискриминацию по признакам расы и пола на производстве.

В массовом масштабе женщины-работницы подняли знамя всеобщего избирательного права только в начале XX века, когда в ходе их классовой борьбы выковались необходимые для этого предпосылки. Зимой 1909—1910 гг. проведенное женщинами знаменитое «восстание 20 тысяч» парализовало швейную промышленность в Нью-Йорке, и тогда вопрос о голосовании стал приобретать особое значение для борьбы трудящихся женщин. Руководители женского рабочего движения стали говорить, что женщины-работницы могли бы использовать право голосования для подкрепления требований о повышении заработной платы и улучшении условий труда. Предоставление женщинам избирательного права могло послужить мощным оружием классовой борьбы. После того как при пожаре на фабрике компании по пошиву мужских рубашек в Нью-Йорке трагически погибло 146 женщин, стало совершенно очевидно, что назрела необходимость в законодательстве, запрещающем женщинам работать в условиях риска для жизни. Другими словами, женщинам-работницам избирательное право было необходимо для того, чтобы гарантировать саму их жизнь.

Лига женских профсоюзов призвала к созданию суфражистских лиг работниц. Одна из ведущих членов нью-йоркской Лиги суфражисток Леонора О'Рейли яростно защищала право женщин на участие в голосовании с позиций интересов рабочего класса. Направляя острие своей полемики против политиканов, противившихся предоставлению женщинам избирательного права, она поставила под вопрос и господствовавший культ материнства. «Вы можете говорить,— отмечала она,— что наше место дома. Однако в Соединенных Штатах нас 8 миллионов, тех, кто должен вне дома зарабатывать себе на хлеб, и мы пришли сказать вам, что в то время, как мы работаем на заводах, шахтах, фабриках, в магазинах, мы не имеем той степени безопасности, которую должны иметь. Вы придумали для нас законы, но они не принесли нам ничего хорошего. Годами женщины обращаются в законодательные собрания во всех штатах и пытаются изложить свои нужды...»^{ccccxiii}.

Таким образом Леонора О'Рейли и ее сестры из рабочего класса тем самым заявили, что они собираются бороться за предоставление женщинам избирательного права, и, вне всякого сомнения, они используют его в качестве оружия, которое поможет им лишить места тех законодателей, чьи симпатии на стороне большого бизнеса. Женщины из рабочей среды требовали предоставления избирательного права, рассматривая его как оружие в нарастающей классовой борьбе. Эта новая перспектива в движении суфражисток отражала растущее влияние социалистического движения. Действительно, женщины-социалистки придали новый импульс движению за избирательные права женщин и отстаивали эту борьбу с точки зрения жизненных интересов их сестер из рабочего класса. В первое десятилетие XX века в США было 8 млн. работающих женщин, причем 2 миллиона из них составляли черные женщины. Страдавшие от тройного гнета — расового и социального неравенства, а также дискриминации по признаку пола,— эти женщины имели очень веские аргументы, чтобы у них было право на участие в выборах. Однако расизм настолько глубоко пронизал движение суфражисток, что его двери никогда так и не были всерьез открыты для черных женщин. Но все же политика Национальной ассоциации суфражисток (НАС) не оттолкнула черных женщин от борьбы за избирательное право. Ида Б. Уэллс, Мэри Чэрс Тэррел и Мэри Маклеод Беттон были среди самых известных черных суфражисток.

Маргарет Мюррей Вашингтон, лидер Национальной ассоциации цветных женщин, признавала, что «проблема предоставления избирательных прав женщинам лично ее никогда сна не лишала...»^{ccccxiv}. Это кажущееся безразличие вполне могло быть реакцией на расистские позиции НАС, поскольку та же М. Вашингтон писала: «Цветные женщины, так же как и цветные

мужчины, осознают, что если когда-нибудь будет установлено равное для всех правосудие и во всех судах будет вестись «честная игра» по отношению ко всем расам, то в этом случае женщины должны обладать равными с мужчинами возможностями для выражения своих мнений путем голосования»^{ccccxv}.

Как отмечала М. Вашингтон, Национальная ассоциация клубов цветных женщин создала отделение борьбы за избирательные права для информации своих членов о политике правительства, «чтобы подготовить женщин к разумному и мудрому использованию своих избирательных прав»^{ccccxvi}. Клубное движение черных женщин в целом было насквозь пропитано духом движения суфражисток, и, несмотря на отказ от сотрудничества со стороны НАС, оно продолжало выступать за предоставление женщинам избирательных прав. Когда уже в 1919 году — за год до победы суфражисток — Северо-восточная федерация клубов черных женщин обратилась с просьбой о приеме ее в члены НАС, ответ руководства ассоциации повторил аргументацию Сьюзен Б. Энтони, отказавшей черным женщинам-суфражисткам в аналогичной просьбе четверть века назад. Сообщая федерации, что ее просьба о приеме не может быть удовлетворена, руководитель НАС поясняла, что, «...если в южных штатах в этот весьма критический момент разнесется новость о приеме в Национальную ассоциацию суфражисток организации, объединяющей 6 тыс. цветных женщин, наши враги смогут успокоиться — провал поправки будет обеспечен»^{ccccxvii}. Тем не менее черные женщины поддерживали борьбу за предоставление избирательных прав женщинам вплоть до самой победы.

В отличие от своих белых сестер черные женщины-суфражистки пользовались поддержкой многих мужчин своей расы. Как и Фредерик Дуглас (черный) — один из самых выдающихся сторонников женского равноправия в XIX веке, — так и У. Дюбуа в XX веке стал лидером суфражисток. В сатирической статье по поводу парада суфражисток, состоявшегося в Вашингтоне в 1913 году, Дюбуа назвал белых мужчин, которые насмеялись над женщинами и избивали их (было ранено около 100 человек), защитниками «славных традиций англосаксонского мужества»^{ccccxviii}.

Он писал: «Славно, не правда ли? Разве вас не сжигает стыд от того, что вы просто жалкий чернокожий мужчина, когда лидеры цивилизации совершают столь великие деяния? Разве вы не «стыдитесь своей расы»? Разве это не вызывает у вас желания «быть белым?»»^{ccccxix}.

Заклучая статью на серьезной ноте, Дюбуа привел слова одной из белых женщин, участвовавших в параде. Она сказала, что все черные мужчины без исключения вели себя уважительно. Из тысяч черных мужчин, наблюдавших парад, «ни один не вел себя вызывающе или грубо. ...Разница между ними и этими наглými, самоуверенными белыми мужчинами была огромна»^{cd}.

Этот парад был организован белыми женщинами на основах жесткой сегрегации. И хотя наиболее благожелательно к нему отнеслись черные мужчины, белые женщины пошли даже на то, чтобы предложить Иде Б. Уэллс идти на параде отдельно от делегации Иллинойса, т. е. вместе с группой черных женщин, чтобы не раздражать белых южанок. В документальном сборнике, составленном Эйлин Кредитор, говорится: «Просьба была высказана публично во время репетиции прохождения делегации от штата Иллинойс. Растерянная госпожа Барнет (Ида Б. Уэллс) оглядывалась и искала поддержки, пока «благородные» дамы-организаторы стали обсуждать, что важнее — принципиальность или тактическая целесообразность. При этом большинство из них явно выражало желание не раздражать южан, поддерживающих предоставление избирательных прав женщинам»^{cdi}.

Однако Ида Б. Уэллс была не из тех, кто следует расистским инструкциям. Во время парада она проскользнула в ряды делегации Иллинойса и промаршировала вместе с ней.

Защищая предоставление избирательных прав женщинам, У. Дюбуа не имел себе равных как среди черных, так и среди белых мужчин. Боевой дух, красноречие и принципиальный характер его многочисленных выступлений привели к тому, что многие современники считали его самым выдающимся защитником политического равноправия женщин. Призывы Дюбуа производили впечатление не только своей ясностью и убедительностью, но и практическим отсутствием ноток мужского превосходства. В своих речах и печатных работах он приветствовал растущую роль черных женщин, которые «медленно, но верно продвигались к интеллектуальному руководству расой»^{cdii}. В то время как многие мужчины сочли бы растущее влияние женщин поводом для тревоги, У. Дюбуа утверждал, что, наоборот, именно в такой ситуации следует распространить избирательное право и на черных женщин. Он подчеркивал, что «предоставление этим женщинам избирательного права будет означать не просто удвоение наших голосов и влияния в стране», а приведет к «оздоровлению и нормализации политической жизни»^{cdiii}.

В 1915 году в журнале «Кризис» была опубликована статья Дюбуа под названием «Право голоса для женщин: симпозиум ведущих мыслителей цветной Америки»^{cdiv}. Это было изложение выступлений на форуме, участниками которого были судьи, священники, профессора университетов, выборные должностные лица, высшее духовенство и деятели просвещения. На симпозиуме выступили многие мужчины — сторонники предоставления избирательных прав женщинам, и среди них — Чарлз У. Чеснат, преподобный Фрэнсис Дж. Гримке, Бенджамин Броули и почтенный Роберт Х. Тэррел. Из женщин выступили Мэри Чэрч Тэррел, Анна Джонс и Жозефина Сен-Пьер Раффин.

Подавляющее большинство женщин, участвовавших в форуме за предоставление избирательных прав женщинам, входило в Национальную ассоциацию цветных женщин. В их выступлениях было на удивление мало привычных аргументов белых суфражисток о том, что право на голосование обуславливалось «особой природой» женщин, их приверженностью домашнему очагу и внутренне присущими им высокими моральными качествами. Диссонансом прозвучала лишь речь Нэнни Х. Бэрроуз — просветительницы и религиозной деятельницы. Выдвинув тезис о моральном превосходстве женщин, она зашла так далеко, что довела его до утверждения об абсолютном превосходстве черных женщин над мужчинами своей расы. Бэрроуз доказывала, что женщины нуждаются в праве голоса, поскольку мужчины их расы «променяли и продали» это ценное оружие. Она говорила: «Женщинам-негритянкам ...необходимо избирательное право, чтобы, мудро им пользуясь, вернуть то, что потеряли негритянские мужчины, используя его неправильно. Оно им необходимо, чтобы освободить свой народ... Сравнение мужчин и женщин с точки зрения их морали совершенно недопустимо. Женщина выполняет все предписания церкви, занимается обучением детей и еще тысячами дел, совершенно неадекватных ее материальному положению в семье»^{cdv}.

Из примерно дюжины женщин — участниц симпозиума только Н. Бэрроуз заняла позицию, основанную на ложнойсылке о моральном превосходстве женщин (подразумеваемой, конечно, что они признавали превосходство мужчин в большинстве других отношений). Мэри Чэрч Тэррел выступила с речью «Избирательное право женщин и пятнадцатая поправка», Анна Джонс — с речью «Избирательное право женщин и социальные реформы», а Жозефина Сен-Пьер Раффин поделилась своим опытом участия в кампании за предоставление избирательных прав женщинам. Другие обсуждали положение женщин-работниц, проблемы образования, детский вопрос и работу клубов. В заключение своего выступления «Женщины и цветные женщины» Мэри Тэлберт подытожила то общее восхищение черными женщинами, которое прозвучало в ходе симпозиума. «Особое положение цветных женщин,— отмечала она,— дало им непредвзятость наблюдений и ясность суждений — именно те

качества, которые сегодня особенно необходимы для создания идеальной страны»^{cdvi}.

Черные женщины страстно желали применить свою способность к «непредвзятым наблюдениям и ясным суждениям» для создания многорасового движения за политические права женщин. Однако на каждом шагу их предавали и с презрением отвергали лидеры лилейно-белого движения суфражисток. Как для суфражисток, так и для организаторов женского клубного движения черные женщины стали лишь ненужным балластом, когда дело дошло до того, чтобы умаслить южан и получить их поддержку. Они были готовы исключить черных женщин из этого движения. Что касается кампании за предоставление женщинам избирательного права, то оказалось, что все уступки, сделанные южанкам, в конце концов практически ничего не дали. Когда были подсчитаны голоса, поданные за 19-ю поправку, выяснилось, что южные штаты по-прежнему принадлежали к лагерю оппозиции и фактически чуть не провалили принятие поправки.

После долгожданной победы суфражисток черным женщинам на Юге яростно препятствовали в осуществлении только что полученного ими избирательного права. Взрыв насилия ку-клукс-клана в округе Орэндж, штат Флорида, принес увечья и смерть многим черным женщинам и их детям. В других городах им не давали осуществлять свое новое право более мирными средствами. В Америкусе, штат Джорджия, как отмечает Г. Аптекер, когда «...более 250 цветных женщин пришли на избирательные участки голосовать, перед ними закрывали дверь или отказывались принимать у них избирательные бюллетени...»^{cdvii}.

В рядах движения, которое столь яростно боролось за избирательные права женщин, практически не раздалось и голоса протеста.

В 1848 году, когда Карл Маркс и Фридрих Энгельс опубликовали «Коммунистический манифест», Европа была ареной бесчисленных революционных восстаний. Один из участников революции 1848 года, ученик и соратник К. Маркса и Ф. Энгельса, Иосиф Вейдемейер, иммигрировал в Соединенные Штаты и основал первую в истории страны марксистскую организацию^{cdxviii}. В 1852 году Вейдемейер создал Пролетарскую лигу, но никаких следов участия женщин в ее работе не сохранилось. Возможно, женщины и участвовали в работе организации, но их имена остались неизвестны. В течение последующих нескольких десятилетий женщины продолжали принимать активное участие в жизни своих рабочих союзов, в антирабовладельческом движении и в развертывавшейся кампании за собственные права. В рядах марксистского социалистического движения их, по всей видимости, не было. В Национальной ассоциации рабочих и Клубе коммунистов главными также были мужчины. Даже Социалистическая рабочая партия состояла преимущественно из мужчин^{cdix}.

К 1900 году, когда была создана Социалистическая партия Америки (СПА), состав участников социалистического движения начал меняться. По мере того как общее требование равенства женщин стало звучать сильнее, женщины все шире вовлекались в борьбу за социальные изменения. Они начали утверждать своё право участвовать в этой новой форме борьбы против эксплуататорского общественного строя. С 1900 года левые марксисты в большей или меньшей степени стали ощущать влияние сторонниц борьбы за равенство женщин.

СПА, будучи основным проводником марксизма в течение почти двух десятилетий, поддерживала борьбу за равенство женщин. Долгие годы она была единственной политической партией, выступавшей за предоставление женщинам избирательных прав^{cdx}. Благодаря таким женщинам-социалисткам, как Паулин Ньюмен и Роза Шнейдерман, движение суфражисток, соединившись с рабочим движением, подорвало десятилетнюю монополию представительниц средних слоев на массовую кампанию за получение женщинами избирательного права^{cdxi}. К 1908 году Социалистическая партия создала национальную женскую комиссию. 8 марта того же года женщины-социалистки, пользовавшиеся влиянием в нью-йоркском районе Нижнего Ист-Сайда, организовали массовую демонстрацию в поддержку предоставления им равного избирательного права. С тех пор этот день ежегодно отмечается во всем мире как Международный женский день^{cdxii}. Когда в 1919 году была основана Коммунистическая партия (фактически было создано две коммунистические партии, которые позже объединились), женщины, бывшие члены Социалистической партии, были среди ее первых руководителей и активистов. «Матушка» Элла Рив Блур, Анита Уитни, Маргарет Преви, Кейт Сэдлер Гринхэл, Роза Пастор Стоукс, Жанетт Перл — все они были коммунистками, ранее входившими в левое крыло Социалистической партии^{cdxiii}.

Хотя организация «Индустриальные рабочие мира» (ИРМ) не была политической партией — и на деле выступала против создания политических партий, — она, однако, была второй по значению силой, оказавшей воздействие на процесс создания Коммунистической партии. Организация «Индустриальные рабочие мира», известная в народе под названием «уоблиз», возникла в 1905 году. Провозгласив себя союзом промышленных рабочих, ИРМ заявила, что в отношениях между классом капиталистов и наемными рабочими никогда не может установиться гармония. Конечной целью «уоблиз» был провозглашен социализм, а стратегией — непримиримая классовая борьба. На первом собрании, которое созвал «Большой Билл» Хейвуд, среди признанных лидеров рабочих, сидевших в президиуме, были две женщины — «матушка» Мэри Джонс и Люси Парсонс.

Хотя обе организации — и Социалистическая партия и ИРМ — принимали женщин в свои ряды, содействовали их политическому росту и превращению в вожак рабочих и агитаторов, только ИРМ проводила последовательную политику беспощадной борьбы с расизмом. Социалистическая партия под руководством Дэниела де Леона не признавала, что угнетение черных есть особая форма гнета. Хотя большинство черных было занято в сельском хозяйстве — издольщики, мелкие арендаторы, сельскохозяйственные рабочие, — социалисты утверждали, что их движение касается только промышленных рабочих. Даже такой выдающийся руководитель социалистического движения, как Юджин Дебс, говорил, что черные как народ не нуждаются во всесторонней защите своих прав, чтобы быть равными и свободными. Поскольку социалисты отвергали все, что не относилось к борьбе между трудом и капиталом, Ю. Дебс заявлял: «Мы не можем предложить неграм ничего, кроме этого»^{cdxiv}. Что касается ИРМ, то она ставила своей основной целью создать профсоюз наемных работников и развивать в них революционное социалистическое классовое сознание. Однако в отличие от Социалистической партии ИРМ обращала особое внимание на специфические проблемы черных. Мэри Уайт Овингтон заявляла: «В этой стране существуют две организации, показавшие, что они заинтересованы в предоставлении неграм равных прав в полном объеме. Первая — Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения. Вторая организация, борющаяся с сегрегацией негров, — ИРМ. ИРМ стояла и стоит на стороне негров»^{cdxv}.

Черная женщина Элен Холмэн была социалисткой и ведущей активисткой кампании в защиту заключенной в тюрьму Кейт Ричардз О'Хейр, одного из лидеров Социалистической партии. Однако число женщин ее расы в Социалистической партии было очень незначительным. До второй мировой войны численность черных женщин, работавших в промышленности, была ничтожно мала. В силу этого агитаторы, занимавшиеся привлечением в Социалистическую партию новых членов, их практически игнорировали. Пренебрежительное отношение к черным женщинам было частью Доставшегося от Социалистической партии тяжелого наследия, от которого Коммунистической партии предстояло избавиться.

Как вспоминал лидер коммунистического движения, и его историк Уильям З. Фостер, «в начале 1920-х годов партия... недостаточно учитывала специфические требования негритянок, работавших в промышленности»^{cdxvi}. В последующее десятилетие - коммунисты пришли к пониманию того, что расизм занимает в американском обществе особое место. Они поставили дело освобождения черных на серьезную теоретическую основу, и их заслуги в борьбе против расизма огромны.

Люси Парсонс

Люси Парсонс — это одно из немногих имен черных женщин, периодически появлявшихся в хронике американского рабочего движения. Почти повсеместно ее образ рисуют упрощенно — как «преданной жены» Альберта Парсонса, «мученика Хеймаркет-сквер»*. Действительно, Люси Парсонс была одним из самых боевых защитников мужа, но как личность она представляла собой

* *Хеймаркет-сквер* — площадь Сенного рынка в Чикаго, на которой 4 мая 1886 г. (а не 1 мая, как указано в книге) состоялся митинг протеста против расстрела мирной демонстрации чикагских рабочих накануне, 3 мая. Полиция пыталась вытеснить рабочих с площади, и в это время проникший в ряды демонстрантов провокатор бросил бомбу в полицейских. Начался расстрел демонстрации, а за ним последовали массовые аресты. Лидеры чикагских рабочих во главе с А. Парсонсом были арестованы в первую очередь; суд над ними состоялся спустя более года.

гораздо больше, чем верная жена и гневная вдова, стремившаяся защитить своего мужа, а затем — отомстить за его смерть. Недавно опубликованная Кэролайн Эсбо биография Люси Парсонс^{cdxvii} подтверждает, что она как журналист и агитатор защищала интересы рабочего класса более 60 лет. Люси Парсонс включилась в рабочее движение почти за 10 лет «хеймаркетской бойни» и продолжала в нем участвовать еще 55 лет после нее. Развитие ее политических взглядов прошло путь от юношеского увлечения анархизмом до вступления в Коммунистическую партию в зрелые годы.

Люси Парсонс родилась в 1853 году, а свою деятельность в Социалистической рабочей партии начала уже в 1877 году. В последующие несколько лет она публиковала статьи и стихи в анархистской газете «Социалист», была активным организатором в чикагском профсоюзе рабочих^{cdxviii}. Ее муж был арестован в числе восьми радикально настроенных руководителей рабочих в результате спровоцированных полицией беспорядков на Хеймаркет-сквер 1 мая 1886 года. Люси Парсонс немедленно начала решительную кампанию за освобождение «хеймаркетских узников». Поездки по всей стране принесли ей известность как выдающемуся вожаку рабочих и горячему стороннику анархизма. Эта репутация сделала ее постоянным объектом репрессий. Например, в Колумбусе, штат Огайо, мэр города запретил ей выступить с заранее запланированной на март речью. Когда же она отказалась подчиниться, ее арестовали и посадили в тюрьму^{cdxix}. Один город за другим в последнюю минуту перед ее выстулением захлопывал перед ней двери своих залов, во время собраний шпики стояли на каждом углу, полиция держала ее под постоянным наблюдением^{cdxx}.

Чикагская полиция арестовала Люси Парсонс и ее двоих детей даже во время казни ее мужа. Один из полицейских пояснил: «Эту женщину надо бояться больше, чем тысячу бунтовщиков»^{cdxxi}.

Хотя Люси Парсонс была черной — факт, который ей часто приходилось скрывать из-за расистских законов, — и хотя она была женщиной, Парсонс считала, что дискриминация по признаку расы и пола имеет второстепенное значение по сравнению с капиталистической эксплуатацией рабочего класса. Как жертвы капиталистической эксплуатации, говорила Л. Парсонс, мужчины и женщины черной расы, подобно женщинам и мужчинам белой расы, должны посвятить все свои силы классовой борьбе. Она считала, что женщины и черные не страдали от какого-то особого гнета и что не существовало насущной необходимости в том, чтобы массовые движения специально выступали против расизма и дискриминации женщин. Пол и раса, по концепции Люси Парсонс, были внешними признаками, которыми манипулировали работодатели, стремившиеся оправдать более жестокую эксплуатацию женщин и цветных. Если черные подвергались зверствам закона Линча, так это потому, что их бедность как социальной группы делала их наиболее уязвимыми объектами нападков. «Неужели найдется глупец,— ставила вопрос Люси Парсонс в 1886 году,— который верит, что эти бесчинства обрушились на негров только потому, что они черные?»^{cdxxii}

«Ни в коей мере,— продолжала Л. Парсонс.— Они совершаются потому, что негры бедны. Потому, что они зависимы. Потому, что они как социальный слой беднее, чем их братья — белые наемные рабы Севера»^{cdxxiii}.

Люси Парсонс и «матушка» Мэри Джонс были первыми двумя женщинами, присоединившимися к радикальной рабочей организации «Индустриальные рабочие мира». Пользовавшиеся огромным уважением в рабочем движении, они вместе с Юджином Дебсом и «Большим Биллом» Хейвудом были приглашены в президиум учредительного съезда «Индустриальных рабочих мира», состоявшегося в 1905 году. В своей речи перед делегатами Люси Парсонс выразила симпатии к угнетенным женщинам-работницам, труд которых, с ее точки зрения, использовали капиталисты в попытках снизить заработную плату всего рабочего класса. «Мы, женщины этой страны,— говорила она,— не имеем права голоса, даже если бы мы хотели им воспользоваться... но у нас есть наши рабочие руки... Где бы ни проводилось сокращение заработной платы, капиталисты прежде всего снижают заработную плату женщинам»^{cdxxiv}.

Более того, в те времена практически игнорировалась тяжелая доля женщин, вынужденных торговать собой, а Парсонс заявила съезду ИРМ, что она говорит и от имени своих сестер, которых она видит ночью на улицах Чикаго^{cdxxv}.

В 20-е годы Люси Парсонс начала участвовать в работе молодой Коммунистической партии. Как и многие другие, испытавшая глубокое воздействие пролетарской революции 1917 года в России, она поверила, что рабочий класс в конечном счете может одержать победу и в Соединенных Штатах. После того как коммунисты и другие прогрессивные силы основали в 1922 году «Международную организацию помощи борцам революции» (МОПР), Парсонс стала активно в ней работать. Она боролась за свободу Тома Муни в Калифорнии, «девятки из Скоттсборо» в Алабаме и за молодого негра-коммуниста Анджело Херндона, которого бросили в тюрьму власти штата Джорджия^{cdxxvi}. По данным ее биографа, Люси Парсонс официально вступила в Коммунистическую партию в 1939 году^{cdxxvii}. Она умерла в 1942 году. В некрологе, помещенном в «Дейли уоркер», говорилось, что она была «связующим звеном между рабочим движением сегодняшнего дня и великими историческими событиями 1880-х годов...

Она была одной из подлинно великих женщин Америки, бесстрашной и преданной рабочему классу»^{cdxxviii}.

Элла Рив Блур

Элла Рив Блур родилась в 1862 году. Замечательный организатор рабочих, агитатор за права женщин, равенство черных, мир и социализм, известная в народе как «матушка» Блур, она вступила в Социалистическую партию вскоре после ее основания. Элла Блур стала лидером социалистов и живой легендой для рабочих всей страны. Разъезжая из конца в конец Соединенных Штатов на попутных машинах, она была в эпицентре несчетного количества забастовок. Водители конок Филадельфии слышали ее первые речи, призывавшие к забастовкам. И в других частях страны ее талант выдающегося оратора и прекрасные способности организатора вдохновляли на борьбу шахтеров, издольщиков, текстильщиков. В возрасте 62 лет «матушка» Блур по-прежнему колесила на попутных машинах из штата в штат^{cdxxix}.

Когда ей исполнилось 78 лет, «матушка» Блур выпустила книгу, в которой рассказывала о своей деятельности рабочего организатора, начиная с тех дней, когда она еще не была социалисткой, и заканчивая своей работой в рядах Коммунистической партии.

Пролетарское сознание Э. Блур в период ее пребывания в Социалистической партии не допускало мысли о том, что черные подвергаются особому угнетению, но, став коммунисткой, «матушка» Блур выступала против бесчисленных проявлениях расизма

Семеро из восьми обвиняемых (из них только один присутствовал на Хеймаркет-сквер 4 мая) были приговорены к смертной казни. После массовых протестов двоим из осужденных казнь была заменена пожизненным тюремным заключением, еще один покончил с собой, а четверо были повешены 11 ноября 1887 г. Поскольку событиям на Хеймаркет-сквер предшествовала общенациональная стачка, проведенная 1 мая (в ней участвовало более 350 тыс. рабочих по всей стране), этот день на I конгрессе II Интернационала в Париже в июле 1889 г. было решено отмечать ежегодно как День международной солидарности трудящихся.

и призывала других следовать её примеру. Так, вспоминая съезд МОПР в 1929 году в Питтсбурге, штат Пенсильвания, она писала: «Мы заказали номера для всех делегатов в отеле «Моногахэла». Мы приехали поздно ночью, и среди нас было 25 делегатов-негров. Управляющий отеля сказал, что они могут переночевать, но утром должны немедленно покинуть отель. На следующее утро мы проголосовали за то, чтобы все делегаты съезда перешли в другой отель, где руководствуются пристойными правилами. Мы прошли маршем в такой отель, неся транспаранты с надписями «Нет—дискриминации». Колонной мы вошли в холл, уже заполненный журналистами, полицейскими и толпой любопытных...»^{cdxxx}
Как-то в начале 1930-х гг. «матушка» Блур выступала на митинге в Лоуп-сити, штат Небраска, в поддержку женщин-работниц птицефермы, бастовавших в знак протеста против действия хозяев. Банда расистов, недовольных присутствием на митинге нескольких черных, хотела силой разогнать забастовщиков. Прибыла полиция и арестовала «матушку» Блур вместе с одной черной женщиной и ее мужем. Эта черная женщина, госпожа Флорид Бус, входила в руководство местного антивоенного комитета, а ее муж был активистом городского совета безработных. Местные фермеры собрали необходимую сумму денег, чтобы освободить «матушку» Блур под залог, но она отказалась от их помощи и заявила, что не покинет тюрьму до тех пор, пока не будут освобождены супруги Бус^{cdxxxii}.

В автобиографии Э. Блур писала: «Я чувствовала, что не могла принять этот залог и оставить двух своих черных товарищей в тюрьме, в жуткой атмосфере лютой ненависти к неграм»^{cdxxxii}.

В этот период своей жизни «матушка» Блур организовала поездку делегации США на Международный женский конгресс в Париж. В состав делегации входили четыре черные женщины: Кэпитола Тэскер, издольщица из Алабамы, высокая и грациозная, была душой всей делегации; Лулиа Джексон — делегат от шахтеров Пенсильвании; женщина, представлявшая матерей «девятки из Скоттсборо», Мэйбл Бирд, блестящая молодая выпускница Вашингтонского университета, работавшая в то время в Международной организации труда в Женеве^{cdxxxiii}.

Наряду с «матушкой» Блур и женщиной, представлявшей Социалистическую партию, Кэпитола Тэскер была одной из трех американок, избранных в исполнительный комитет Парижского конгресса 1934 года, Мэйбл Бирд, черная выпускница университета, была избрана одним из секретарей конгресса^{cdxxxiv}.

Лулиа Джексон, черная представительница пенсильванских шахтеров, стала заметной фигурой на Парижском женском конгрессе. Отвечая на выступления группы пацифисток, она убедительно доказала, что поддержка борьбы против фашизма — единственное средство гарантировать устойчивый мир. Выступая в прениях, одна убежденная пацифистка, противница насилия, сказала: «Я полагаю, что в этом (антивоенном) манифесте слишком много слов о борьбе. В нем говорится: боритесь против войны, боритесь за мир, боритесь, боритесь, боритесь... Мы — женщины, мы — матери, мы не хотим бороться, воевать. Мы знаем, что, даже когда наши дети плохо себя ведут, мы добры к ним, мы побеждаем их любовью, а не борьбой с ними»^{cdxxxv}.

Сразу же последовали четкие контраргументы Лулии Джексон, «Уважаемые дамы,— резюмировала она,— только что нам сказали, что мы не должны бороться, что мы должны быть добрыми и нежными к нашим врагам, к тем, кто выступает за войну. Я не могу согласиться с этим. Всем известен источник войны — это капитализм. Мы не можем взять и накормить этих плохих капиталистов ужином и уложить их спать, как своих детей. Мы должны бороться с ними»^{cdxxxvi}.

Как вспоминает «матушка» Блур в автобиографии, «все смеялись и аплодировали, даже пацифистки»^{cdxxxvii}, и в результате антивоенный манифест был принят единогласно.

Выступая на конгрессе, Кэпитола Тэскер — черная издольщица из Алабамы — сравнила современный европейский фашизм с расистским террором, которому подвергались черные в Соединенных Штатах. Красноречиво описав зверские расправы, совершаемые бандами расистов в южных штатах, она рассказала делегатам парижского конгресса о жестоких репрессиях в Алабаме против стремящихся объединиться в профсоюз издольщиков. Кэпитола Тэскер объяснила, что она стала глубоко убежденной противницей фашизма, так как на себе испытала его страшную разрушительную силу. Она закончила свое выступление «песней издольщиков», которую она переименовала к данному случаю:

Как дерево, стоящее у воды,

Нас не сломить.

Мы против войны и фашизма,

Нас не сломить»^{cdxxxviii}.

Делегация США возвращалась домой на пароходе. «Матушка» Блур запомнила трогательное признание Кэпитолы Тэскер о впечатлениях от поездки в Париж: «Матушка,— обращаясь к Блур, говорила она,— когда я вернусь в Алабаму и выйду на этот клочок хлопкового поля за нашей старой маленькой хижинкой, я буду стоять и думать про себя: «Кэпитола, неужели ты действительно была там, в Париже, и видела всех этих замечательных женщин и слушала их прекрасные речи или это был просто сон?» И если окажется, что это действительно был не сон, тогда, матушка, я разнесу по всей Алабаме то, чему я там научилась, расскажу, как женщины всего мира борются, чтобы остановить террор, подобный террору расистов на Юге, и преградить путь войне»^{cdxxxix}.

«Матушка» Блур и ее товарищи в Коммунистической партии пришли к выводу, что рабочий класс не может выполнить свою историческую миссию как революционная сила, если рабочие не будут неустанно бороться с отравляющим обществом расизмом. Длинный список замечательных свершений, связанных с именем Эллы Рив Блур, свидетельствует о том, что эта коммунистка, белая, была убежденной сторонницей движения за освобождение черных.

Анита Уитни

Когда в 1867 году в богатой семье из Сан-Франциско родилась девочка, никто не мог подозревать, что в конце концов она станет председателем секции Коммунистической партии в Калифорнии. Возможно, самой судьбой ей было предназначено стать политическим деятелем. Сразу после окончания Уэллесли — престижного женского колледжа в Новой Англии — она занялась благотворительностью, а также просветительской работой среди беднейших слоев населения и вскоре стала активной поборницей предоставления женщинам избирательных прав. По возвращении в Калифорнию Анита Уитни вступила в Лигу равных избирательных прав и была избрана ее президентом как раз к тому времени, когда Калифорния стала шестым в стране штатом, в котором женщинам было предоставлено право голосования^{cdxl}.

В 1914 году Анита Уитни стала членом Социалистической партии. Хотя Социалистическая партия индифферентно относилась к борьбе черных за свои права, Анита Уитни энергично поддерживала антирасистское движение. Она с радостью согласилась войти в исполнительный комитет отделения Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения, только что открывшегося в одном из районов Сан-Франциско^{cdxli}. Примыкая к левому крылу Социалистической партии, она была среди тех,

кто основал Коммунистическую рабочую партию в 1919 году^{cdxlii}. Вскоре эта группа объединилась с Коммунистической партией США.

1919 год был годом печально известных антикоммунистических рейдов, вдохновителем которых был министр юстиции А. Митчелл Палмер.

Анита, безусловно, не могла не стать одной из многочисленных жертв палмеровских рейдов. Ей сообщили, что власти запретили речь, с которой она собиралась выступать перед женщинами — членами клуба в Оклэндском центре, входящем в Лигу гражданских прав в Калифорнии. Несмотря на официальный запрет, она все же выступила 28 ноября 1919 года с речью «Негритянская проблема в Соединенных Штатах»^{cdxliii}. Особое внимание в своем выступлении она уделила актуальному вопросу о линчеваниях.

«С 1890 года, — отмечала она, — когда у нас стали вестись статистические подсчеты, в Соединенных Штатах было совершено 3228 линчеваний, жертвами расистов пали 2500 цветных мужчин и 50 цветных женщин. Я не могу привести только эти вопиющие факты и на этом закончить... Как мне кажется, мы должны в полной мере оценить ситуацию, всю степень ее варварства, чтобы внести свой вклад и смыть это пятно позора с истории нашей страны»^{cdxliv}

Далее она обратилась к белым женщинам — членам клуба с вопросом, знают ли они, что «однажды один цветной сказал, что если бы он владел Техасом и адом, то он бы сдал в аренду Техас, а сам предпочел бы жить в аду»^{cdxlv}. Он объяснил это тем, продолжала она, что Техас занимал третье место среди южных штатов (только Джорджия и Миссисипи могли «похвалиться большим) по количеству убийств черных, совершенных бандами расистов. В 1919 году призыв белого человека к людям своей расы выступить против кошмара линчеваний был еще редким явлением. Всеохватывающая пропаганда расизма, в частности постоянное насаждение мифа о черном насильнике, привела к желаемому расистам результату — черные и белые были разобщены и относились друг к другу отчужденно. Даже в прогрессивных кругах белые зачастую не решались открыто выступить против линчеваний, поскольку последние оправдывались как ответная реакция, хотя и жестокая, на изнасилования черными белых женщин на Юге. Анита Уитни была одной из немногих белых, сохранившей четкое понимание этой проблемы, несмотря на весь размах господствовавшей расистской пропаганды. И Анита знала, какие последствия ей угрожают за ее антирасистские позиции. Хотя было ясно, что ее арестуют, она все же выступила с речью о линчеваниях перед белыми женщинами в клубе Оклэнда. Разумеется, по окончании речи ее взяли под стражу и предъявили обвинение в преступном синдикализме.

Позже Уитни была осуждена и заключена в тюрьму Сан-Квентин, где провела несколько недель, прежде чем была выпущена под поручительство. Только в 1927 г. губернатор Калифорнии принял решение о её помиловании^{cdxlvi}.

Белая женщина XX века Анита Уитни, безусловно, шла в авангарде борьбы с расизмом. Вместе со своими черными товарищами она и подобные ей примут участие в разработке стратегии Коммунистической партии по освобождению рабочего класса, в этой стратегии борьба за освобождение черных станет центральным звеном. В 1936 году Анита Уитни стала руководителем отделения Коммунистической партии в Калифорнии, а вскоре была избрана в Национальный комитет Коммунистической партии.

Однажды ее спросили: «Анита, что ты думаешь о Коммунистической партии? Что она для тебя значит?» Она смущенно улыбнулась, немного растерявшись от такого странного вопроса, и сказала: «Но... она придала смысл всей моей жизни. Коммунистическая партия — это надежда всего мира»^{cdxlvii}

Элизабет Герли Флинн

Элизабет Герли Флинн умерла в 1964 году в возрасте 74 лет. К этому времени она имела за плечами почти 60 лет активной работы в Социалистической и Коммунистической партиях. Воспитанная родителями-социалистами, она очень рано осознала свою личную причастность к социалистическому вызову, брошенному буржуазии. Юной Элизабет не исполнилось еще и 16 лет, когда она произнесла свою первую публичную речь о социализме. Прочитав книгу Мэри Уолстонкрафт «В защиту прав женщин» и «Женщина и социализм» Августа Бебеля, она выступила в 1906 году с речью «Что принесет социализм женщинам» в Тарлемском клубе социалистов^{cdxlviii}. Ее отец, отчасти настроенный в духе «мужского превосходства», неохотно разрешил Элизабет выступать перед публикой, но энтузиазм, с каким приняли Элизабет в Гарлеме, заставил его изменить свое мнение. Сопровождая отца, она быстро привыкла к уличным выступлениям, что было типичной тактикой радикалов в тот период. Очень скоро Элизабет Герли Флинн подверглась первому аресту — «за выступление с речью без разрешения». Вместе с отцом ее увезли в тюрьму^{cdxlix}.

К 16 годам Элизабет Герли Флинн уже начала свой путь борца за права рабочего класса. Ее первым поручением была защита «Большого Билла» Хейвуда, против которого были выдвинуты ложные обвинения, состряпанные медными трестами. Во время кампании в защиту Хейвуда она ездила по западу страны, где включилась в борьбу «Индустриальных рабочих мира» в штатах Монтана и Вашингтон^{cdl}. После двух лет пребывания в рядах Социалистической партии Элизабет Герли Флинн стала ведущим организатором в ИРМ. Она вышла из Социалистической партии, «убедившись в ее бесплодности и сектантстве по сравнению с движением низов, охватившим всю страну»^{cdli}.

В 1912 году, имея за плечами богатый опыт стачечной борьбы, включая многочисленные столкновения с полицией, Элизабет Герли Флинн поехала в Лоуренс, штат Массачусетс, когда там началась забастовка текстильщиков. Требования рабочих были просты и убедительны. По словам Мэри Хитон Ворз, «в Лоуренсе заработная плата была настолько низка, что 35% рабочих получали менее 7 долларов в неделю. Менее 1/5 рабочих получало более 12 долларов в неделю. Национальный состав рабочих был весьма пестрым. Они говорили на 40 языках и диалектах, но их объединял протест против нечеловеческих условий существования, от которых умирали их дети. Каждый пятый ребенок умирал, не дожив до года... Только в нескольких других городах Америки детская смертность была выше. И все это были промышленные города»^{cdlii}.

М. Ворз освещала эти события для еженедельника «Харперз уикли». По ее оценкам, из всех выступавших самое сильное впечатление на рабочих произвела Элизабет Герли Флинн. Именно ее слова придали им мужество продолжать борьбу.

М. Ворз писала: «Когда начала говорить Элизабет Герли Флинн, стало заметным возбуждение собравшихся. Она стояла перед ними, молодая, с голубыми глазами ирландки, с лицом, белым, как цветок магнолии, и копной черных волос — воплощение юной девушки-революционерки, готовой вести за собой. Она взволновала их, увлекла своим призывом к солидарности. Казалось, огонь зажегся в душах, их охватило какое-то волнующее и могучее чувство, которое давало веру в освобождение людей»^{cdliii}.

Будучи разъездным организатором забастовочной борьбы «Индустриальных рабочих мира», Элизабет Герли Флинн иногда

работала вместе с широко известным лидером американских индейцев Фрэнком Литтлом. Так, например, в 1916 году оба они представляли ИРМ во время забастовки на руднике Мезаби в штате Миннесота. Год спустя Фрэнк Литтла линчевали в Бутте, штат Монтана. На него набросилась толпа после того, как он произнес речь перед бастующими шахтерами этого района. В автобиографии Э. Флинн пишет: «...Шесть человек в масках пробрались ночью в отель, выломали дверь, вытащили Фрэнка из постели и повесили его на железнодорожной платформе в пригороде»^{cdliiv}.

Через месяц после смерти Фрэнка Литтла федеральные власти обвинили 168 человек в том, что они вступили с Ф. Литтлом в сговор с целью «препятствовать осуществлению определенных законов Соединенных Штатов...»^{cdliv}. Элизабет Герли Флинн была единственной женщиной среди обвиняемых, а Бен Флетчер, портовый грузчик из Филадельфии и лидер ИРМ, был единственным черным, включенным в обвинительный акт^{cdlvi}.

Судя по воспоминаниям Элизабет Герли Флинн, она с самого начала своей политической деятельности понимала, что черные страдали от особой формы угнетения. Осознание ею важности антирасистской борьбы, несомненно, усилилось во время работы в ИРМ. «Уоблиз» официально заявили: «В Соединенных Штатах существует только одна рабочая организация, принимающая в свои члены цветных рабочих на основании абсолютного равенства с белыми,— «Индустриальные рабочие мира»... В ИРМ цветной рабочий, будь то женщина или мужчина, имеет равные права с любым другим рабочим»^{cdlvii}.

Однако «Индустриальные рабочие мира» были профсоюзной организацией, представляющей интересы промышленных рабочих, подавляющим большинством которых — в силу расовой дискриминации — были белые. Черное население в промышленности составляло незначительную прослойку. Черных же женщин в ней практически не было — их попросту не принимали на работу на промышленные предприятия. Основная масса трудящихся с черным цветом кожи, как мужчины, так и женщины, работала в сельском хозяйстве или была домашней прислугой. В итоге лишь незначительная часть черного населения могла быть охвачена профсоюзами промышленных рабочих — если только профсоюзы сами настойчиво не боролись за вовлечение черных в промышленность.

В 1937 году Элизабет Герли Флинн начала активно работать в Коммунистической партии^{cdlviii} и вскоре стала одним из ее ведущих деятелей. Тесно сотрудничая с такими коммунистами-черными, как Бенджамин Дэвис и Клаудиа Джонс, она по-новому осознала важность освобождения черных для всесторонней борьбы за свободу рабочего класса. В 1948 году она опубликовала в «Политикал афферз», теоретическом органе партии, статью о значении Международного женского дня. В статье говорилось, что «право на труд, получение профессионального образования, продвижение по службе, охрана здоровья и труда, необходимое обеспечение детскими учреждениями остаются насущными требованиями организованных в профсоюзы трудящихся женщин, и выполнение этих требований необходимо всем, кто работает, особенно негритянкам...»^{cdlix}

Критикуя дискриминацию по отношению к женщинам — ветеранам войны, она напоминала своим читателям, что черные женщины-ветераны подвергались большим испытаниям, чем их белые сестры. В самом деле, черные женщины, как правило, были опутаны тремя рядами оков угнетения. Э. Флинн подчеркивала, что «каждое проявление неравенства и ущемления способностей белых американок проявляется в тысячу раз сильнее по отношению к негритянкам, подвергающимся тройной эксплуатации — как черные, как рабочие и как женщины»^{cdlx}.

Этот анализ «тройной угрозы», кстати, позже был представлен черными женщинами, которые стремились оказать влияние на формирование политического курса современного женского движения.

В то время как первая автобиография Элизабет Герли Флинн «Я говорю сама» (или «Девушка-бунтарь») представляет собой прекрасные зарисовки ее жизни агитатора ИРМ, ее вторая книга, «История Олдерсонской тюрьмы» (или «Моя жизнь политического заключенного»), показывает ее политическую зрелость и более глубокое понимание природы расизма. Во время гонений на Коммунистическую партию, в «эру маккартизма», Флинн была арестована в Нью-Йорке вместе с тремя другими женщинами по обвинению в «агитации и обучении методам насильственного свержения правительства»^{cdlxi}. Тремя другими женщинами, арестованными вместе с ней, были Мэриан Бэкрех, Бетти Тэннет и Клаудиа Джонс, черная женщина из Тринидада, девочкой иммигрировавшая в Соединенные Штаты. В июне 1951 года полиция перевезла четырех коммунисток в нью-йоркский дом предварительного заключения. «Единственный приятный эпизод,— вспоминала Э. Флинн,— облегчивший наше пребывание там, был связан с днем рождения, который Элизабет, Бетти и Клаудиа устроили для одной из заключенных. Упавшая духом и одинокая 19-летняя черная женщина случайно упомянула, что завтра будет её день рождения»^{cdlxii}. Трех женщинам удалось раздобыть торт. Э. Флинн пишет в «Истории Олдерсонской тюрьмы»: «Мы сделали бумажные свечи для торта, как можно красивее накрыли стол бумажными салфетками и спели «С днем рождения», мы сказали приветственные речи в ее адрес, и она заплакала, удивленная и счастливая. На следующий день мы получили от нее маленькое письмо, в котором было написано: «Дорогие Клаудиа, Бетти и Элизабет! Я очень рада тому, что вы сделали для меня в день моего рождения. Я просто не знаю, как отблагодарить вас... Вчерашний день был одним из самых счастливых в моей жизни. Я считаю, что, несмотря на то, что вы — коммунистки, вы — самые хорошие люди, которых я встречала, Я упоминаю о коммунистках в этом письме, потому, что многие люди не любят коммунистов лишь потому, что они думают, будто коммунисты против американского народа, но я так не думаю. Я думаю, что вы — одни из самых хороших людей, которых я встречала за все свои 19 лет, и я никогда не забуду вас, где бы я ни была... Я надеюсь, все вы выберетесь из этой беды и никогда больше не попадете в такое место, как это»^{cdlxiii}.

После суда над тремя женщинами по закону Смита* (дело Мэриан Бэкрех велось отдельно из-за ее болезни) их осудили и приговорили к разным срокам заключения в федеральной женской тюрьме в Олдерсоне, штат Виргиния. Незадолго до их перевода туда тюрьма была десегрегирована. Еще одной жертвой закона Смита была Дороти Роуз Блюменберг из Балтимора — одна из первых белых женщин-заключенных, уже отбывшая часть своего трехлетнего срока вместе с черными женщинами. «Нас это рассмешило,— писала Э. Флинн,— и мы были польщены тем, что коммунисток призвали помочь десегрегировать тюрьмы»^{cdlxiv}. Однако, как отмечала Элизабет Герли Флинн, легальная десегрегация тюремных зданий не означала, что расовой дискриминации был положен конец. Черных женщин по-прежнему назначали на самые тяжелые работы — «на ферме, консервном заводе, в свинарнике»^{cdlxv}.

Лидер Коммунистической партии Элизабет Герли Флинн проявила глубокое понимание борьбы за освобождение черных и пришла к выводу, что сопротивление черных не всегда носит сознательный политический характер. Она наблюдала это в Олдерсоне. «Негритянки,— вспоминала она,— проявили большую солидарность, что, несомненно, было следствием их

* Закон Смита — назван так по имени предложившего его конгрессмена. Был утвержден конгрессом США 28 июня 1940 г. и был направлен, как и ряд других действовавших в те годы законов, в основном против американских коммунистов и сочувствовавших им лиц, которых скопом обвиняли в «пропаганде насилия» либо в шпионаже в пользу СССР. Этот закон действовал до конца 1950-х годов.

обычной жизни вне тюрьмы, особенно на Юге. Мне показалось, что у большинства из них по сравнению с белыми заключенными лучше характер, он сильнее и привязчивее, меньше склонен к сплетням и наущничеству»^{cdlxvi}.

В тюрьме Э. Флинн было легче завести друзей среди черных, чем среди белых женщин. «Откровенно говоря,— писала она,— я доверяла негритянкам больше, чем белым. Они лучше владели собой, были менее истеричными, не столь капризными и более зрелыми»^{cdlxvii}. Черные женщины в свою очередь более дружелюбно относились к Элизабет. Возможно, они инстинктивно чувствовали в этой белой женщине-коммунистке товарища в борьбе.

Клаудиа Джонс

Она родилась на Тринидаде, когда остров еще входил в британскую Вест-Индию. Клаудиа Джонс иммигрировала в Соединенные Штаты вместе с родителями, будучи еще совсем юной. Позже она стала одной из многих черных, участвовавших в движении за освобождение «девятки из Скоттсборо». Работая в Комитете защиты «девятки из Скоттсборо», она познакомилась с членами Коммунистической партии и с радостью стала ее членом^{cdlxviii}. Ей было немногим более 20 лет, когда она возглавила женскую комиссию партии и была избрана одним из ее руководителей, став символом борьбы для коммунистов всей страны. Среди многих статей, которые Клаудиа Джонс опубликовала в журнале «Политикал афферз», одна из наиболее заметных была помещена в июньском номере за 1949 год под заголовком «Покончить с забвением проблем негритянок»^{cdlxix}.

В этой статье ее оценка черных женщин была направлена на преодоление восприятия роли женщин с общепринятых позиций мужского превосходства. Борьба черных за свою свободу, отмечала Джонс, всегда только выигрывала, когда женщины играли в ней ведущую роль. В исторических обзорах движения, написанных с ортодоксальной точки зрения, редко упоминался тот факт, что «инициаторами первых забастовок издольщиков в 1930-х годах были негритянки»^{cdlxx}. Более того, в статье отмечалось, что, «будучи сами рабочими и женами рабочих, негритянки играли выдающуюся роль в забастовках и борьбе за признание принципов тред-юнионизма в таких отраслях, как автомобильная, упаковочная, сталелитейная и другие, еще до создания Конгресса производственных профсоюзов. Недавний пример тому — боевой настрой негритянок — членов профсоюзов, проявившийся во время забастовки рабочих упаковочных предприятий, и в еще большей степени — во время забастовки рабочих табачной промышленности. В этих забастовках обнаружился выдающийся талант Моранды Смит и Вельмы Гопкинс как профсоюзных деятелей»^{cdlxxi}.

Клаудиа Джонс упрекала прогрессивные силы — особенно профсоюзы — за нежелание поддержать усилия черных, работавших домашней прислугой, объединиться в профсоюз. Поскольку большинство черных женщин по-прежнему работали домашней прислугой, патерналистское отношение к ним влияло на господствовавшую оценку черных женщин как социальной группы. К. Джонс подчеркивала, что «негритянок по-прежнему берут на работу только в качестве домашней прислуги, что увековечивает и усиливает шовинизм в отношении ко всем женщинам-негритянкам»^{cdlxxii}.

Джонс не боялась напоминать своим белым друзьям и товарищам по партии, что «на очень многих прогрессивных мыслящих людях, и даже некоторых коммунистах, все еще лежит вина за эксплуатацию негритянской прислуги»^{cdlxxiii}. Иногда они позволяют себе «оскорблять служанок в разговорах со своими соседями-буржуа и в своих собственных семьях»^{cdlxxiv}. Клаудиа Джонс была убежденной коммунисткой, верившей, что только социализм принесет освобождение черным женщинам, людям черной расы в целом и, конечно, многорасовому рабочему классу. Таким образом, ее критические замечания были продиктованы настойчивым желанием, чтобы ее белые соратники и товарищи изжили предрассудки расизма и высокомерное отношение к женщинам. Что касается самой партии, писала она, то «в наших... клубах мы должны проводить серьезные и насыщенные дискуссии о роли негритянок женщин, чтобы вооружить членов нашей партии ясным пониманием этого вопроса и соответственно перестроить работу в профсоюзах и по месту жительства»^{cdlxxv}.

Как и многие черные женщины до нее, Клаудиа Джонс считала, что белые женщины, участвующие в прогрессивных движениях — особенно белые коммунистки, — несут особую ответственность по отношению к черным женщинам. «Экономические отношения между негритянками и белыми женщинами, — подчеркивала она, — уже сами по себе увековечивают взаимоотношения по типу «госпожа — прислуга», питают шовинистические настроения и возлагают на прогрессивных белых женщин, особенно коммунисток, долг сознательно бороться со всеми проявлениями белого шовинизма, как открытыми, так и скрытыми»^{cdlxxvi}.

Обвиненная по закону Смита и заключенная в федеральную женскую тюрьму в Олдерсоне, она нашла там уменьшенную копию того расистского общества, которое уже хорошо знала. Хотя по судебному распоряжению тюрьму должны были десегрегировать, Клаудию поселили в «коттедж для цветных», отдельно от двух ее белых подруг, Элизабет Герли Флинн и Бетти Гэннет. Элизабет Герли Флинн очень переживала эту разлуку, поскольку они с Клаудией Джонс были не только товарищами по борьбе, но и близкими подругами. Клаудию выпустили из тюрьмы в октябре 1955 года — через 10 месяцев после заключения коммунисток в Олдерсон. Элизабет была счастлива за подругу, но испытывала боль от предстоящей разлуки. Э. Флинн вспоминает:

«Мое окно выходило на дорогу, и я могла видеть, как она уходит. Она повернулась и помахала рукой — высокая, стройная, красивая, одетая в золотисто-коричневые тона. Затем она скрылась из виду. Это был мой самый тяжелый день в тюрьме. Я чувствовала себя такой одинокой»^{cdlxxvii}.

В день, когда Клаудиа покинула Олдерсон, Элизабет Герли Флинн написала стихотворение «Прощание с Клаудией».

*Этот день становился все ближе и ближе, дорогой товарищ,
Печальный день расставания друг с другом,
День за днем печальное темное предчувствие
Проникало в мое тревожное сердце.*

*Никогда уже я не увижу, как ты идешь по дорожке,
Никогда уже я не увижу твои смеющиеся глаза и лучезарное лицо,
Никогда уже я не услышу твой веселый и звонкий смех,
Никогда уже я не буду окружена твоей любовью в этом мрачном месте.*

*Невозможно описать словами, как мне будет не хватать тебя,
Я одинока, мне не с кем поделиться в эти тоскливые дни,
Я чувствую себя покинутой и опустошенной в это серое, мрачное утро,*

Передо мною одинокое будущее в заключении.

*Иногда мне кажется, что ты никогда не была в Олдерсоне,
Ты так полна жизни и далека отсюда.
Твоя походка, разговор, работа, жизнь исполнены достоинства,
Воспоминание о тебе — угасающая пылкая мечта.*

*Но так же, как солнце светит сквозь туман и темноту,
Я чувствую неожиданную радость, что ты ушла,
Что ты снова пройдеши по улицам Гарлема,
Что, по крайней мере сегодня, тебе светит заря свободы.*

*Я буду сильна нашей общей верой, дорогой товарищ,
Я буду твердой, я буду верной нашим идеалам,
У меня хватит сил, чтобы не замыкаться мыслями и душой
в стенах тюрьмы, И силы мне придадут нежные воспоминания о тебе^{cdlxxviii}.*

Вскоре после освобождения Клаудии из Олдерсона разгул маккартизма стал причиной ее депортации в Англию. Некоторое время она продолжала свою политическую деятельность, издавая журнал «Вест-индиан газетт». Однако состояние ее здоровья продолжало ухудшаться, и вскоре она умерла.

ИЗНАСИЛОВАНИЕ, РАСИЗМ И МИФ О ЧЕРНОМ НАСИЛЬНИКЕ

Некоторые из наиболее ярких признаков общественного разложения признаются серьезными проблемами только после того, как они разрастаются до таких пределов, что кажутся уже неразрешимыми. Характерный пример — изнасилование. Сегодня в Соединенных Штатах это один из наиболее прогрессирующих видов тяжких преступлений^{cdlxxxix}. После долгих лет замалчивания, страданий и попыток возложить ответственность на невиновных половое насилие быстро превращается в один из «популярных» пороков современного капиталистического общества. Растущая озабоченность общественности изнасилованиями побудила многих женщин обнародовать свои прошлые столкновения с насильниками или теми, кто мог бы ими стать. В результате был выявлен факт, вызывающий ужас: лишь ничтожно малое число женщин может сказать, что они ни разу в своей жизни не были жертвой полового насилия или попытки его.

В США и других капиталистических странах законы о наказании за изнасилование первоначально издавались, как правило, для защиты женщин, принадлежавших к высшим классам. Суды обычно мало заботило, что происходит с женщинами из рабочего класса; в результате очень незначительное число белых мужчин предстало перед судом за половое насилие над женщинами из этой среды. В то время как насильники редко привлекались к ответственности, обвинения в изнасиловании огульно направлялись против черных мужчин — и виновных, и невиновных. Так, из 455 человек, казненных в 1930—1967 гг. за изнасилование, 405 были черными^{cdlxxx}.

В истории США ложное обвинение в изнасиловании характеризуется как одна из наиболее труднораспознаваемых провокаций, изобретенных расизмом. Миф о черном насильнике неизменно вытаскивался на свет каждый раз, когда требовалось убедительное оправдание очередной волны насилия и террора против черных. Бросающееся в глаза отсутствие черных женщин среди участников современного движения против изнасилований может отчасти объясняться безразличием этого движения к сфабрикованным обвинениям в изнасиловании, служащим лишь подстрекательством к расистской агрессии. Слишком много невинных жертв было отправлено в газовые камеры и пожизненно заключено в тюрьму, чтобы черные женщины присоединились к тем, кто часто ищет помощи у полицейских и судей. Более того, сами они как жертвы изнасилований находили мало сочувствия у людей в полицейской форме и судейской мантии. И рассказы о насилиях полицейских над черными женщинами, иногда становящимися жертвами повторного изнасилования, слишком часты, чтобы считать их исключениями. В заявлении группы женщин-социалисток отмечалось, что «даже в период наибольшего подъема движения за гражданские права в Бирмингеме», например, «молодые активисты часто заявляли, что черную женщину ничто не может защитить от изнасилования бирмингемскими полицейскими. В декабре 1974 г. в Чикаго 17-летняя черная девушка заявила, что подверглась групповому изнасилованию со стороны 10 полицейских. Некоторые из них были временно отстранены от службы, но в конце концов все дело было замято»^{cdlxxxii}.

На ранних этапах современного движения против изнасилований очень немногие теоретики феминизма подвергали серьезному анализу особые обстоятельства, в которых оказывается черная женщина как жертва изнасилования. Когда черные женщины выступают против изнасилования, они, как правило, одновременно разоблачают расистов, фабрикующих против их мужчин обвинения в изнасиловании, используя такие обвинения в качестве смертоносного оружия. Как пишет один весьма проникательный автор, «миф о черном насильнике белых женщин — оборотная сторона мифа о плохой черной женщине, оба они созданы для оправдания и облегчения дальнейшей эксплуатации черных мужчин и женщин. Черные женщины очень ясно осознали эту связь и издавна находились в первых рядах борцов против линчевания»^{cdlxxxiii}.

Герда Лернер, которой принадлежат эти строки, — одна из тех немногих белых женщин, писавших в начале 1970-х годов об изнасилованиях, которые глубоко исследовали одновременное воздействие расизма и концепции мужского превосходства на черных женщин. Дело Джоанн Литтл^{cdlxxxiiii}, которое слушалось летом 1975 г., наглядно поясняет выводы Лернер. Представшая перед судом молодая черная женщина обвинялась в убийстве белого охранника в тюрьме в штате Северная Каролина, где она была единственной женщиной из заключенных. Когда Джоанн Литтл стала давать показания, она рассказала, как охранник изнасиловал ее в камере и как она, защищаясь, убила его пешней для колки льда, которой он ей обычно угрожал. По всей стране дело Джоанн Литтл получило горячую поддержку отдельных лиц и организаций среди черных и движения молодых женщин, и вынесенный ей оправдательный приговор приветствовался как важная победа, ставшая возможной именно благодаря этой массовой кампании. Сразу же после того, как она была оправдана, Литтл несколько раз выступала с трогательными призывами о помощи черному мужчине по имени Делберт Тиббс, ожидавшему казни в штате Флорида. Он был осужден по ложному обвинению в изнасиловании белой женщины.

Многие черные женщины откликнулись на призыв Джоанн Литтл выступить в защиту Делберта Тиббса. Но только немногие белые женщины и, конечно, немногие организованные группы внутри движения против изнасилований приняли ее предложение начать борьбу за свободу этого черного мужчины, ставшего явной жертвой южного расизма. Даже когда адвокат Литтл, Джерри Поул, объявил о своем решении защищать Делберта Тиббса, не многие белые женщины осмелились выступить в его защиту. Лишь к 1978 г., когда все обвинения против Тиббса были сняты, белые активистки движения против изнасилований начали отстаивать его невиновность. Как бы то ни было, их первоначальное нежелание оказать ему поддержку было одним из тех исторических эпизодов, которые подтверждают подозрения многих черных женщин о том, что это движение в основном оставляет без внимания их особые проблемы.

То, что черные женщины в своей массе не включились в движение против изнасилований, не означает, что они вообще выступают против принятия необходимых мер в этой области. Еще в XIX веке члены первых черных женских клубов организовали один из самых первых публичных протестов против изнасилований. Эта восьмидесятилетняя традиция организованной борьбы против изнасилований отражает тот факт, что черные женщины особенно сильно страдали от полового насилия и его угрозы. Одной из характерных исторических черт расизма всегда было убеждение, что белые мужчины, особенно обладающие экономической властью, имеют неоспоримое право пользоваться телом черной женщины.

Рабство опиралось на постоянные изнасилования не меньше, чем на кнут и плеть. Чрезмерные сексуальные аппетиты — независимо от того, имелись они у отдельных белых мужчин или нет, — не имели ничего общего с этим фактическим узакониванием изнасилований. Половое принуждение было скорее одной из важных сторон общественных отношений между рабовладельцем и рабом. Другими словами, права на тело женщины-рабыни, о которых заявляли рабовладельцы и их приспешники, были прямым следствием присвоенных ими прав собственности на черных людей вообще. Право на изнасилование вытекало из безжалостной системы экономического господства, представлявшей собой страшное клеймо рабства, и способствовало существованию этой системы^{cdlxxxv}.

Система узаконенного насилия по отношению к черным женщинам стала настолько мощной, что ей удалось пережить отмену рабства. Групповые изнасилования, совершавшиеся членами ку-клукс-клана и других террористических организаций периода, последовавшего за Гражданской войной, превратились в откровенное политическое оружие в борьбе против движения за равноправие для черных. Во время мемфисского мятежа 1968 года, например, разгул банд убийц зверским образом сопровождался организованными половыми насилиями черных женщин. После окончания мятежа множество черных женщин давали свидетельские показания в комитете конгресса о жестоких массовых изнасилованиях, которым они подверглись^{cdlxxxv}. Вот свидетельское показание о сходных происшествиях во время мятежа 1871 года в г. Меридиане (штат Миссисипи), данное одной черной женщиной по имени Эллен Пэртон: «Я живу в Меридиане; живу здесь 9 лет; занимаюсь стиркой, глажением и чисткой; в среду вечером они последний раз пришли ко мне домой; «они» — я имею в виду отряд или группу мужчин; они приходили в понедельник, во вторник и в среду; вечером в понедельник они сказали, что не сделают ничего плохого; во вторник вечером они сказали, что пришли за оружием; я сказала им, что оружия нет, и они сказали, что верят мне на слово; вечером в среду они пришли и взломали гардероб, сундуки и изнасиловали меня; их было восемь человек в доме; я не знаю, сколько их было во дворе...»^{cdlxxxvi}

Конечно, насилия над черными женщинами не всегда проявлялись так открыто и публично. Существовала ежедневная, скрытая от глаз драма расизма между черными женщинами и их белыми насильниками — людьми, убежденными, что их действия вполне естественны. Такие насилия идеологически санкционировались политическими деятелями, учеными, журналистами и писателями, которые зачастую изображали черных женщин неразборчивыми в связях и аморальными. Даже известная писательница Гертруда Стайн писала об одной из своих черных героинь, что той была присуща «...простая, неразборчивая аморальность черных людей»^{cdlxxxvii}. Распространение таких взглядов среди белых мужчин из рабочего класса стало триумфальным моментом в становлении расистской идеологии.

Одним из источников силы расизма всегда была его способность потворствовать половому насилию. Черные женщины и их цветные сестры были основными жертвами этих вдохновленных расизмом насилий. Но страдали и белые женщины. Ибо когда белых мужчин убедили, что они могут безнаказанно совершать насилия над черными женщинами, их поведение по отношению к женщинам своей расы не могло не ухудшиться. Расизм всегда подстрекал к изнасилованию, а от рикошета этих нападений неизбежно страдали и белые женщины США. Это один из многих методов, которыми расизм возвращает дискриминацию женщин, поскольку белые женщины становятся косвенными жертвами особых форм угнетения, направленных против их цветных сестер.

Опыт вьетнамской войны дал новый пример того, до какой степени расизм может служить подстрекательством к изнасилованию. Так как в головы американских солдат вдолбили, что они сражаются с низшей расой, то им могли внушать, что изнасилование вьетнамских женщин является необходимой воинской обязанностью. Их даже могли инструктировать, как насиловать женщин при «обыске»^{cdlxxxviii}. Неписанным законом военного командования США было систематическое поощрение изнасилований, так как это было крайне эффективным оружием массового террора. Где эти тысячи и тысячи ветеранов вьетнамской войны, свидетели и участники этих ужасов? В какой степени опыт этих зверств повлиял на их отношение к женщинам вообще? Хотя было бы серьезной ошибкой видеть в ветеранах вьетнамской войны основную массу тех, кто совершает половые преступления, вызывает мало сомнений тот факт, что страшные отзвуки вьетнамского опыта по-прежнему ощущаются сегодня всеми женщинами в США.

Некоторые выступающие против изнасилований теоретики игнорируют роль расизма в разжигании этих преступлений и, не колеблясь, утверждают, что цветные мужчины особенно склонны к половому насилию. В своем весьма впечатляющем исследовании об изнасилованиях Сьюзен Браунмиллер заявляет, что из-за исторического угнетения черным мужчинам недоступны многие «узаконенные» признаки мужского превосходства. Вследствие этого они, мол, и должны прибегать к методам открытого полового насилия. В своем описании «обитателей гетто» Браунмиллер утверждает, что «гостинные высшего персонала корпораций и восхождение на Эверест обычно недоступны для тех, кто формирует субкультуру насилия. Доступ к женскому телу — посредством силы — в рамках их кругозора»^{cdlxxxix}.

Когда книга Браунмиллер «Против нашей воли: мужчины, женщины и изнасилования» вышла в свет, она получила шумное одобрение в определенных кругах. Журнал «Тайм», в 1976 году избравший Браунмиллер в свою «десятку женщин года», назвал книгу « наиболее вызывающим и дерзким научным трудом, который феминистское движение когда-либо давало»^{cdxc}. И тем не менее в других кругах книга подверглась острой критике за то, что она воскрешала старый расистский миф о черном насильнике.

Нельзя отрицать того, что книга Браунмиллер — один из первых научных трудов в современной литературе по изнасилованиям. Тем не менее многие ее положения пропитаны, к сожалению, расистскими идеями. Характерна в этом отношении ее новая интерпретация линчевания четырнадцатилетнего Эммета Тилла в штате Миссисипи в 1955 году. После того как этот мальчик свистнул вслед белой женщине, его изувеченное тело было найдено на дне реки Таллахачи. «Действия Тилла,— пишет Браунмиллер,— нечто большее, чем дерзкая шалость ребенка»^{cdxci}. «Эммет Тилл собирался показать своим черным приятелям, что он, а следовательно, и они могут заполучить белую женщину, и Кэролин Брайент оказалась ближайшим подходящим объектом. Выражаясь точнее, испытывалась доступность всех белых женщин... А что такое оскорбительный свист? «Жест юношеской бравады» Тилла?.. Этот свист не был тихим щелчком или мелодичным одобрением в адрес стройных ножек... Он был преднамеренным оскорблением на грани физического нападения, последним напоминанием Кэролин Брайент о том, что этот черный парень, Тилл, собирался овладеть ею»^{cdxcii}. Хотя Браунмиллер считает достойным сожаления то, что Эммет Тилл получил столь садистское наказание, тем не менее черный подросток рисуется ею виновным в оскорблении женщины, виновным почти в той же степени, как и его белые убийцы-расисты. В конце концов, утверждает она, единственное, что беспокоило и Тилла, и его убийц,— это их право обладания женщиной.

К сожалению, Браунмиллер — не единственная среди современных авторов, пишущих об изнасилованиях, не избежала влияния расистской идеологии. Джин Маккеллар в своей книге «Изнасилования: соблазн и ловушка» пишет: «Черные, выросшие в трудных условиях гетто, усваивают, что они могут получить то, чего хотят, только силой. Насилие — правило в игре за выживание. Женщины — предмет охоты. Чтобы получить женщину, ее подчиняют»^{cdxciii}. Маккеллар настолько глубоко загнипотизирована расистской пропагандой, что без тени смущения заявляет, будто 90% всех зарегистрированных изнасилований в США совершаются черными мужчинами^{cdxciv}. Если принять во внимание, что ФБР приводит цифру 47%^{cdxcv}, то трудно поверить, что заявление Маккеллар — не намеренная провокация.

В недавно опубликованных исследованиях об изнасилованиях в Соединенных Штатах признается разрыв между

действительным масштабом половых насилий и данными, которые сообщают в полицию. По мнению Сьюзен Браунмиллер, например, регистрируется от одной двадцатой до одной пятой изнасилований^{cdxcvi}. В исследовании, опубликованном организацией радикальных феминисток Нью-Йорка, отмечается, что зарегистрированные изнасилования составляют всего лишь 5% от их общего числа^{cdxcvii}. В значительной части современной литературы по этому вопросу тем не менее существует тенденция считать «типичным насильником» «насильника, зарегистрированного в полицейских бумагах». Если такая традиция сохранится, то будет практически невозможно выявить действительные социальные корни изнасилований.

В книге «Политика изнасилования» Дианы Рассел, к сожалению, подкрепляется существующее мнение, что типичный насильник — это цветной мужчина, а если он белый — то это бедняк или человек из рабочей среды. Ее книга с подзаголовком «Будущее жертв» основана на серии интервью с жертвами изнасилований в районе бухты Сан-Франциско. Из 22 описанных ею случаев изнасилования в 12 — т. е. более половины — речь идет о женщинах, изнасилованных черными, мексиканцами или индейцами. Показательно, что из первоначально проведенных Д. Рассел 95 интервью только 26% касались изнасилования цветными мужчинами^{cdxcviii}. Если сомнительность отбора этих 22 случаев недостаточна для того, чтобы вызвать серьезные подозрения о наличии в книге расизма, то послушайте совет, который она дает белым женщинам: «Если некоторые черные мужчины считают изнасилование белой женщины актом мести или оправданным выражением враждебности по отношению к белым, то я считаю, что для белых женщин столь же оправданным было бы доверять черным мужчинам меньше, чем до сих пор многие из них делают»^{cdxcix}.

Несомненно, Браунмиллер, Маккеллар и Рассел более утонченны, нежели предшествующие идеологи расизма. Но их выводы печально напоминают идеи таких ученых — апологетов расизма, как Уинфилд Коллинз, который в 1918 году написал книгу «Правда о суде Линча и неграх на Юге». В ней автор призывает к тому, чтобы сделать Юг безопасным для белой расы. «Одними из наиболее бросающихся в глаза черт негров,— пишет он,— являются полное отсутствие целомудрия и представлений о чести. Половая распущенность негров, в цивилизации белых людей считающаяся столь аморальной и даже преступной, может рассматриваться чуть ли не как достоинство в их среде. В них природой были заложены активные половые стремления, чтобы компенсировать высокий уровень смертности»^d. Коллинз прибегает к псевдобиологическим аргументам, тогда как Браунмиллер, Рассел и Маккеллар объясняют все влиянием окружающей обстановки, но в конечном итоге все они доказывают, что для черных мужчин характерно особенно сильное влечение к половому насилию.

Одна из теоретических работ, посвященная современному феминистскому движению, в которой рассматривались вопросы изнасилований и расовая проблема,— «Диалектика пола: проблема феминистской революции» Суламифи Файрстоун. Расизм вообще, как утверждает Файрстоун, фактически является продолжением дискриминации женщин. Цитируя изречение из Библии о том, что «...расы — это не более чем разные родители и дети Семьи Человеческой»^{di}, она создает систему определений, в которой белый мужчина является отцом, белая женщина — женой и матерью, а черные люди — детьми. Переводя фрейдистскую теорию «Эдипова комплекса»^{*} на язык расовых отношений, Файрстоун пытается показать, что черные мужчины испытывают необузданное стремление к половым отношениям с белыми женщинами. Они хотят убить отца и спать с матерью^{dii}. Более того, чтобы «быть мужчиной», черный должен «разорвать узы, связывающие его с белой женщиной, которую он по этой «теории» воспринимает как мать, обращаясь с ней — если и обращаясь вообще — только каким-нибудь унижительным для нее способом. Кроме того, из-за своей смертельной ненависти и зависти к ее Обладателю, белому мужчине, он может вожделеть ее как вещь, которую надо завоевать для того, чтобы отомстить белому мужчине»^{diii}.

Подобно Браунмиллер, Маккеллар и Рассел, Файрстоун, обвиняя жертву, соглашается со старой расистской софистикой. Сознательно или нет, но их суждения способствовали воскрешению обветшавшего мифа: черный — это насильник. Из-за своей политической близорукости они не могут понять, что изображение черных мужчин насильниками укрепляет позиции расизма, открыто приглашающего белых мужчин к насилию над черными женщинами. Утверждение вымышленного образа черного мужчины-насильника всегда было неразрывно связано с попыткой показать, что черная женщина неразборчива в связях с мужчинами. Ибо когда исходят из того, что черным мужчинам присущи неудержимые и звероподобные половые стремления, то вся раса наделяется скотством. Если черные мужчины смотрят на белых женщин как на возможный объект обладания, то тогда черные женщины наверняка должны поощрять вожделения белых мужчин. Когда черных женщин считают «безнравственными» и шлюхами, их жалобы на изнасилования неизбежно пропускают мимо ушей.

В 1920-х годах известный политик-южанин заявил, что не существует такого явления, как «целомудренная цветная девушка» старше 14 лет»^{div}. Как выяснилось, У этого белого мужчины было две семьи — одна с белой женой, а другая — с черной женщиной. Уолтер Уайт, выдающийся борец против суда Линча и исполнительный секретарь Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения, справедливо обвинял этого человека в «...объяснении и оправдании своих собственных нарушений морали путем подчеркивания «аморальности» женщин «низшей расы»»^{dv}.

Современный черный автор Кэлвин Хернтон, к сожалению, признает аналогичную ложь о черных женщинах. В исследовании «Секс и расизм» он утверждает, что «...у негритянской женщины в период рабовладения начал вырабатываться комплекс неполноценности по отношению к себе не только как к женщине, но и как к человеку»^{dvi}. По Хернтону, «испытыв на себе чрезмерную аморальность белого Юга, негритянская женщина стала «неразборчивой и безнравственной» и превратилась в «легкую добычу». Она действительно стала смотреть на себя так же, как смотрел на нее и обращался с нею Юг, потому что она не знала другой морали для формирования своих женских качеств»^{dvii}. Исследование Хернтон так и не проникает за идеологическую завесу, под покровом которой преуменьшаются масштабы насилия, совершаемого над черными женщинами. Автор противоречит себе, перекалывая на жертву вину за жестокое наказание, которое она была вынуждена нести в силу исторических причин.

На всем протяжении истории пашей страны черные женщины проявляли общее осознание того, что они подвергаются половому преследованию. Они также поняли, что не могут дать соответствующий отпор злоупотреблениям, от которых страдают, не ведя одновременной борьбы против ложных обвинений в изнасилованиях, служащих поводом для линчеваний. Изнасилование как орудие террора проповедников господства белой расы появилось на несколько столетий раньше института линчевания. В период рабовладения линчевание черных не было распространено широко — по той простой причине, что рабовладельцы не хотели

* Эдипов комплекс — стремление к сожительству с матерью, даже если для этого придется убить отца. В более широком смысле — парадоксальный, «от противного» выбор полового партнера. Эдип — мифический царь древнегреческого города Фивы. Его отцу Лаию еще до рождения Эдипа было предсказано, что будущий сын убьет его. Лаий при рождении мальчика приказал бросить его в горах на съедение диким зверям, но Эдип спасся и после долгих приключений, не зная, кто его родители, в случайной стычке убил Лаия (отца), а впоследствии женился на своей матери. Много лет спустя тайна раскрылась, и Эдип ослепил себя, а его жена-мать покончила с собой.

уничтожать свою ценную собственность. Порка — да, но линчевание — нет. Как и порка, изнасилование было чрезвычайно эффективным методом удержания в узде черных — и мужчин, и женщин. Оно было одним из обычных средств угнетения.

Линчевания, правда, происходили до Гражданской войны, но они были чаще направлены против белых аболиционистов, не имевших рыночной цены. По данным Уильяма Ллойда Гаррисона в «Либерейторе», за два десятилетия, начиная с 1836 г., линчеванию подверглись более трехсот белых^{dxviii}. Число линчеваний росло по мере того, как антирабовладельческая кампания набирала влияние и силу. У. Уайт пишет; «Когда рабовладельцы увидели, что борьба против них разгорается, несмотря на отчаянные усилия сдержать ее, они все больше и больше стали прибегать к кострам и виселицам»^{dxix}. По его заключению, «...линчеватель появился на сцене в роли решительного защитника барышей рабовладельцев»^{dx}.

После освобождения рабов черные больше не обладали рыночной стоимостью для бывших рабовладельцев, и «...индустрия линчевания претерпела серьезные изменения»^{dxii}. Когда И. Уэллс писала свой первый памфлет против линчеваний, опубликованный в 1895 г. под названием «Красное досье», она подсчитала, что в 1865—1895 гг. состоялось более десяти тысяч линчеваний. Ида Б. Уэллс полагает, что «далеко не все убийства, совершенные белыми за последние тридцать лет, раскрыты. Но статистические данные, в том виде, в каком они собраны и сохранены белыми,— данные, достоверность которых не ставилась под сомнение,— показывают, что за эти годы более десяти тысяч негров были хладнокровно убиты без соблюдения формальностей судебного процесса и законного приговора. Однако как свидетельство абсолютной безнаказанности белого человека за убийство негра те же данные показывают, что за все эти годы только трое белых за такие преступления предстали перед судом, были осуждены и казнены. Поскольку еще ни одного белого не линчевали за убийство цветных, эти три приговора являются единственными примерами смертной казни, постигшей белых людей за убийство негров»^{dxiii}.

Из-за таких линчеваний и бесчисленных зверств был воскрешен миф «черный — это насильник». Он мог приобрести свою страшную силу убеждения только в иррациональном мире расистской идеологии. Как бы этот миф ни противоречил здравому смыслу, он не был произвольным заблуждением. Наоборот, миф «черный — это насильник» явно имел политическую окраску. Как отмечает Фредерик Дуглас, черных не объявляли огульно насильниками над белыми женщинами во времена рабовладения. В течение всей Гражданской войны ни один черный мужчина не был публично обвинен в изнасиловании белой женщины^{dxiiii}. Если бы у черных мужчин существовало животное стремление к изнасилованию, говорил Дуглас, то этот мнимый инстинкт, несомненно, усилился бы в тех условиях, когда белые женщины остались без защиты своих мужчин, сражавшихся в армии Конфедерации.

Сразу же после Гражданской войны пугающий призрак черного насильника еще не появился на исторической сцене. Но линчевания, предназначавшиеся в рабовладельческие времена для белых аболиционистов, становились важным политическим оружием. Тем не менее, прежде чем линчевание могло укрепиться как широко признанный институт, необходимо было найти убедительное оправдание его дикости и ужасам. Таковы были обстоятельства, породившие миф о черном насильнике, ибо обвинения в изнасиловании оказались самой убедительной из всех попыток оправдать линчевание черных. В свою очередь институт линчевания, сопровождаемый непрекращавшимися изнасилованиями черных женщин, превратился в важную составную часть послевоенной стратегии расистского террора. Таким образом гарантировалась жестокая эксплуатация черной рабочей силы, а вслед за предательством во время Реконструкции было обеспечено политическое господство над черными в целом.

Показательно, что в период первой большой волны линчеваний не было пропаганды, которая призывала бы к защите белых женщин от присущих якобы черным мужчинам непреодолимых инстинктов изнасилования. Как заметил Фредерик Дуглас, беззаконные убийства черных наиболее часто преподносились как превентивная мера удержания черных масс от открытого восстания^{dxv}. В те времена массовые убийства по политическим причинам не маскировались. Линчевание было откровенно противоповстанческой мерой, гарантией того, что черные не смогут добиться своих целей — гражданских прав и экономического равенства. «В это время,— отмечал Дуглас,— убийства негров пытались оправдать борьбой с негритянскими тайными заговорами, негритянскими восстаниями, негритянскими планами уничтожения всех белых, намерениями негров сжечь город и развязать насилие вообще... Но никогда ни вслух, ни шепотом не произносилось ни слова о насилии негров над белыми женщинами и детьми»^{dxvi}. Позже, когда стало очевидным, что все эти заговоры и восстания оказались измышлениями, так и не получившими реального подтверждения, аргументы в оправдание линчевания изменились. В период после 1872 года, в годы разгула таких террористических организаций, как ку-клукс-клан и «Рыцари белой камелии», был сострянпан новый предлог. Линчевания изображались необходимой мерой для предотвращения установления господства черных над белыми — иными словами, для подтверждения господства белых^{dxvii}.

После предательства в годы Реконструкции, сопровождавшегося лишением черных гражданских прав, жупел политического господства черных для оправдания линчеваний отжил свое. Тем не менее, по мере того как послевоенная экономическая структура обретала форму, утверждая сверхэксплуатацию черной рабочей силы, число линчеваний продолжало увеличиваться. Именно в этот исторический момент вопль против изнасилований превратился в главное оправдание линчеваний. Объяснение Фредериком Дугласом политических мотивов, ставших подоплекой сотворения мифа о черном насильнике, представляет блестящий образец анализа того, как идеология меняет свои формы в соответствии с новыми историческими условиями, Ф. Дуглас писал: «Времена изменились, и обвинителям негров необходимо было тоже измениться. Им пришлось изобретать новые обвинения в соответствии с требованиями времени. Старые обвинения не являются больше убедительными. С их помощью нельзя создать доброе мнение о себе в глазах северян и всего человечества. Честные люди больше не верят, что существуют какие-либо основания опасаться установления негритянского господства. Время и события уничтожили возможность использовать эти старые лживые приемы. Когда-то они были убедительны. В свое время они хорошо служили и были очень действенными и эффективными, но теперь они отброшены как бесполезные. Эта ложь потеряла свою способность вводить в заблуждение. С изменившимися обстоятельствами возникла необходимость в более убедительном, сильном и эффективном оправдании южного варварства, и в результате, согласно моей теории, мы оказались перед лицом еще более ужасающего и тяжкого обвинения, чем стремление негров к господству или негритянское восстание»^{dxviii}. Этим еще более ужасающим и тяжким обвинением, конечно, было изнасилование. Линчевание теперь объяснялось и логически обосновывалось как метод отмщения за нападения черных на белых южанок. Как утверждал один защитник линчеваний, было необходимо найти «способ решения чрезвычайной задачи чрезвычайными средствами — отсюда и возникло линчевание, дабы держать в узде негров на Юге»^{dxviii}.

Хотя большинство линчеваний даже не были связаны с обвинениями в изнасиловании, расистский крик против них превратился в популярное объяснение, гораздо более эффективное, чем обе предыдущие попытки оправдать групповые расправы над

черными. В обществе, в котором концепция мужского превосходства была распространена повсеместно, мужчинам, защищавшим своих женщин, могли прощаться любые крайности. То, что они действовали, руководствуясь «высокими» побуждениями, было вполне достаточным, по их мнению, оправданием для совершения таких зверств. Как сказал в начале нынешнего столетия своим вашингтонским коллегам сенатор от Южной Каролины Бен Тиллмэн, «когда суровые белые мужчины, на лице которых написана скорбь, предадут смерти тварь в человеческом образе, надругавшуюся над белой женщиной, они совершают отмщение за величайшее зло, за гнуснейшее преступление...»^{dxix} Такие преступления, сказал он, заставляют цивилизованных людей «возвращаться в состояние дикаря, чьим побуждением в подобных обстоятельствах всегда было «убивать, убивать, убивать»»^{dxix}.

Влияние этого нового мифа было огромным. Не только была сломлена оппозиция отдельным линчеваниям — ибо кто осмелится защищать насильника? — но среди белых ослабла и поддержка борьбы за равноправие черных вообще. К концу XIX в. во главе крупнейшей массовой организации белых женщин, «Женский христианский союз воздержания», стояла женщина, публично поносившая черных за их мнимые нападения на белых женщин. Более того, Фрэнсис Уиллард зашла настолько далеко, что объявила черных особенно склонными к алкоголизму, что в свою очередь якобы обострило их инстинктивную тягу к изнасилованию. «Винная лавка — негритянский штаб, — кликушествовала она, — Виски получше и побольше — вот объединяющий клич огромных темнокожих толп: Цветная раса размножается, как саранча египетская. Винная лавка — ее штаб и оплот. Безопасность женщин, детей, домашнего очага находится сейчас под угрозой в тысяче мест, поэтому мужчины не рискуют отлучаться из дому»^{dxxi}.

Изображение черных мужчин насильниками внесло невероятное смятение в ряды прогрессивных движений. И Фредерик Дуглас, и Ида Б. Уэллс отмечают в своих исследованиях о линчеваниях, что, как только пропагандистский призыв против изнасилований превратился в законное оправдание для линчевания, белые, выступавшие раньше в защиту равноправия для черных, все больше стали опасаться принимать участие в их освободительной борьбе. Они либо хранили молчание, либо, подобно Фрэнсис Уиллард, энергично выступали против половых преступлений, огульно приписываемых черным мужчинам. Дуглас описывал разрушительное воздействие сфабрикованных обвинений в изнасиловании на движение за равноправие черных вообще. «Это, — говорил он, — охладило друзей негров; это подогрело их врагов и в какой-то степени приостановило — и внутри страны, и за рубежом — те благородные усилия, которые добрые люди обычно предпринимали для улучшения их положения. Это ввело в заблуждение их друзей на Севере и многих хороших друзей на Юге, так как почти все они в той или иной степени приняли это обвинение за чистую монету»^{dxixii}.

Что в реальности стояло за этим ужасающим по силе воздействия мифом о черном насильнике? Конечно, были случаи, когда черные мужчины насиловали белых женщин. Но действительное число таких изнасилований было крайне незначительно по сравнению с тем, которое нес в себе этот миф. Как уже указывалось, на протяжении всей Гражданской войны не было зарегистрировано ни одного случая, чтобы белая женщина была изнасилована рабом. Хотя практически все белые мужчины-южане были на фронте, ни разу не раздалось ни единой жалобы на изнасилование. Фредерик Дуглас считает, что всеобщее обвинение черных мужчин в изнасилованиях было неправдоподобным по той простой причине, что это подразумевало резкое и мгновенное изменение психических и моральных качеств черных. «История, — писал он, — не знает примеров у какой-либо группы людей столь резкой, столь неестественной и столь полной метаморфозы, какая подразумевается в этом обвинении. Изменения слишком велики, а срок для них слишком мал»^{dxixiii}.

Реальные обстоятельства большинства линчеваний находились в явном противоречии с мифом о черном насильнике. Большая часть групповых убийств вообще никоим образом не была связана с изнасилованиями. «Хотя протест против изнасилований использовался как популярное оправдание линчевания вообще, причины большинства линчеваний были другие. В исследовании, опубликованном в 1931 году Южной комиссией по изучению линчевания, показано, что в 1889—1929 годах только одна шестая часть жертв действительно обвинялась в изнасиловании. 37,7% жертв обвинялись в убийстве, 5,8 — в преднамеренном оскорблении действием, 7,1 — в воровстве, 1,8 — в нанесении оскорбления белому, а 24,2% были предъявлены разные другие обвинения, в большинстве своем на удивление пустячные. Согласно данным комиссии, 16,7% жертв линчеваний обвинялись в изнасиловании; и 6,7% — в попытке изнасилования»^{dxixiv}.

Несмотря на то что доводы апологетов линчеваний оспаривались фактами, большинство из них утверждало, что только долг белых мужчин защищать своих женщин мог вынудить их на такие зверские расправы над черными. В 1904 году Томас Нельсон Пейдж в «Норс америкэн ревью» возложил всю ответственность за линчевания черных на них же самих за их необузданную-де склонность к половым преступлениям. «Преступления-линчевания, — говорил он, — вряд ли прекратятся, пока преступления-изнасилования и преступления-убийства женщин и детей не перестанут быть столь распространенными, как в последнее время. А эти преступления, совершаемые почти исключительно неграми, не уменьшатся заметно до тех пор, пока сами негры не возьмутся за них и не искоренят их»^{dxixv}. И белые на Юге, заявил Бен Тиллмэн в сенате США, «...не потерпят, чтобы негр оскорбил наших жен и дочерей, избежав при этом линчевания»^{dxixvi}. В 1892 году, когда Тиллмэн был губернатором Южной Каролины, он заявил, стоя на том самом месте, где были повешены восемь черных, что он лично поведет толпу линчевателей на любого черного, который осмелится изнасиловать белую женщину. В свою бытность губернатором он передал одного черного в руки белой толпы, даже несмотря на то, что белая женщина, позвавшая на помощь, публично простила его^{dxixvii}.

Подчинение экономики Юга капиталистам с Севера придало линчеваниям наиболее мощный импульс. Если бы черные, находясь под прессом террора и насилия, остались наиболее жестоко эксплуатируемой группой внутри рабочего класса, то капиталисты получали бы двойное преимущество. Сверхэксплуатация черного труда давала бы дополнительные прибыли, а враждебное отношение белых рабочих к своим хозяевам было бы смягчено. Белые рабочие, мирившиеся с линчеваниями, неизбежно вставали на позиции расовой солидарности с белыми, которые в действительности были их угнетателями. Это было решающим моментом в распространении расистской идеологии.

Если бы черные просто смирились со своим экономически и политически подчиненным положением в обществе, то групповые расправы, возможно, сошли бы на нет. Но из-за того, что массы бывших рабов отказывались расстаться с мечтами о прогрессе, за три послевоенных десятилетия свершилось более 10 тыс. линчеваний^{dxixviii}. Тот, кто бросал вызов расовой иерархии, становился потенциальной жертвой толпы. В бесконечный список мертвых попали в итоге все разновидности непокорных — от владельцев процветающих предприятий и рабочих, требующих повышения зарплаты, до тех, кто не хотел, чтобы его называли «мальчиком», и женщин, боровшихся против насилия белых мужчин. Но поддержка общественного мнения уже была завоевана, и считалось само собой разумеющимся, что линчевание — это справедливый ответ на варварские половые преступления против белых женщин, И так и не был задан важный вопрос: а как же обстоит дело с многочисленными женщинами, которые

подвергались линчеванию, а иногда и изнасилованию перед тем, как погибнуть от рук толпы. Ида Б. Уэллс рассказывает об «...ужасающем случае с женщиной в Сан-Антонио, штат Техас, которую запихнули в бочку с вбитыми по бокам гвоздями и скатывали с холма, пока она не умерла»^{dxix}. Газета «Чикаго дефендер» 18 декабря 1915 года опубликовала следующую заметку под заголовком «Изнасилование и линчевание негритянской матери»: «Колумбус, штат Миссисипи, 17 декабря. В четверг, неделю назад, Корделла Стивенсон была найдена рано утром повешенной на ветке дерева, совершенно раздетой. Она была повешена там с прошлого вечера кровожадной толпой, которая пришла к ее дому, стащила ее с постели и проволокла по улицам, не встречая никакого противодействия. Они отвели ее поодаль, совершили свое мерзкое дело и после этого ее вздернули»^{dxix}.

Поскольку в формировании послерабовладельческого расизма главную роль сыграл мифический образ черного насильника, то представлять черных мужчин основной массой среди виновников полового насилия — это в лучшем случае легкомысленное теоретизирование. В худшем случае — это нападки на черных вообще, потому что существование, мифического насильника подразумевает и существование мифической шлюхи. Воспринимая обвинение в изнасилованиях как наступление на все черное сообщество, черные женщины быстро взяли на себя ведущую роль в движении против линчевания. Ида Б. Уэллс была вдохновителем массовой кампании против линчевания, которой суждено было растянуться на многие десятилетия. В 1892 году трое знакомых этой черной журналистки подверглись линчеванию в Мемфисе, штат Теннесси. Они были убиты толпой расистов потому, что лавка, которую они открыли в черном квартале, успешно конкурировала с лавкой белого владельца. Ида Б. Уэллс поспешила выступить против этого линчевания на страницах своей газеты «Фри спич». Три месяца спустя, во время поездки И. Уэллс в Нью-Йорк, помещения ее газеты были сожжены дотла. Ей самой угрожали линчеванием, и она решила остаться на Востоке и «...в первый раз рассказать миру правду о становящихся все более многочисленными и ужасными линчеваниях негров»^{dxix}.

Статьи Уэллс в «Нью-Йорк эйдж» побудили черных женщин организовать кампанию в ее поддержку, что привело в конечном итоге к созданию клубов черных женщин^{dxix}. В результате ее инициативы черные женщины по всей стране стали принимать активное участие в борьбе против линчевания. Сама Ида Б. Уэллс ездила из города в город, призывая всех — священников, людей свободных профессий, рабочих — выступать против зверств закона Линча. Во время ее поездок за границу в Великобританию было организовано имевшее важное значение движение солидарности, которое оказало заметное влияние на общественное мнение США. Успех ее был так велик, что она навлекла на себя гнев «Нью-Йорк таймс». После поездки Уэллс в 1904 году в Англию была опубликована следующая злобная реакционная статья: «На следующий же день после возвращения мисс Уэллс в Соединенные Штаты в Нью-Йорке мужчина-негр напал на белую женщину; «в целях удовлетворения вожделения и грабежа»... Обстоятельства его злодейского преступления, возможно, помогут убедить эту миссионерку-мулатку, что как раз сейчас в Нью-Йорке проповедование ее теории борьбы против произвола по отношению к неграм, мягко говоря, неуместно»^{dxix}.

Другим выдающимся лидером черных женщин, посвятившим себя борьбе против линчевания, была Мэри Чэрч Тэррел, первый президент Национальной ассоциации цветных женщин. В 1904 году она выступила с ответом на злобную статью Томаса Нельсона Пейджа «Линчевание негров — его причины и предотвращение». В «Норс америкэн ревью», где появилась статья Пейджа, она напечатала очерк под заглавием «Линчевание с точки зрения негра». С убедительной логикой Тэррел последовательно доказала несостоятельность оправдания Пейджем линчевания как вполне понятного ответа на мнимые изнасилования белых женщин^{dxix}.

Через 30 лет после того, как Ида Б. Уэллс положила начало кампании против линчевания, была основана организация под названием «Крестовый поход против линчевания». Целью этой организации, возникшей в 1922 году по инициативе Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения и возглавленной Мэри Тэлберт, было создание многорасового женского движения против линчевания. Дж. Лернер писала: «Что теперь предпримет Мэри Б. Тэлберт? Что теперь предпримут под ее руководством цветные американские женщины? Цветные женщины создали организацию с целью объединить к декабрю 1922 года миллион женщин всех классов и цветов кожи против линчевания. Берегитесь, господин Линчеватель! Такие Женщины обычно добиваются того, к чему стремятся»^{dxix}. Не впервые черные женщины протягивали руку своим белым сестрам. Они вели борьбу в традициях таких титанов истории, как Соджорнер Трус и Фрэнсис Е. У. Харпер. Ида Б. Уэллс лично обращалась с призывом к белым женщинам, так же как и ее современница Мэри Чэрч Тэррел. А члены клубов черных женщин делали коллективные попытки убедить клубное движение белых женщин принять участие и в кампании против линчевания.

Белые женщины в массе своей не откликнулись на эти призывы до тех пор, пока в 1930 году не была основана Ассоциация женщин Юга за предотвращение линчевания, возглавленная Джесси Дэниел Эймс^{dxix}. Ассоциация намеревалась опровергнуть утверждения о том, что линчевания необходимы для защиты женщин Юга. «Программа женщин-южанок,— писала Эймс,— направлена на разоблачение лживости утверждения о том, что линчевание необходимо для их защиты, а также на то, чтобы подчеркнуть реальную опасность линчевания для всех семейных и религиозных ценностей»^{dxix}.

Небольшая группа женщин, присутствовавшая на встрече в Атланте, где была создана ассоциация, обсудила роль белых женщин в линчеваниях того времени. Они указали, что женщины обычно присутствовали на собраниях расистов, а в некоторых случаях были активными участницами банд линчевателей. Более того, те белые женщины, которые позволяли своим детям быть очевидцами убийств черных, воспитывали у них тем самым расистские привычки, процветавшие на Юге. Исследование линчевания, проделанное Уолтером Уайтом и опубликованное за год до этой встречи, утверждало, что одним из наихудших последствий этих групповых убийств является уродование душ белых детей-южан. Когда Уайт приехал во Флориду, чтобы расследовать обстоятельства одного линчевания, маленькая девочка лет девяти-десяти рассказала ему о том, как весело они развлекались, «сжигая ниггеров»^{dxix}.

В 1930 году Джесси Дэниел Эймс и те, кто вместе с ней основал Ассоциацию женщин Юга за предотвращение линчевания, приняли решение вовлечь массы белых женщин на Юге в кампанию борьбы против расистских банд, ставивших своей целью убийство черных. В конечном итоге они собрали более 40 тыс. подписей под торжественной клятвой ассоциации: «Мы объявляем линчевание не имеющим оправдания преступлением, пагубно действующим на все принципы управления обществом, ненавистным и враждебным всем идеалам религии и гуманности, разлагающим и уничижающим каждого, кто имеет к нему отношение... общественное мнение с излишней легкостью согласилось с доводами линчевателей, будто бы они действуют исключительно в целях защиты женщин. В свете действительного положения вещей мы не можем более позволять, чтобы эти доводы принимались без возражений, как и не можем позволять тем, кто ставит своей целью личную месть и жестокость, совершать акты насилия и произвола именем женщины. Мы торжественно клянемся создать на Юге новое общественное мнение, которое будет беспощадно к действиям линчевателей, невзирая на любые обстоятельства. Мы будем

дома, в школе и в церкви внушать нашим детям новое толкование закона и религии. Мы будем оказывать помощь всем официальным лицам в выполнении ими своего служебного долга. Наконец, мы объединим усилия с каждым священником, издателем, учителем и гражданином-патриотом в воспитании, ставящем целью навсегда уничтожить линчевание и толпы убийц на нашей земле»^{dxix}.

Эти отважные белые женщины столкнулись с сопротивлением, враждебностью и даже угрозами физической расправы. Их вклад в общее движение против линчевания был бесценен. Без их неослабевающих кампаний по сбору подписей под петициями и рассылке писем, без их митингов и демонстраций волну линчеваний не удалось бы остановить так быстро. И все же Ассоциация женщин Юга за предотвращение линчевания опоздала появиться на 40 лет. В течение четырех десятилетий или даже дольше черные женщины возглавляли движение против линчеваний, и почти все это время они призывали своих белых сестер присоединиться к ним. Одним из крупных недостатков исследования Сьюзен Браунмиллер является полное невнимание к инициативе черных женщин в движении против линчевания. Справедливо воздавая должное Джесси Дэниел Эймс и Ассоциации женщин Юга, Браунмиллер даже вскользь не упоминает Иду Б. Уэллс, Мэри Чэрч Тэррел или Мэри Тэлберт и ее организацию «Крестовый поход против линчевания».

Хотя Ассоциация женщин Юга за предотвращение линчевания была запоздалым ответом на призывы их черных сестер, серьезные достижения этих женщин наглядно показывают, что белым женщинам принадлежит особое место в борьбе против расизма. Когда Мэри Тэлберт и ее «Крестовый поход против линчевания» обращались к белым женщинам, они понимали, что белые женщины могли с большей готовностью присоединиться к борьбе черных в силу того, что они сами как женщины подвергались угнетению. Кроме того, само линчевание как страшное орудие расизма служило также и укреплению мужского господства. У. Уайт отмечал: «Экономическая зависимость, занятия только «изящными, утонченными, женскими» делами, духовная жизнь, ограниченная рамками семьи,— все эти ограничения, навязанные мужчинами, в большей степени касались женщин на Юге и соблюдались там более строго, чем в любой другой части страны»^{dxl}.

На протяжении всей борьбы против линчевания те, кто критиковал расистов за махинации при обвинении в изнасиловании, не собирались оправдывать некоторых черных, которые действительно совершили половые преступления. Еще в 1894 году Фредерик Дуглас предупреждал, что его выступления против мифа о черном насильнике не следует истолковывать как стремление оправдать изнасилование как таковое. «Я не считаю,— говорил он,— что негры — святые или ангелы. Я не отрицаю, что они способны совершить преступление, в котором их обвиняют, но полностью отрицаю, что они склонны к совершению такого преступления сколько-нибудь более, нежели любой другой представитель рода человеческого... Я не защищаю людей, виновных в этом гнусном преступлении, а защищаю цветных как класс»^{dxli}.

Возрождению расизма в середине 1970-х годов сопутствовало воскрешение мифа о черном насильнике. К сожалению, иногда этот миф признавался и белыми женщинами — участницами борьбы против изнасилований. Вот, к примеру, заключительный абзац из главы «Проблема расы» в книге Сьюзен Браунмиллер: «Сегодня растущая волна изнасилований ассоциируется в воображении с угрожающим образом насильника, и прежде всего с выдуманным образом черного мужчины-насильника, который теперь черные мужчины поддерживают из соображений своего мужского достоинства. Необходимо понять, что это — механизм для контроля свободы, мобильности и надежд всех женщин, и белых, и черных. Соединение расизма с дискриминацией женщин должно было дать гремучую смесь. Бесполезно делать вид, будто этого не существует»^{dxlii}.

Провокационное искажение Браунмиллер таких исторических прецедентов, как дела «девятки из Скоттсборо», Уилли Макджи и Эммета Тилла, преследует цель — лишить всякого сочувствия черных, ставших жертвами сфабрикованных обвинений в изнасиловании. Что касается Эммета Тилла, то она явно подводит нас к заключению, что если бы этому 14-летнему мальчику не прострелили голову и не утопили его в реке Таллахачи после того, как он свистнул вслед белой женщине, то, возможно, ему удалось бы изнасиловать какую-нибудь другую белую женщину.

Браунмиллер пытается убедить своих читателей, что абсурдное и нарочито сенсационное заявление Эддриджа Кливера, назвавшего изнасилование «актом мятежа» против «белого общества», является типичным. Создается впечатление, что она хочет, чтобы в воображении читателей предстала армия черных мужчин, вождельно, на полном ходу наступающих на белых женщин, расположившихся самым подходящим образом для изнасилования. В рядах этой армии — призрак Эммета Тилла, насильник Эддридж Кливер и Иمامу Барака, писавший: «Поднимайся, черный нигилизм отцов. Насилуй белых девушек. Насилуй их отцов. Перережь горло матерям». Но Браунмиллер идет дальше. Она включает в эти ряды не только людей вроде Кэлвина Хернтон, чья книга была недвусмысленно дискриминационной в отношении женщин, но и других, например, Джорджа Джексона, который никогда не пытался оправдывать изнасилования. Идеи Эддриджа Кливера, утверждает она, «отражают образ мыслей черных интеллектуалов и писателей-мужчин, ставший очень модным в конце 60-х годов и с поразительным энтузиазмом принятый белыми радикалами-мужчинами и отдельными кругами белого интеллектуального истеблишмента в качестве прекрасно подходящего оправдания изнасилований, совершаемых черными»^{dxliii}.

Рассуждения Сьюзен Браунмиллер об изнасилованиях, и расовом вопросе обнаруживают легкомысленную пристрастность, граничащую с расизмом. Пытаясь предстать защитницей интересов всех женщин, она иногда занимает позицию, которая способствует лишь защите специфических интересов белых женщин, не заботясь о том, как эта позиция повлияет на все остальное. Характерным примером является ее исследование дела «девятки из Скоттсборо». Как отмечает сама Браунмиллер, эти девять молодых людей, обвиненные и осужденные за изнасилование, провели в тюрьме долгие годы из-за того, что две белые женщины дали на суде ложные свидетельские показания. И все же у нее не находится ничего, кроме презрения, и для этих черных, и для движения в их защиту, но зато бросается в глаза ее сочувствие к этим двум белым женщинам. «Левые,— пишет она,— ожесточенно сражались за свои символы расовой несправедливости, превратив в смущенных героев горстку жалких полуграмотных парней, попавших в лапы правосудия Юга и мечтавших лишь о том, чтобы уйти от наказания»^{dxliv}. С другой стороны, рассуждает Браунмиллер, те две белые женщины, на основе ложных показаний которых «девятку из Скоттсборо» упрятали в тюрьму, были «...загнаны в угол толпой белых мужчин, уже убежденных, что изнасилование произошло. Смущенные и напуганные, они уступили их домогательствам»^{dxlv}. Никто не может отрицать, что женщины были орудием в руках алабамских расистов. Тем не менее неверно изображать их невинными пешками, не несущими никакой ответственности за сотрудничество с силами расизма. Занимая независимо от обстоятельств позицию белых женщин, Браунмиллер сама идет на уступку расизму. То, что она не сумела довести до сознания белых женщин необходимость соединения энергичной борьбы против расизма с борьбой за женское равноправие, успешно используется сегодня силами расизма.

Миф о черном насильнике по-прежнему служит свою коварную службу расистской идеологии. Именно в значительной степени с его помощью расисты добились того, что большинство теоретиков борьбы против изнасилований не попытались выяснить

личность огромного числа анонимных насильников, которые остались незарегистрированными и неосужденными. До тех пор пока их исследования сосредоточиваются на уличенных — зарегистрированных и арестованных — насильниках, т. е. лишь на части всех действительно совершенных изнасилований, черных и других цветных мужчин неизбежно будут считать негодями, несущими ответственность за нынешний разгул полового насилия. На нераскрытость большинства изнасилований смотрят в результате как на статистическую подробность или как на загадку, смысл которой постичь невозможно.

Но прежде всего, почему так много насильников остаются анонимными? Не может ли эта нераскрытость быть привилегией мужчин, чье положение в обществе защищает их от суда? Хотя известно, что белые мужчины, являющиеся работодателями, администраторами, политическими деятелями, врачами, преподавателями и т. д., используют служебное положение, чтобы «уговорить женщину», которую считают ниже себя по общественному положению, их половые преступления редко получают огласку в судах. Не является ли поэтому весьма вероятным, что эти мужчины из буржуазных и средних слоев несут ответственность за значительную часть незарегистрированных изнасилований? Жертвами многих из таких изнасилований, несомненно, являются черные женщины: их исторический опыт показывает, что расистская идеология содержит прямой призыв к изнасилованию. Подобно тому, как при рабовладении право насиловать черных женщин основывалось на экономической власти рабовладельцев, так и в классовой структуре капиталистического общества кроются стимулы к изнасилованию. В самом деле, представляется, что мужчины, принадлежащие к классу буржуазии, и их соучастники из средних слоев ограждены от судебного преследования потому, что совершают половые преступления с тем же неоспоримым правом, которым узаконены их ежедневные покушения на труд и достоинство рабочих.

Широкое распространение сексуальных домогательств на работе никогда не представляло особенного секрета. В самом деле, именно на работе женщины — особенно если они не члены профсоюза — более всего уязвимы. Установив экономическое господство над своими подчиненными женского пола, работодатели, управляющие и начальники могут попытаться утвердить эту власть и над их телом. То, что женщины из Рабочего класса подвергаются более интенсивной эксплуатации, чем мужчины, усугубляет их незащищенность перед домогательствами, а половое принуждение одновременно усиливает их незащищенность перед экономической эксплуатацией.

Для мужчин из рабочего класса независимо от цвета кожи побуждением к изнасилованию может служить вера в то, что их принадлежность к мужскому полу дает им право властвовать над женщиной. Все же вследствие того, что они не обладают общественной или экономической властью, защищающей их от судебного преследования, — если речь идет не о белом мужчине, насилующем цветную женщину, — стимул у них далеко не так велик, как у мужчин из класса буржуазии. Принимая участие в изнасилованиях, поощряемых сторонниками неравенства полов, мужчины из рабочего класса принимают взятку, призрачную компенсацию своего бессилия.

Классовая структура капитализма потворствует превращению мужчин, обладающих экономической и политической властью, в эксплуататоров и насильников женщин. Нынешняя волна изнасилований проходит в момент, когда буржуазия яростно борется за укрепление своей власти в условиях международного и внутреннего вызова. И расизм, и дискриминация женщин, играющие ключевую роль во внутриполитической стратегии усиления экономической эксплуатации, поощряются в беспрецедентных масштабах. Вовсе не случайно рост числа изнасилований совпал с заметным ухудшением положения работающих женщин. Дискриминация женщин так велика, что их зарплата в процентном отношении к заработкам мужчин сейчас меньше, чем десятилетие назад. Распространение полового насилия — это отвратительный признак общего усиления дискриминации женщин, неизбежно сопутствующий этому экономическому грабежу.

Наступление на женщин, проводимое по шаблону, созданному расистами, отражает ухудшение положения цветных рабочих и растущее влияние расизма на судебную систему, учебные заведения и на позицию правительства, проявляющего подчеркнутое невнимание к черным и другим цветным. Самый яркий признак опасного возрождения расизма — новый всплеск активности ку-клукс-клана и связанная с этим вспышка насилия против черных, мексиканцев, пуэрториканцев и индейцев. Нынешняя волна изнасилований имеет чрезвычайное сходство с этим разожженным расизмом насилием.

Принимая во внимание то, что изнасилования в наши дни имеют сложную социальную подоплеку, любая попытка рассматривать их как изолированное явление» обречена на провал. Эффективная стратегия борьбы с изнасилованиями должна ставить своей целью нечто большее, чем просто устранение изнасилований — или даже дискриминации женщин. Борьба с расизмом должна стать постоянной задачей движения против изнасилований; она должна встать на защиту не только цветных женщин, но и многочисленных жертв расистских махинаций с обвинением в изнасиловании. Кризис масштабов полового насилия является одним из аспектов перманентного кризиса капитализма. Угроза изнасилования как ужасная разновидность дискриминации женщин сохранится до тех пор, пока всеобщее угнетение женщин остается одним из устоев капитализма. Движение против изнасилований и его важная текущая деятельность — от моральной и юридической поддержки до пропаганды самообороны и просветительских кампаний — должны занять свое место в общей стратегии окончательной победы над монополистическим капитализмом.

РАСИЗМ, КОНТРОЛЬ НАД РОЖДАЕМОСТЬЮ И ПРАВО НА ДЕТОРОЖДЕНИЕ

Когда феминистки XIX века выдвинули требование «добровольного материнства», началась кампания за контроль над рождаемостью. Ее сторонников называли радикалами и подвергали такому же осмеянию, какое выпало на долю сторонников борьбы за избирательные права для женщин. Для тех, кто доказывал, что жена не имеет права отказывать своему мужу в удовлетворении его желаний, «добровольное материнство» считалось чем-то дерзким, возмутительным и диковинным. Конечно, в конце концов право на контроль над рождаемостью, как и право голоса для женщин, будет в большей или меньшей степени признано общественным мнением США. Тем не менее столетие спустя, в 1970 году, требование легальных и легко доступных аборт было не менее спорным, чем вопрос «о добровольном материнстве», положивший в США начало движению за контроль над рождаемостью.

Контроль над рождаемостью — свободный выбор, безопасные средства предупреждения беременности, а если необходимо, то и аборт — является основополагающей предпосылкой эмансипации женщин. Поскольку очевидно, что право контроля над рождаемостью выгодно женщинам всех классов и рас, то, казалось бы, даже крайне несходные группы женщин должны были попытаться объединиться вокруг этого вопроса. Тем не менее на деле движению за контроль над рождаемостью не часто удавалось объединить женщин различного социального происхождения, а его лидеры редко выступали в защиту подлинных интересов женщин из рабочего класса. Более того, аргументы, которые выдвигали сторонники контроля над рождаемостью, основывались на явно расистских послышках, Прогрессивный потенциал контроля над рождаемостью не вызывает сомнений. Но на практике послужной список этого движения оставляет желать много лучшего в области борьбы с расизмом и классовой эксплуатацией.

Наиболее важная победа современного движения за контроль над рождаемостью была одержана в начале 70-х годов, когда были наконец легализованы аборты. Возникшая на заре нового движения за освобождение женщин, борьба за легализацию абортов вобрала в себя весь пыл и всю воинственность этого молодого движения. К январю 1973 года кампания за право на аборт достигла триумфального апогея. В решениях Верховного суда США было признано, что право женщины на личную тайну подразумевает ее право решать, делать ли ей аборт.

В кампании за право на аборт участвовало лишь незначительное число цветных женщин. Учитывая расовый состав более широкого движения за освобождение женщин, это было вовсе не удивительно. Когда поднимался вопрос о том, почему женщины, испытывающие расовое угнетение, не участвуют ни в широком движении за освобождение женщин, ни в кампании за право на аборт, то и в дискуссиях, и в литературе того времени обычно предлагалось два объяснения: цветные женщины целиком поглощены борьбой своего народа против расизма и потому они еще не осознали первостепенную важность проблемы дискриминации женщин. Но настоящие причины почти лилейно-белой окраски кампании за право на аборт следует искать не в мнимой политической близорукости или недостаточной сознательности цветных женщин. Истина кроется в идеологических основах самого движения за контроль над рождаемостью.

То, что участники этого движения не учитывали исторической обусловленности недоверия черных к контролю над рождаемостью, привело к чересчур поверхностной оценке этого явления. Разумеется, когда некоторые черные без колебаний отождествляли контроль над рождаемостью с геноцидом, это действительно выглядело ненормальной и даже параноидной реакцией. И все же белые активисты движения за право на аборт не уловили глубокой сути дела, ибо эти жалобы на геноцид основывались на важных фактах из истории движения за контроль над рождаемостью. Например, было известно, что это движение поддерживает насильственную стерилизацию — расистскую форму массового «контроля над рождаемостью». Если женщины когда-нибудь будут пользоваться правом планировать свою беременность, то с помощью легальных и легкодоступных противозачаточных средств и абортов будут прекращены злоупотребления стерилизацией.

Что касается самой кампании за право на аборт, то как могли цветные женщины не понять ее необходимости? Они были гораздо лучше, чем их белые сестры, знакомы со смертоносно неловкими скальпелями подпольных акушеров, наживавшихся на незаконных операциях. В штате Нью-Йорк, например, в течение нескольких лет, предшествовавших легализации абортов, около 80% смертельных исходов нелегальных абортов приходилось на черных и пуэрториканских женщин^{dxlvi}. Сразу же после этого на цветных женщин пришлось почти половина всех легальных абортов. Если участникам кампании за право на аборт начала 70-х годов необходимо было напоминать, что цветные женщины отчаянно стремятся вырваться из рук подпольных акушеров-шарлатанов, то им также нужно было понять, что эти женщины не будут проявлять симпатий к абортам. Они были за право на аборт, но это не означало, что они являются сторонниками абортов. Когда черные и латиноамериканские женщины так часто прибегают к абортам, они объясняют это не столько своим желанием освободиться от беременности, сколько нищетой, заставляющей их отказываться произвести на свет новую жизнь.

Черные женщины делали аборты с первых дней существования рабства. Многие женщины-рабыни отказывались рожать детей в мире, где господствовал беспросветный принудительный труд, где цепи истязания и насилия, были постоянными условиями жизни. Гутман в уже упоминавшемся исследовании пишет, что один врач, практиковавший в Джорджии в середине прошлого века, обратил внимание на то, что среди его пациенток-рабынь аборты и выкидыши были гораздо чаще, чем среди белых женщин, которых он лечил. По мнению этого врача, либо на черных женщин влияла слишком тяжелая работа, либо, «как считают плантаторы, черные обладают каким-то секретом, с помощью которого они уничтожают плод на раннем этапе беременности... Всем сельским врачам знакомы частые жалобы плантаторов на противоестественное стремление африканской женщины избавиться от потомства»^{dxlvii}. Удивляясь тому, что «целые группы женщин вообще не рожают детей»^{dxlviii}, этот врач никогда не задавался вопросом, насколько противоестественно было растить детей при системе рабовладения. Упоминавшийся выше эпизод с Маргарет Гарнер, беглой рабыней, которая убила собственную дочь и сама пыталась покончить с собой, когда ее схватили охотники за беглыми рабами, имеет к этому прямое отношение. Г. Аптекаер пишет: «Она обрадовалась, что девочка была мертва — «теперь она никогда не узнает, какие страдания женщина испытывает в рабстве», — и умоляла, чтобы ее предали суду за убийство. «Я лучше с радостью пойду на виселицу, чем возвращусь в рабство»»^{dxlix}.

Почему доморожденные избавления от беременности и вынужденные детоубийства были таким частым явлением во времена рабства? Во все не потому, что черные женщины нашли таким образом выход из своего затруднительного положения, а скорее потому, что они были доведены до отчаяния. Аборты и детоубийства были актами безрассудного отчаяния, мотивированными не биологическим процессом деторождения, а гнетом рабовладения. Большинство этих женщин, несомненно, выразили бы глубочайшее возмущение, если бы кто-нибудь приветствовал их аборты как ступеньку на пути к свободе.

На раннем этапе кампании за право на аборт слишком часто подразумевалось, что легальные аборты дают реальную

альтернативу сотням проблем, которые ставятся нищетой. Как будто если бы детей стало меньше, то это создало бы больше рабочих мест, повысило бы заработки и т. д. Это предположение отражало тенденцию стирать различия между правом на аборт и защитой абортующих вообще. Движение часто не учитывало мнения женщин, стремившихся получить право на легальные аборт и одновременно сожалеющих о том, что социальные условия не позволяют им рожать больше детей.

Из-за возобновившегося во второй половине 70-х годов наступления на право на аборт стало совершенно Необходимым сделать еще более сильный акцент на нуждах бедных и испытывавших расовый гнет женщин. К 1977 году принятие конгрессом поправки Хайда дало право прекращать федеральное финансирование абортующих, что заставило законодательные собрания многих штатов последовать этому примеру. Черные женщины, пуэрториканки, мексиканки и индианки, так же как и их не имеющие средств белые сестры, были таким образом фактически лишены права на легальный аборт. А поскольку хирургическая стерилизация, финансируемая министерством здравоохранения, просвещения и социального обеспечения, оставалась бесплатной, то все больше и больше бедных женщин вынуждены были выбирать постоянное бесплодие. Что остро необходимо, так это широкая кампания в защиту прав на деторождение всех женщин, а особенно тех, кого материальное положение зачастую вынуждает отказываться от самого права на деторождение.

Стремление женщин управлять процессом деторождения, вероятно, так же старо, как сама история человечества. Еще в 1844 году в «Американской книге практических советов» содержались наряду с многочисленными рецептами приготовления пищи, домашних химикалий и лекарств «рецепты» противозачаточных жидкостей: «жидкость Хэннея»^{dl}, «жидкость Эбернети»^{dli}.

Женщины, вероятно, всегда мечтали о безотказных противозачаточных средствах. Однако, пока проблема прав женщин в целом не стала целью организованного движения, право на деторождение не могло стать законным требованием. В очерке под названием «Супружество», написанном в 50-х годах XIX века, Сара Гримке выступила за «право женщин решать, когда она будет матерью, как часто и при каких обстоятельствах»^{dlii}. Соглашаясь с шутливым замечанием одного врача, Гримке писала, что если бы жены и мужья рожали детей по очереди, то «ни в одной семье их никогда не было бы больше трех: одного рожденного мужем и двух — женой»^{dliii}. Но, как она подчеркивает, «в праве решать это женщине почти всегда отказывали»^{dliiv}.

Сара Гримке выступала за право женщин на половое воздержание. Примерно в то же время состоялось знаменитое «эмансипированное бракосочетание» Люси Стоун и Генри Блэкуэлла. Обряд бракосочетания аболиционистов и борцов за права женщин выражал протест традиционному отречению женщины от прав на свою личность, имя и собственность. Соглашаясь о том, что как муж он не имеет права на «опеку личности жены»^{dliiv}, Генри Блэкуэлл обещал не домогаться согласия жены на удовлетворение своих желаний.

Та точка зрения, что женщина может отказывать своему мужу в его половых домогательствах, в конечном счете стала главной идеей лозунга «добровольного материнства». К 70-м годам XIX века, когда движение за избирательное право для женщин достигло своей высшей точки, феминистки публично выступали в поддержку добровольного материнства. В речи, произнесенной в 1873 г., Вирджиния Вудхалл заявила, что «жена, уступающая мужу против своей воли и желания, совершает, по сути дела, самоубийство. А муж, принуждающий ее к этому, совершает убийство, и так же заслуживает наказания за это, как если бы он задушил ее за то, что она ему отказала»^{dlivi}.

Осознание женщинами их прав на регулирование деторождения произошло в рамках организованного движения за политическое равноправие женщин и не было случайным. Действительно, если бы женщины навсегда остались обремененными непрерывным деторождением и частыми абортующими, они вряд ли имели бы возможность воспользоваться теми политическими правами, которые им удалось завоевать. Более того, новые мечты женщин о карьере и других путях самоутверждения вне брака и материнства могли быть реализованы только при условии ограничения числа беременностей и их планирования. В этом смысле лозунг «добровольного материнства» содержал новое и истинно прогрессивное видение женственности. Однако в то же время это видение было жестко ограничено рамками того образа жизни, который вели женщины из средних слоев и буржуазии. Настроения, лежащие в основе требования «добровольного материнства», не соответствовали условиям жизни женщин-работниц, непосредственно вовлеченных в основную борьбу за экономическое выживание. Так как этот первый призыв к контролю над рождаемостью был связан с целями, которых могли достигнуть только состоятельные женщины, большое число бедных женщин и женщин-работниц считали для себя довольно трудным делом солидаризироваться с этим зарождавшимся движением.

К концу XIX века уровень рождаемости белых в США значительно упал. Так как в широком употреблении не появилось никаких новых противозачаточных средств, падение уровня рождаемости означало, что женщины значительно снижали свою сексуальную активность. К 1890 году белая женщина производила на свет, как правило, не более четырех детей^{dliiii}. По мере того как американское общество становилось все более урбанистическим, этот новый уровень рождаемости уже не вызывал удивления. Большие семьи требовались для работы на селе, а в городских условиях они стали помехой. Однако идеологи растущего монополистического капитализма открыто интерпретировали этот феномен в расистском и антирабочем духе. Так как белая женщина — уроженка США производила на свет все меньше детей, официальными кругами был взят на вооружение жупел «самоубийства расы».

В 1905 году президент Теодор Рузвельт закончил свою речь на обеде в день памяти Линкольна заявлением, что «расовая чистота должна быть сохранена»^{dliiii}. К 1906 году он уже истерически предупреждал, что с падением рождаемости у коренных белых американок надвигается угроза «самоубийства расы». В своем послании конгрессу «О положении в стране» за тот год Рузвельт убеждал состоятельных белых женщин, что обречь себя на «добровольную стерильность — грех, наказание которому — национальная гибель, самоубийство расы»^{dliiii}. Эти заявления были сделаны в период быстрого распространения расистской идеологии и роста расовых мятежей и линчеваний внутри страны. Более того, в тот же момент президент Рузвельт лично пытался обеспечить поддержку захвату американцами Филиппин — новейшей империалистической авантюре Соединенных Штатов.

Как же движение за контроль над рождаемостью ответило на обвинения Рузвельта в том, что его борьба способствует расовому вырождению? Как писал ведущий историк движения за контроль над рождаемостью, пропагандистская уловка президента потерпела провал, так как по иронии судьбы привела к еще большей поддержке движения. Все же эта полемика, как заявляет Линда Гордон, «...обострила те вопросы, которые более всего отделяли феминисток от рабочего класса и бедноты»^{dliiii}. Это произошло по двум направлениям. Во-первых, феминистки усиленно подчеркивали значение контроля над рождаемостью как средства, открывающего путь к карьере и высшему образованию; для бедных же этот путь был закрыт вне зависимости от того, будет ли он осуществляться такой контроль. Для феминистского движения в целом проблема «самоубийства расы» была еще одним фактором, связавшим феминизм почти исключительно с устремлениями наиболее обеспеченных женщин. Во-вторых,

феминистки, выступавшие за контроль над рождаемостью, стали создавать общественное мнение, что бедняки должны чувствовать моральное обязательство ограничивать размер своих семей. По мнению феминисток, большие семьи поглощают доходы от налогов и благотворительные пожертвования состоятельных слоев общества, а дети из этих бедных семей едва ли станут «высшими» представителями общества^{dlxi}.

Принятие в той или иной степени тезиса о «самоубийстве расы» такими женщинами, как Джулия Уорд Хоув и Ида Хастед Харпер, явилось отражением капитуляции суфражистского движения перед расистскими настроениями женщин Юга. Если суфражистки молча согласились на предоставление избирательных прав женщинам в качестве меры, укрепляющей превосходство белой расы, то сторонники контроля над рождаемостью также молча согласились или поддержали новые доводы тех, кто рассматривал этот контроль как средство против увеличения численности «низших классов» и как противодействие от расового вырождения. Оно могло быть предотвращено введением контроля над рождаемостью среди чернокожих, иммигрантов и вообще бедняков. В этом случае процветающие белые, родившиеся в США, могли сохранить свое численное превосходство в составе населения. Так классовая предубежденность и расизм прокрались в движение за контроль над рождаемостью еще на начальном его этапе. Во все большей степени в этом движении утверждалась точка зрения, что бедные женщины, точно так же, как черные и иммигрантки, имели «моральные обязательства ограничивать численность своих семей»^{dlxii}. То, что требовалось как «право» для привилегированных, стало интерпретироваться как «долг» для бедных.

Когда Маргарет Сангер начала свою длившуюся всю жизнь борьбу за контроль над рождаемостью — термин, который был придуман и популяризован ею, — казалось, что скрытые расистские и антирабочие мотивы прошлого удастся преодолеть. Ведь Маргарет Сангер сама вышла из рабочей среды и была хорошо знакома с опустошающим гнетом нищеты. Ее мать умерла в возрасте 48 лет, родив 11 детей. Более поздние воспоминания Сангер о бедствиях собственной семьи должны были бы укрепить ее уверенность в том, что женщины-рабочие особенно нуждаются в праве самостоятельно планировать рост своих семей. Повзрослев, она присоединилась к социалистическому движению, что давало ей дополнительную надежду на то, что кампания за контроль над рождаемостью будет развиваться в более прогрессивном направлении.

Когда Маргарет Сангер вступила в социалистическую партию в 1912 году, она взяла на себя ответственность за привлечение в ряды партии женщин из Клуба работниц Нью-Йорка^{dlxiii}. Партийная газета «Колл» помещала ее статьи на страницах, посвященных женской проблематике. Она написала серию статей, озаглавленную «Это должна знать каждая мать», и другую, под заголовком «Это должна знать каждая девушка», а также давала репортажи с места событий о забастовках с участием женщин. Близкое знакомство Сангер с рабочими районами Нью-Йорка объяснялось тем, что она зачастую бывала в бедных кварталах города в качестве медицинской сестры. Как отмечается в ее автобиографии, там она встречала бесчисленное множество женщин, отчаянно хотевших узнать, как контролировать рождаемость.

Согласно автобиографическим воспоминаниям Сангер, решение начать борьбу за контроль над рождаемостью пришло к ней в Нижнем Ист-Сайде, районе Нью-Йорка.

Во время одного из вызовов она обнаружила, что 28-летняя Сэди Сакс пыталась сама себе сделать аборт. Когда кризис миновал, молодая женщина попросила оказавшего ей помощь врача дать совет, как предохраняться от беременности. Как передает Сангер, доктор рекомендовал ей «...сказать ее мужу Джейку, чтобы он спал на крыше»^{dlxiv}.

М. Сангер пишет: «Я быстро взглянула на миссис Сакс. Даже через внезапно хлынувшие слезы я могла видеть отпечатавшееся на ее лице выражение абсолютной безысходности. Мы просто смотрели друг на друга, не говоря ни слова, пока за доктором не закрылась дверь. Тогда она подняла свои худые, в голубых венах руки и стиснула их умоляюще. «Он не может меня понять, — заговорила она. — Он только мужчина. Но вы можете, не правда ли? Пожалуйста, скажите мне секрет, и я даже никогда не шепну никому об этом. Пожалуйста!»»^{dlxv}

Три месяца спустя Сэди Сакс скончалась от еще одного самостоятельного аборта. В ту ночь Маргарет Сангер поклялась посвятить всю свою энергию пропаганде противозачаточных средств.

«Я отправилась спать, — пишет она, — зная, что, чего бы это ни стоило, с полумерами и несерьезными средствами покончено. Я решила вырвать корень зла, сделать что-нибудь, чтобы изменить участь матерей, чьи страдания столь же необъятны, как небо»^{dlxvi}.

На первой стадии своей борьбы за контроль над рождаемостью Сангер сохранила свое членство в социалистической партии, и само движение за контроль над рождаемостью было тесно связано с растущей воинственностью рабочего класса. В число ее надежных сторонников входили Юджин Дебс, Элизабет Герли Флинн и Эмма Голдмен, которые представляли соответственно социалистическую партию, «Индустриальных рабочих мира» и анархистское движение. Маргарет Сангер в свою очередь отражала антикапиталистическую направленность движения за контроль над рождаемостью на страницах журнала «Бунт женщины», который «выражал интересы трудящихся женщин»^{dlxvii}. Она продолжала участвовать в пикетах бастующих рабочих и публично осудила обрушившиеся на них ожесточенные нападки. Например, в 1914 году, когда национальная гвардия США зверски расправилась со многими шахтерами-мексиканцами в Ладлоу, штат Колорадо, Сангер присоединилась к рабочему движению, разоблачая роль Джона Д. Рокфеллера в этой расправе^{dlxviii}.

К несчастью, союз между движением за контроль над рождаемостью и радикальным рабочим движением был непродолжительным. Хотя социалисты и другие активисты рабочего класса продолжали поддерживать требование ввести контроль над рождаемостью, эта проблема не занимала центрального места в их стратегии в целом. А сама Сангер стала недооценивать центральное место капиталистической эксплуатации в своем анализе причин бедности, утверждая, что слишком большое количество детей является причиной того, что рабочие попадают в бедственное, нищенское положение. Более того, она верила, что «...женщины по неосторожности увековечивали эксплуатацию рабочего класса, рожая новых будущих рабочих»^{dlxix}. По иронии судьбы неомальтузианские идеи, использованные некоторыми кругами социалистов, возможно, побудили Сангер занять эту позицию. Такие выдающиеся деятели европейского социалистического движения, как Анатолий Франс и Роза Люксембург, предлагали «стачку против рождения» для предотвращения продолжавшегося притока рабочей силы на капиталистический рынок^{dlxxx}.

Когда Маргарет Сангер порвала свои связи с социалистической партией, чтобы начать независимую кампанию за контроль над рождаемостью, она и ее сторонники стали более восприимчивыми, чем когда бы то ни было, к расистской и антииммигрантской пропаганде того времени. Подобно своим предшественникам, которые были введены в заблуждение пропагандой «самоубийства расы», сторонники контроля над рождаемостью стали использовать господствующую расистскую идеологию. Фатальное влияние евгенистского движения должно было вскоре уничтожить прогрессивный потенциал кампании за контроль над рождаемостью.

В первые десятилетия XX века растущая популярность евгенистского движения вряд ли была случайной. Идеи евгенистов вполне отвечали идеологическим потребностям молодого монополистического капитала. Империалистические вторжения в Латинской Америке и в Тихом океане нуждались в оправдании так же, как и усилившаяся эксплуатация черных рабочих на Юге и рабочих-иммигрантов на Севере и Западе. Псевдонаучные теории, связанные с кампанией евгенистов, всячески оправдывали действия молодых монополий. В результате это движение завоевало решительную поддержку таких ведущих капиталистов, как Карнеги, Гарриманы и Келлоги^{dlxxi}.

К 1919 году влияние евгенистов на движение за контроль над рождаемостью было очевидным. В статье, опубликованной Маргарет Сангер в журнале Американской лиги контроля над рождаемостью; (АЛКР), она определила «основной вопрос контроля) над рождаемостью» следующим образом: «Больше детей от достойных, меньше от недостойных»^{dlxxii}. В это же время автор работы «Растущий прилив цветных против мирового господства белых»^{dlxxiii} с распростертыми объятиями был принят в святая святых АЛКР. Лотропу Стоддарду, гарвардскому профессору и теоретику евгенистского движения, было предложено кресло в совете директоров. На страницах журнала АЛКР стали появляться статьи Гая Ирвинга Бэрча, руководителя Американского общества евгенистов. Бэрч выступал за контроль над рождаемостью как орудие для «...защиты американского народа от вытеснения инородцами или неграми, будь то вследствие иммиграции или же чрезмерно высокого уровня их рождаемости в США»^{dlxxiv}.

К 1932 году Евгенистское общество могло похвастаться тем, что как минимум 26 штатов приняли закон об обязательной стерилизации, и хирургическим путем тысячи «недостойных» людей уже были лишены возможности иметь детей^{dlxxv}. Маргарет Сангер выступила с публичным одобрением такого хода событий. «Идиоты, дефективные, эпилептики, безграмотные, пауперы, бездельники, уголовники, проститутки и слабоумные изверги» должны быть стерилизованы хирургическим путем, утверждала она в своем выступлении по радио^{dlxxvi}. Она не хотела быть настолько непримиримой, чтобы лишить их права выбора в этом деле. Она сказала, что, если они захотят, им должна быть предоставлена возможность пожизненного изолированного существования в трудовых лагерях.

В Американской лиге контроля над рождаемостью призыв к контролю над рождаемостью среди черных приобрел ту же расистскую направленность, что и призыв к принудительной стерилизации. В 1939 году пришедшая на смену АЛКР Американская федерация контроля над рождаемостью (АФКР) разработала «Негритянский проект». Федерация заявляла:

«Массы негров, особенно на Юге, до сих пор катастрофически и беззаботно плодятся, в результате чего прирост числа негров, даже больший, чем у белых, наблюдается в этой наименее достойной и наименее способной надлежащим образом воспитывать детей части населения»^{dlxxvii}.

Призывая привлекать к руководству местными комитетами контроля над рождаемостью священников-черных, АФКР исходила из необходимости максимальной пропаганды среди черных программы контроля над рождаемостью. Маргарет Сангер писала своей единомышленнице: «Мы не хотим, чтобы о нас говорили, будто мы стремимся уничтожить негритянское население, а священник — именно тот человек, который сможет уладить все, связанное с этой идеей, если подобная мысль придет в голову какому-нибудь воинственно настроенному черному»^{dlxxviii}.

Этот эпизод в истории движения за контроль над рождаемостью закрепил идеологическую победу расизма, связанного с евгенистами. Поддерживая расистскую стратегию контроля над населением, а не индивидуальное право цветных на контроль над рождаемостью, движение лишилось своего прогрессивного потенциала. Кампании за контроль над рождаемостью суждено было сыграть значительную роль в империалистической и расистской политике американского правительства в области народонаселения.

Активистам движения за право на аборт начала 70-х годов следовало бы проанализировать историю своего движения. Если бы они сделали это, они должны были бы понять, почему так много их черных сестер с подозрением относятся к их делу. Они должны были бы понять, насколько важно перечеркнуть расистские догадки их предшественников, выступавших за контроль над рождаемостью и за принудительную стерилизацию как средство уничтожения «недостойной» части населения. Поэтому молодым белым феминисткам следовало проявить большее внимание к предложению о том, что их кампания за право на аборт должна резко осудить злоупотребления стерилизацией, получившие гораздо большее распространение, чем когда-либо.

Это не было сделано до тех пор, пока средства массовой информации не решили, что случайная стерилизация двух черных девушек в Монтгомери, штат Алабама, заслуживает скандального репортажа о том, что ящик Пандоры* злоупотреблений стерилизацией окончательно раскрыт. Но к тому времени, когда произошла эта трагедия с сестрами Релф, было практически слишком поздно воздействовать на политику движения за право на аборт. Это было лето 1973 года, а решение верховного суда, узаконившее аборт, было объявлено еще в январе. Тем не менее стала очевидной крайняя необходимость массовой оппозиции злоупотреблениям стерилизацией. Трагедия с сестрами Релф была ужасающе проста. Ничего не подозревавших Минни Ли, 12 лет, и Мэри Элис, 14 лет, отправили в операционную, где хирурги лишили их способности к деторождению^{dlxxix}. Операция была санкционирована комитетом общественных действий г. Монтгомери, финансируемым министерством здравоохранения, образования и социального обеспечения, после того как выяснилось, что «депо-провера» — лекарство, назначавшееся ранее девушкам как превентивное средство от беременности, вызывало рак у подопытных животных^{dlxxx}.

После того как Центр по проведению в жизнь Закона о борьбе с нищетой на Юге возбудил дело в защиту сестер Релф, мать девушек поняла, что «согласилась» на операцию, будучи введенной в заблуждение работниками социального обеспечения, которые вели дело ее дочерей. Они попросили миссис Релф, не умеющую читать, поставить свой крестик на некоем документе, но содержание его ей не объяснили. Она предполагала, как она сама рассказала, что это было разрешение на продолжение курса инъекций «депо-провера». Как впоследствии выяснилось, она дала согласие на хирургическую стерилизацию своих дочерей^{dlxxxi}. После публичного разоблачения дела сестер Релф были преданы гласности другие подобные случаи. Только в одном Монтгомери 11 девушек в возрасте до 20 лет были также стерилизованы. Как выяснилось, клиники по контролю над рождаемостью, финансируемые министерством здравоохранения, образования и социального обеспечения в других штатах, также делали молодых девушек жертвами стерилизации. Более того, некоторые женщины приходили потом и рассказывали о таких же возмутительных историях. Найл Рут Кокс, например, возбудила дело против властей штата Северная Каролина. Когда

* *Ящик Пандоры* — в переносном смысле — источник бедствий, коварный дар, чреватый несчастьями. В древнегреческой мифологии Пандора — девушка, созданная богом огня и кузнечного ремесла Гефестом из земли и воды. Верховный бог Зевс подарил мужу Пандоры сосуд (но принято говорить — ящик), в котором хранились все людские пороки, несчастья, болезни. Несмотря на запрет Зевса, Пандора, движимая любопытством, открыла сосуд, и все его содержимое рассеялось по свету.

Н. Кокс было 18 лет, за восемь лет до возбуждения дела, власти штата пригрозили прекратить выплату социальных пособий ее семье, если она откажется от хирургической стерилизации^{dlxxxii}. До того как она согласилась на операцию, ее заверили в том, что ее бесплодие будет временным^{dlxxxiii}. Судебное дело Найл Рут Кокс было возбуждено против властей штата, которые неустанно претворяли в практику теорию евгенистов. Как было выяснено, под эгидой Комиссии евгенистов в штате Северная Каролина с 1933 года было осуществлено 7686 стерилизаций. Хотя операции оправдывались как меры предотвращения воспроизводства «умственно отсталых», около 5 тыс. стерилизованных были черными^{dlxxxiv}. Как заявила Бренда Фейген Фасто, представлявшая интересы Найл Рут Кокс, современная ситуация в штате Северная Каролина была Немногим лучше. «Насколько я смогла определить,— говорила она,— статистика показывает, что с 1964 года приблизительно 65% женщин, стерилизованных в Северной Каролине, были черными и приблизительно 35% — белыми»^{dlxxxv}.

Как выяснилось в ходе публичных разоблачений массового злоупотребления стерилизацией, в соседнем штате Южная Каролина совершались аналогичные зверства. 18 женщин из Эйкена, штат Южная Каролина, выдвинули обвинение, что они были стерилизованы доктором Кловисом Пирсом в начале 70-х годов. Единственный гинеколог в этом маленьком городе, Пирс постоянно стерилизовал тех, кто получал медицинскую помощь от государства и имел двух или более детей. По словам его медицинской сестры, доктор Пирс настаивал, что те беременные женщины, которые получали государственное пособие, «должны подчиниться и согласиться на добровольную стерилизацию», если они хотят, чтобы он принимал их детей^{dlxxxvi}. Хотя, по его словам, он «устал от бегающих вокруг людей, которые рожают детей и расплачиваются за счет взимаемых с него налогов»^{dlxxxvii}, доктор Пирс получил около 60 тыс. долларов из денег налогоплательщиков за выполненные им стерилизации.

Во время суда его поддержала Ассоциация медиков штата Южная Каролина, члены которой заявили, что врачи «имеют моральное и законное право еще до приема пациента настаивать на получении разрешения на стерилизацию, если она производится на первичном приеме»^{dlxxxviii}.

Разоблачения злоупотреблений стерилизацией в то время выявили и соучастие в них федерального правительства. Сначала министерство здравоохранения, образования и социального обеспечения заявило, что примерно 16 тыс. женщин и 8 тыс. мужчин были стерилизованы в 1972 году под эгидой федеральных программ^{dlxxxix}. Тем не менее позднее эти цифры подверглись значительному пересмотру. По оценке Карла Шульца, директора службы по делам населения при этом министерстве, на самом деле от 100 тыс. до 200 тыс. стерилизаций финансировались в том году федеральным правительством^{dlc}. Между прочим, во времена гитлеровской Германии в соответствии с нацистским законом о здоровой наследственности было осуществлено 250 тыс. стерилизаций^{dlci}. Как могло случиться, что с «рекордом» нацистов, господствующим годы, почти сравнялось число финансируемых американским правительством стерилизаций лишь на протяжении одного года?

Катастрофические последствия геноцида, который уже был осуществлен по отношению к коренному населению США, давали возможность предположить, что американские индейцы останутся в стороне от правительственной кампании стерилизации. Но, согласно свидетельству доктора Конни Ури на слушаниях сенатского комитета, к 1976 году примерно 24% всех взрослых индейских женщин были стерилизованы^{dlcii}. «Линию нашего рода прерывают,— рассказывал сенатскому комитету доктор-индеец,— наши уже зачатые дети не рождаются... Это геноцид в отношении нашего народа»^{dlciii}. По словам доктора Ури, в Кларморе, штат Оклахома, была стерилизована каждая четвертая женщина, рожавшая в местной федеральной больнице для индейцев^{dlciv}. Американские индейцы являются особой мишенью правительственной пропаганды стерилизации. В одной из брошюр министерства здравоохранения, образования и социального обеспечения, изданной специально для индейцев, есть рассказ о семье с десятью детьми и одной лошадей и другой рассказ о семье с одним ребенком и десятью лошадьми. Картинки к этим рассказам должны были внушить индейцам, что большее число детей означает большую бедность, а меньшее их число означает благополучие. Можно подумать, что десять лошадей, которые имела гипотетическая семья с одним ребенком, были магическим действием контроля над рождаемостью и хирургической стерилизации!

Нельзя отрицать, что политика правительства Соединенных Штатов в области народонаселения имеет расистскую направленность. Продолжается стерилизация преимущественно индианок, мексиканок, пуэрториканок и черных женщин. По данным программы по изучению проблемы бесплодия женщин в США, проведенной в 1970 году группой исследования проблем населения при Принстонском университете, 20% всех замужних черных женщин были навсегда лишены возможности иметь детей^{dlcvcv}. Примерно такой же процент среди мексиканок^{dlcvi}. Более того, 43% женщин, стерилизованных по программам, субсидированным федеральными властями, были черными^{dlcvii}.

Ошеломляющее число стерилизованных пуэрториканок отражает особую правительственную политику, которая может быть прослежена с 1939 года. В том году межведомственный комитет президента Рузвельта по делам Пуэрто-Рико выступил с заявлением, где все экономические проблемы острова объяснялись перенаселением^{dlcviii}. Этот комитет предложил предпринять усилия по сокращению уровня рождаемости до показателя, не превышающего уровень смертности^{dlcix}. Вскоре после этого была предпринята экспериментальная кампания стерилизации в Пуэрто-Рико. Хотя католическая церковь первоначально противилась эксперименту и заставила в 1946 году прервать его осуществление, в начале 50-х годов практика контроля над численностью населения возобновилась^{dlc}. В этот период было открыто свыше 150 клиник по контролю над рождаемостью, что привело к 20-процентному сокращению прироста населения к середине 60-х годов^{dlci}. К 70-м годам свыше 35% всех взрослых пуэрториканских женщин было стерилизовано хирургическим путем^{dlcii}. По словам Бонни Мэсс, серьезного критика политики правительства Соединенных Штатов в сфере народонаселения, «если всерьез относиться к чисто математическим расчетам и если нынешний уровень стерилизации — 19 тыс. человек в месяц будет сохранен, тогда население острова, состоящее из рабочих и крестьян, могло бы быть уничтожено в течение ближайших 10 или 20 лет... (установлением) впервые в мировой истории систематического использования контроля над народонаселением, способного уничтожить целое поколение людей»^{dlciii}.

В течение 1970-х годов опустошительные последствия пуэрто-риканского эксперимента стали проявляться наиболее наглядно. Экспансия в Пуэрто-Рико корпораций высокоавтоматизированных металлургической и фармацевтической промышленностей обострила проблему безработицы. Реальная перспектива возникновения беспрецедентно огромной армии безработных была главной побудительной причиной возникновения программ массовой стерилизации. Сегодня в самих Соединенных Штатах огромное число цветных, и особенно находящихся под гнетом расизма молодых людей, стало постоянным контингентом среди безработных. Вряд ли является совпадением, учитывая пуэрто-риканский пример, что рост распространения стерилизации шел в ногу с высоким уровнем безработицы. По мере того как число белых людей, страдающих от жестоких последствий безработицы, растет, они также могут стать мишенью официальной пропаганды стерилизации.

Злоупотребления в области стерилизации в конце 70-х годов получили, может быть, даже большее распространение, чем когда-либо до этого. Хотя министерство здравоохранения, образования и социального обеспечения в 1974 году издало директивы,

которые были, по-видимому, направлены на предотвращение принудительных стерилизаций, ситуация тем не менее ухудшилась. Когда в соответствии с проектом свободы деторождения, выдвинутым Американским союзом гражданских свобод, в 1975 году был произведен осмотр больниц, где проводилось обучение методам контроля над рождаемостью, то обнаружилось, что в 40% этих больниц даже не знали о директивах, изданных министерством^{dciiv}. Только 30% проверенных больниц пытались привести свою работу в соответствие с полученными директивами^{dciiv}.

Поправка Хайда 1977 года привела к новому разгулу насильственной стерилизации. В результате этого закона, одобренного конгрессом, было ликвидировано федеральное субсидирование аборт в всех случаях, кроме изнасилования и риска смерти или тяжелого заболевания. По словам Сандры Салазар из калифорнийского управления общественного здравоохранения, первой жертвой поправки Хайда была 27-летняя мексиканка из Техаса. Она умерла в результате подпольного аборта в Мехико вскоре после того, как в Техасе прекратили субсидировать аборты. Было еще много жертв-женщин, для которых стерилизация превратилась в единственную альтернативу аборт, в последнее время ставшим для них недоступными. Стерилизация продолжает финансироваться правительством и для женщин-бедняков осуществляется бесплатно.

В последнее десятилетие борьба против злоупотреблений в области стерилизации велась прежде всего пуэрториканками, черными, мексиканками и индианками. Их борьба еще не стала делом всего женского движения. В организациях, представляющих интересы белых женщин из средних слоев, существует определенное нежелание поддерживать требования кампании против злоупотреблений стерилизацией, так как этим женщинам часто отказывают в их личном праве быть стерилизованными тогда, когда они решают сделать этот шаг. В то время как цветных женщин повсюду побуждают навсегда стать бесплодными, материально обеспеченных белых женщин те же силы побуждают к деторождению. Поэтому белые женщины рассматривают многочисленные формальности, необходимые для «информированного согласия» на стерилизацию, как обременительные неудобства. Однако, как бы это ни было неудобно для белых женщин из средних слоев, на карту поставлено основополагающее право на деторождение как угнетенных расизмом, так и бедных женщин. Злоупотребления стерилизацией должны быть прекращены.

ОТМИРАНИЕ В БУДУЩЕМ ДОМАШНЕЙ РАБОТЫ. ПЕРСПЕКТИВА РАБОЧЕГО КЛАССА

Бесчисленные заботы по дому, объединенные в понятие «домашняя работа», а именно — приготовление пищи, мытье посуды, стирка, уборка, хождение по магазинам и т. д., отнимают у домашней хозяйки в среднем где-то от трех до четырех тысяч часов в год^{devi}. Как бы поразительна ни была эта статистика, даже она не учитывает того постоянного и не поддающегося количественному определению внимания, которое матери должны уделять своим детям. Однако, если материнские обязанности женщины всегда воспринимаются с благодарностью, ее никогда не кончающаяся тяжелая работа домохозяйки редко оценивается в семье. Кроме всего прочего, работа по дому фактически незаметна: «Никто не замечает, когда в доме убрано. Мы замечаем неубранную постель, но не замечаем вычищенные и отполированные полы»^{devii}, — писал журнал «Социалистическая революция». Невидимая, повторяющаяся, изматывающая, непроизводительная, нетворческая — вот определения, которые наиболее точно отражают характер работы по дому.

Новое сознание, обусловленное современным женским движением, вдохновило многих женщин потребовать, чтобы мужчины хоть как-то помогали им в этой нудной работе. Заметное число мужчин уже стало помогать женщинам по дому, а некоторые из них даже отводят на эти заботы равное с женщинами время. Но многие ли из этих мужчин освободились от восприятия ее как чисто «женского дела»? Многие ли из них назвали бы свое участие в уборке дома «помощью» своим женам?

Если бы вообще было возможно покончить с убеждением, что работа по дому — женское дело, и поделить эту работу поровну между мужчинами и женщинами, то было бы это удивительным решением? Перестанет ли работа по дому носить гнетущий характер от того, что ее не будут связывать исключительно с женщинами? В то время как большинство женщин с радостью приветствовали бы пришествие «домохозяина», устранение связи домашнего труда с каким-то одним полом в действительности не ликвидировало бы угнетающий характер этой работы. В конечном счете ни женщины, ни мужчины не должны терять драгоценные часы их жизни, занимаясь работой, которая не является ни вдохновляющей, ни творческой, ни производительной.

Одно из наиболее тщательно охраняемых табу в развитых капиталистических обществах распространяется на поиск возможности, реальной возможности, радикального изменения характера работы по дому. Значительная часть домашних забот домохозяйки действительно может быть возложена на промышленную экономику. Другими словами, работу по дому не следует обязательно рассматривать теперь только как частную по своему характеру. Бригады обученных и хорошо оплачиваемых рабочих, переезжающих от дома к дому, создание технологически прогрессивных средств уборки дали бы возможность быстро и эффективно выполнять то, что сегодняшняя домохозяйка делает примитивным способом и с большим трудом. Почему пелена молчания окружает эту потенциальную возможность изменения характера домашнего труда? Потому что капиталистическая экономика по своей структуре враждебна индустриализации работы по дому. Обобщественная работа по дому предполагает большие государственные субсидии, чтобы быть доступной для рабочих семей, чьи потребности в таких услугах наиболее очевидны. Так как индустриализация домашней работы принесла бы мало доходов, она, как все неприбыльные дела, является анафемой для капиталистической экономики. Тем не менее быстрый рост числа трудящихся женщин означает, что все больше женщин не хотят соответствовать традиционным стандартам домохозяйки. Другими словами, индустриализация домашней работы с одновременным ее обобществлением становится объективной общественной необходимостью. Работа по дому как частное дело одних женщин, выполняемое технически примитивными средствами, в конце концов объективно может прийти в упадок.

Хотя работа по дому, какой мы ее знаем, сегодня может в конце концов стать пережитком истории, облик женщины по-прежнему связан с представлениями о метлах и совках, швабрах и ведрах, фартуках и плитках, горшках и кастрюлях. Справедливо, что женский труд в разные исторические эпохи в целом ассоциировался с домашним очагом. Следовательно, женский домашний труд не всегда был тем, что он представляет собой сегодня, так как подобно всем общественным явлениям работа по дому изменялась с развитием человеческой истории. По мере того как развивались и исчезали экономические системы, сфера и характер работы по дому претерпели радикальную трансформацию.

Фридрих Энгельс в своей классической работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства»^{deviii} утверждал, что неравенство полов в том виде, в каком мы его знаем сегодня, не существовало до появления частной собственности. На ранних этапах человеческой истории разделение труда по признаку пола в системе экономического производства было второстепенным по сравнению с иерархическим. В обществах, где мужчины занимались охотой на диких животных, а женщины в свою очередь — сбором диких овощей и фруктов, оба пола решали хозяйственные задачи, в равной степени важные для выживания их общин. Так как община на этих этапах была в значительной степени разросшейся семьей, центральная роль женщин в домашних делах означала, что их соответственно ценили и уважали как производительных членов общины.

В том, что домашняя работа женщин играет главную роль в докапиталистических формациях, я наглядно убедилась во время путешествия в 1973 году по прериям Масаи. На заброшенной грязной дороге Танзании я заметила шестерых женщин-масаи, которые, загадочным образом сохраняя равновесие, несли на головах огромную доску. Как объяснили мои танзанийские друзья, эти женщины, возможно, переносили крышу дома в новую деревню, которую они строили. Я выяснила, что женщины у масаи занимаются всеми домашними делами, в том числе и строительством своих часто перемещаемых кочевых жилищ, а не только приготовлением пищи, уборкой, воспитанием детей, шитьем и т. д. Столь же необходимая, как обязанности мужчин по выращиванию скота, женская работа по дому не менее производительна и важна, чем вклад мужчин-масаи в докапиталистическое, кочевое хозяйство. Поэтому как производители женщины занимают важное положение в обществе. В развитых капиталистических обществах, напротив, ориентированный на обслуживание домашний труд домохозяек, которым редко удается добиться ощутимых результатов своего труда, принижает общественный статус женщины в целом. В соответствии с буржуазной идеологией, если называть вещи своими именами, домохозяйка — попросту пожизненная служанка своего мужа.

Происхождение буржуазного представления о женщине как вечной служанке мужчины само по себе показательное. В относительно короткой истории Соединенных Штатов «домохозяйка» как сформировавшийся исторический феномен существует чуть больше века. Работа по дому в колониальный период полностью отличалась от рутины повседневных дел сегодняшней домохозяйки в Соединенных Штатах. Уже упоминавшаяся Вертхеймер пишет: «Работа женщины начиналась с восхода солнца и продолжалась при свете камина, пока от усталости не слипались глаза. На протяжении двух столетий почти все, что ела и чем пользовалась семья, производилось дома с ее ведома. Она пряла и красила пряжу, из которой ткала полотно, кроила и шила одежду. Она выращивала большую часть продуктов, которые ела ее семья, и припасала их в количестве, достаточном на зимние месяцы. Она делала масло, сыр, хлеб, варила мыло и вязала чулки на всю семью»^{devix}.

В аграрной экономике доиндустриальной Северной Америки женщина, исполнявшая свои домашние дела, была, таким образом, прядильщицей и вязальщицей, швеей и пекарем, взбивала масло, выделывала свечи и варила мыло. И так далее, и так далее, и так далее. По сути дела, «...гнет домашнего производства оставлял очень мало времени для забот, которые сегодня мы считаем домашними. Судя по всему, женщины в эпоху до промышленной революции были замарашками-домработницами по сегодняшним меркам. Вместо ежедневной или еженедельной уборки была весенняя уборка. Пища была проста и однообразна, наряды менялись редко, в семьях мылись не часто — раз в месяц или, как в некоторых семьях, раз в три месяца. И так как для каждого мытья требовалось принести и нагреть много ведер воды, это, конечно, не внушало энтузиазма любителям умывания»^{dex}.

Женщины в колониальную эру были не «уборщицами» или «домработницами», а скорее полностью приспособленными и опытными рабочими экономики, основанной на домашнем хозяйстве. Они не только производили подавляющую часть продуктов, необходимую для семьи, но и заботились о ее здоровье и здоровье членов общин.

Вертгеймер писала: «Сбор и сушка диких трав для приготовления лекарств входили в колониальное время в круг обязанностей женщины, которая выступала также в качестве врача, сиделки и акушерки как в своей семье, так и в общине»^{dexi}.

В «Американскую книгу практических советов», популярную книгу рецептов колониального периода, были включены рецепты по приготовлению пищи, а также по бытовой химии и медицине. Например, для того чтобы вылечиться от стригущего лишая, нужно было «раздобыть немного куркумового корня... нарезать его кусочками, залить уксусом и затем протереть пораженное место этой жидкостью»^{dexii}. Экономическая значимость обязанностей женщин по дому в колониальной Америке дополнялась их видной ролью в экономической деятельности вне дома. Было вполне обычным, когда, например, женщина становилась содержательницей таверны.

Вертгеймер отмечала: «Женщины также управляли работой на пиломатериалах, скотобойнях, мукомольных мельницах, делали мебель и плетеные кресла, производили хлопковые и другие ткани, плели кружева и были хозяйками и управляющими галантерейными магазинами, а также магазинами тканей и одежды. Они работали в табачных лавках, в аптеках-закусочных (где они продавали приготовленную ими пищу), в универсальных магазинах, которые продавали все — от булавок до развесного мяса. Женщины шлифовали линзы, плели сети и канаты, раскраивали и шили одежду из кожи, делали карды для прочески шерсти и даже были малярами. Часто они были владельцами похоронных контор в небольших городах»^{dexiii}.

После войны за независимость бурное развитие индустриализации привело к образованию фабрик в северо-восточной части этой новой страны. Текстильные фабрики Новой Англии стали удачливыми пионерами фабричной системы. Так как прядение и вязание были традиционно женским занятием, женщины стали первыми рабочими, которых владельцы фабрик наняли для работы на новых механических ткацких станках. Учитывая отстранение впоследствии женщин от промышленного производства в целом, ирония экономической истории страны состоит в том, что первыми промышленными рабочими были женщины.

По мере того как развивалась индустриализация, экономическое производство перемещалось из дома на фабрику, и труд женщин по дому неуклонно утрачивал свое значение. Женщины страдали вдвойне и потому, что их традиционная работа была узурпирована набиравшими силу фабриками, и потому, что экономика в целом перешла на промышленную основу, лишив многих женщин их важной роли в экономике. К середине XIX века фабрики обеспечивали производство текстиля, свечей и мыла. Даже масло, хлеб и другие пищевые продукты стали предметами массового производства.

В журнале «Социалистическая революция» отмечалось, что «к концу века вряд ли кто-нибудь самостоятельно делал крахмал или кипятил белье в котле. В больших городах женщины в магазинах покупали хлеб и по крайней мере нижнее белье. Они учили своих детей в школах. Возможно, некоторые вещи они отдавали в прачечную... Промышленный поток прошел, оставив после себя никому не нужные ткацкий станок на чердаке и мыловаренный котел в сарае»^{dexiv}.

Как только промышленный капитализм достиг расцвета, разрыв между новой экономической деятельностью и старой экономикой, базировавшейся на домашнем хозяйстве, стал еще более заметным. Физическое перемещение экономического производства, вызванное распространением фабричной системы, было, без сомнения, важной вехой. Но еще большее значение имела всеобщая переоценка производства, обусловленная новой экономической системой. Если продукт, производившийся в домашнем хозяйстве, имел потребительную стоимость прежде всего потому, что отвечал основным потребностям семьи, то значимость товаров фабричного производства заключалась главным образом в их меновой стоимости, их способности удовлетворять стремление предпринимателя к прибыли. Эта переоценка материального производства определила, помимо территориального производства (между домом и фабрикой), фундаментальное структурное разделение между натуральным хозяйством и капиталистической экономикой, ориентированной на прибыль. Так как работа по дому не приносит прибыли, домашний труд, естественно, стал считаться второстепенным по сравнению с капиталистическим наемным трудом.

Важным, хотя и не главным, общественным результатом этой радикальной экономической трансформации было появление «домохозяйки». В общественном представлении роль женщины изменилась: она стала восприниматься уже как страж обесцененной домашней жизни. Однако этой переоценке роли женщины был брошен смелый вызов большим числом женщин-иммигранток, пополнивших ряды рабочего класса Северо-Востока. Эти белые женщины-иммигрантки были прежде всего наемными рабочими и только потом домохозяйками. Были и другие женщины, их были миллионы, они занимались тяжелым трудом вне дома как подневольные производители рабовладельческой экономики Юга. Реальное положение женщин в американском обществе XIX века определялось тем, что белые женщины проводили свои дни в работе на фабриках за грошовую зарплату, а черные женщины трудились в условиях рабского принуждения. «Домохозяйка» была лишь частью этой реальности, так как в действительности она была символом экономического процветания зарождавшихся средних слоев.

Хотя понятие «домохозяйка» коренилось в социальных условиях жизни буржуазии и средних слоев, буржуазная идеология XIX века утвердила представление о домохозяйке и матери как универсальных критериях женственности. Поскольку широко пропагандировалось, что призвание женщин заключается в исполнении ими обязанностей по дому, женщины, вынужденные становиться наемными рабочими, воспринимались мужчинами как чужаки, пришельцы в общественном производстве. После выхода за пределы своей «естественной» сферы женщины уже не могли рассматриваться как полноценные наемные рабочие. Они расплачивались за это длительным рабочим днем, худшими условиями труда и меньшей по сравнению с мужчинами зарплатой за один и тот же труд. Их эксплуатация была даже более интенсивной, чем эксплуатация мужчин. Нет нужды говорить, что половое неравенство явилось источником баснословных сверхприбылей для капиталистов.

Различие структуры между общественным производством капитализма и частным домашним постоянно углублялось из-за присущей домашнему труду примитивности. Несмотря на рост количества новых приспособлений для работы по дому, домашний труд не был качественно затронут технологическими достижениями промышленного капитализма. Работа по дому до

сих пор отнимает у домохозяйки, как правило, тысячи часов в год. В 1903 году Шарлотта Перкинс Джилмэн предложила определять домашний труд, который отражал сдвиги, изменившие структуру и содержание домашнего труда в США, следующим образом:

«Понятие «домашний труд» относится не к особой разновидности труда, а к определенной ступени труда, к фазе развития, через которую проходят все его разновидности. Все отрасли промышленности были некогда «домашними», т. е. все делалось дома и в интересах семьи. Все отрасли с того отдаленного периода поднялись на более высокие ступени развития, за исключением одной или двух, которые остались на своей первоначальной стадии»^{dexv}.

«Домашнее хозяйство,— утверждает Джилмэн,— не получило развития, адекватного другим нашим институтам». Экономика домашнего хозяйства обнаружила «...сохранение примитивной бытовой техники в современном промышленном обществе, все это связывало женщин, не давало проявить себя вне домашнего очага»^{dexvi}

Подчеркивая, что домашняя работа негативно влияет на женщин, Джилмэн пишет: «Она женственна более чем достаточно, так же как мужественен мужчина, но она не является человеком в том смысле, в каком им является мужчина. Домашняя жизнь не выявляет наших человеческих качеств, так как мы отстранены от характерных ценностей человеческого прогресса»^{dexvii}. Работа утверждения Джилмэн подтверждается историческим опытом черных женщин США. На протяжении всей истории страны большинство черных женщин работало вне дома. Во времена рабства женщины занимались тяжелой работой бок о бок со своими мужчинами на хлопковых и табачных плантациях, а когда стала развиваться промышленность и на Юге, их можно было увидеть на табачных фабриках, на сахарных заводах и даже на лесопилках и в бригадах, укладывавших железнодорожные рельсы. В работе женщины-рабыни были на равных со своими мужчинами. Так как они на работе страдали от изнуряющего равенства с мужчинами, то и дома, в рабских лачугах, они обладали большим равноправием, чем их белые сестры — домохозяйки.

Прямым следствием работы вне дома для черных женщин, как «свободных», так и рабынь, было то, что работа по дому у них никогда не занимала главенствующего места. Они в значительной степени избежали психологической травмы, которую промышленный капитализм нанес белым домохозяйкам из средних слоев, чьи добродетели заключались якобы в женской слабости и покорности. Вряд ли черные женщины могли стремиться к слабости. Им надо было стать сильными, так как их семьи и общины нуждались в этом для того, чтобы выжить. Доказательством силы черных женщин, силы, выкованной работой, работой и еще раз работой, являются заслуги многих выдающихся женщин-лидеров, вышедших из черной общины. Гарриет Табмэн, Соджорнер Трус, Ида Уэллс и Роза Паркс — не исключение, а характерный тип черной женщины. Однако черные женщины заплатили большую цену за то, чтобы иметь эту силу и получить относительную независимость. Хотя они редко бывали «только домохозяйками», они всегда делали работу по дому. Таким образом, они несли двойное ярмо — наемного труда и домашней работы,— двойное ярмо, всегда требующее от работающей женщины упорства и силы Сизифа. Как было отмечено У. Дюбуа в 1920 году: «...лишь немногие женщины рождены свободными, другие же достигали свободы в оскорблениях и брани, но нашим черным женщинам свобода была презрительно брошена. С этой свободой они покупают неограниченную независимость и платят за нее столь дорогую цену, что в конце концов она станет лишь насмешкой и проклятием»^{dexviii}.

Так же, как и их мужчины, черные женщины работали до тех пор, пока они могли работать. Так же, как и их мужчины, они брали на себя обязанности кормильца семьи. Такие необычные женские качества, как настойчивость и самостоятельность, за которые черных женщин часто хвалили, но гораздо чаще упрекали, являются отражением их труда и борьбы вне дома. Подобно их белым сестрам — домохозяйкам, они готовили пищу, делали уборку по дому, воспитывали и обучали бесчисленное количество детей. Но в отличие от белых домохозяек, которых приучили полагаться на своих мужей в вопросах материального обеспечения, черным женам и матерям-труженицам вне дома, как правило, не хватало ни времени, ни сил, чтобы по-настоящему заняться домашними делами. Подобно своим белым сестрам из рабочего класса, которые также несли двойное ярмо — работа для добывания средств к существованию и уход за мужьями и детьми,— черные женщины нуждаются в освобождении от этого гнетущего тяжелого положения очень давно.

Сегодня для черных женщин и всех их сестер-рабочих осознание возможности освободиться от ноши домашних дел и ухода за ребенком стало одной из главных целей движения за освобождение женщин. Уход за детьми и приготовление пищи должны быть поставлены на общественную основу, домашний труд должен быть индустриализован — и все эти услуги должны быть легко доступны рабочему классу.

Фактически полное отсутствие публичного обсуждения возможности обобществления домашней работы свидетельствует о массовом одурманивании буржуазной пропагандой. Нет, дело не в том, что роли женщины в домашних делах вообще не уделяется внимания. Напротив, представители современного женского движения считают работу по дому важной составной частью угнетения женщин. В некоторых капиталистических государствах даже есть движения, которые главной задачей ставят облегчение трудного положения домохозяйки. Эти движения, считая, что работа по дому угнетает и деградирует женщину прежде всего потому, что это неоплачиваемый труд, выдвинули требование его оплаты. Еженедельная зарплата, выплачиваемая государством за такую работу, по мнению активистов этих движений, улучшит статус домохозяйки и общественное положение женщин в целом. Движение за оплату домашнего труда возникло в Италии, где в марте 1974 года состоялась его первая демонстрация. Обращаясь к толпе, собравшейся в городе Местре, одна из выступавших заявила:

«Половина мирового населения не получает платы — это самое величайшее классовое противоречие! И вот мы начинаем нашу борьбу за зарплату домохозяек. Это стратегическое требование. В настоящий момент это наиболее революционное требование для всего рабочего класса. Если мы победим, победит и класс, если мы потерпим поражение, его потерпит и класс»^{dexix}. Согласно стратегии этого движения, вопрос о зарплате является ключевым для эмансипации домохозяек, и это требование само по себе представляется центральным во всей кампании за освобождение женщин в целом. Более того, борьба за оплату их труда объявляется центральным вопросом всего рабочего движения. Теоретические истоки движения за оплату домашнего труда могут быть найдены в очерке Мариарозы Делла Косты, озаглавленном «Женщины и разрушение общины»^{dexxx}. В этой работе Делла Коста настаивает на пересмотре определения домашнего труда, основываясь на тезисе об иллюзорности личного характера домашних услуг. Она утверждает, что домохозяйка обслуживает личные потребности своих детей и мужа лишь внешне, а реальным потребителем услуг домашней хозяйки является нынешний наниматель ее мужа и будущий — ее детей.

«Женщина,— пишет она,— изолирована дома, принуждена выполнять работу, которая рассматривается как неквалифицированная: рождение, выхаживание и обслуживание будущего рабочего-производителя. Ее роль в производственном цикле остается невидимой, потому что заметен только продукт ее труда, труженик»^{dexxi}.

Требование, чтобы домохозяйки получали оплату за свой труд, основано на предпосылке, что они производят предмет

потребления, такой же важный и ценный, как и их мужья на своей работе. Следуя логике Делла Косты, движение за оплату домашнего труда классифицирует домохозяйку как создательницу рабочей силы, продаваемой членами их семей как предмет потребления на капиталистическом рынке.

Делла Коста была не первым теоретиком, предложившим такой анализ угнетения женщин. И Мэри Инмен в работе «В защиту женщины» (1940)^{dccxxii}, и Маргарет Бенстон в «Политической экономии освобождения женщин» (1969)^{dccxxiii} определяют домашнюю работу таким образом, чтобы выделить женщин в особый класс эксплуатируемых капитализмом рабочих, названных «домохозяйками». Вряд ли можно отрицать то, что роль женщин как матерей, воспитательниц детей и домашних хозяек дает возможность членам их семей работать — продавать свою рабочую силу. Но следует ли из этого автоматически, что роль женщин в целом, безотносительно к их классам и расам, может определяться с учетом лишь их домашних функций? Следует ли из этого автоматически, что домохозяйка в действительности является своего рода тайным рабочим в процессе капиталистического производства?

Если промышленная революция завершилась структурным разделением домашней и общественной экономики, тогда работа по дому не может быть определена как составная часть капиталистического производства, скорее она является его предварительным условием. Предпринимателя нисколько не интересует то, как производится и поддерживается в нормальном состоянии рабочая сила, его интересует лишь ее пригодность и способность приносить прибыль. Другими словами, процесс капиталистического производства предполагает физическое существование самого рабочего.

В журнале американских коммунистов отмечалось, что «воспроизводство рабочей силы является не частью процесса общественного производства, а его необходимым предварительным условием. Оно происходит за пределами процесса труда. Его функция — сохранение человеческого существования, что является конечной целью производства во всех обществах»^{dccxxiv}.

В южноафриканском обществе, где расизм облек экономическую эксплуатацию в наиболее жесткие формы, структурное отделение домашнего хозяйства от капиталистической экономики осуществлялось характерными насильственными методами. Социальные архитекторы апартеида легко подсчитали, что труд черных приносит больше доходов в условиях практически полного разрушения домашней жизни. Черные мужчины рассматриваются классом капиталистов как орудия труда, ценность которых обуславливается их производственным потенциалом. Но их жены и дети «являются излишними и непроизводительными придатками, женщины не что иное как производители черных рабочих»^{dccxxv}.

Эта характеристика африканских женщин как «излишних придатков» вряд ли метафора. В соответствии с законодательством ЮАР, безработной черной женщине запрещено появляться в районах, где живут белые (87% территории страны), в большинстве случаев — даже в городах, где живут и работают их мужья.

Сторонники апартеида считают домашнюю жизнь черных в промышленных центрах ЮАР излишней и не приносящей дохода. Ее рассматривают также и как угрозу.

Э. Лэндис писала, что «представители правительства признают роль женщин в создании домашнего очага, но опасаются, что их присутствие в городах приведет к доминированию черного населения»^{dccxxvi}.

Объединение африканских семей в промышленных городах осознается как угроза, потому что домашняя жизнь может послужить основой для усиления сопротивления апартеиду. Это, несомненно, объясняет, почему многим женщинам, имеющим разрешение на проживание в районах белых, предписано жить в общежитиях с раздельным проживанием полов. Замужние, так же как и одинокие, женщины отказываются жить в этих домах. В таких общежитиях семейная жизнь строго запрещена, жены и мужья не могут навещать друг друга и дети не могут навещать своих родителей^{dccxxvii}.

Это интенсивное наступление на права черных женщин в Южной Африке уже принесло свои плоды — сейчас только 28,2% женщин собираются вступить в брак^{dccxxviii}. По соображениям экономической целесообразности и политической безопасности режим апартеида проводит разрушительную политику вплоть до полного уничтожения семейного уклада черного населения.

Южноафриканское правительство не проводило бы политику последовательного разрушения семейного уклада, если бы работа женщины по дому в действительности являлась необходимой частью функционирования наемной рабочей силы в условиях капитализма. Тот факт, что южноафриканская модель капитализма вполне может обойтись без семейного уклада, представляет собой следствие отделения домашнего хозяйства от процесса общественного производства, характерного для капиталистического общества в целом. Поэтому, по присущей капитализму логике, женщина не должна получать зарплату за работу в домашнем хозяйстве. Исходя из того, что теория, основанная на необходимости оплаты, ошибочна, быть может, с политической точки зрения имеет смысл выступать за оплату труда домохозяйки? Кто посмеет отрицать моральное право женщины требовать оплаты за часы, проведенные за работой по дому? Идея об оплате труда домохозяйки для многих женщин звучит достаточно привлекательно. Но эта привлекательность, возможно, будет недолговечной. Кто из этих женщин согласится целиком посвятить себя изнуряющему, нескончаемому домашнему труду, пусть даже за деньги? Разве это сможет изменить положение, охарактеризованное В. И. Лениным в следующих словах: «Женщина продолжает оставаться домашней рабыней, несмотря на все освободительные законы, ибо ее давит, душит, отупляет, принижает мелкое домашнее хозяйство, приковывая ее к кухне и к детской, расхищая ее труд работою до дикости непроизводительною, мелочною, изнервляющею, отупляющею, забивающею»^{dccxxix}. Представляется, что правительственные пособия для домохозяек лишь усилят их домашнее рабство.

То, что женщины, получающие государственные пособия, редко требуют компенсацию за работу по дому, прямо опровергает установки движения за оплату домашнего труда. В качестве неотложной альтернативы бесчеловечной системе государственных пособий они наиболее часто выдвигают лозунг «гарантированного ежегодного дохода для всех», а не «оплаты домашнего труда». В длительной перспективе эти женщины хотят работы и доступных общественных детских учреждений. Гарантированный ежегодный доход представляет собой, следовательно, страхование по безработице, а также надежду на создание дополнительных рабочих мест с соответствующей их оплатой и субсидированной системы детских учреждений. Положение горничных, уборщиц, служанок наглядно демонстрирует всю ущербность стратегии «оплаты за домашний труд». Эти женщины лучше всего знают, что означает получать деньги за работу на дому. Их трагическая судьба великолепно показана в фильме Усмана Самбена «Черная из...»^{dccxxx}. Главная героиня — молодая сенегалка — после долгих поисков работы устраивается гувернанткой во французскую семью, проживающую в Дакаре. Когда хозяева решили вернуться в Европу, она с энтузиазмом поехала с ними. Однако во Франции эта женщина очень скоро поняла, что выполняет функции не столько гувернантки, сколько домашней прислуги. Ее недавний энтузиазм сменился депрессией, столь глубокой, что она отказалась взять деньги за свою работу. Хозяева не могли компенсировать ей рабства. Не имея средств вернуться в Сенегал, эта женщина предпочла самоубийство ежедневной готовке обедов, стирке, уборке, чистке...

В Соединенных Штатах цветная, и особенно черная, женщина получает плату за работу по дому уже много десятилетий. В 1910

году, когда более половины черных женщин работало вне дома, треть из них были домашней прислугой. В 1920 году более половины работало служанками, а в 1930 году эта доля выросла до 60%^{dexxxi}. После второй мировой войны произошли заметные позитивные сдвиги в структуре занятости черного населения, в результате чего сократился удельный вес домашней прислуги. В 1960 году 1/3 всех работающих черных женщин все еще была занята в традиционных сферах^{dexxxii}. И лишь тогда, когда конторская работа стала доступной для черных женщин, их доля в числе занятых в качестве домашней прислуги стала неуклонно уменьшаться. В настоящее время она составляет около 13%^{dexxxiii}.

Изнауряющие домашние обязанности женщины являются ярким доказательством всей глубины дискриминации по признаку пола. Дискриминация и расизм вынуждают многих черных женщин выполнять не только свои домашние дела, но и прислуживать в других домах. Негритянская прислуга вынуждена зачастую фактически забрасывать собственный дом и даже своих детей, чтобы справиться с работой в доме белой женщины. В миллионах домов белых оплачиваемая домработница призвана выполнять одновременно смешанную роль домохозяйки и матери.

Свыше 50 лет организованные усилия домашних слуг были направлены на то, чтобы изменить характер своей работы, отвергая статус псевдомохоозяйек. Заботы домашней хозяйки бесконечны и неопределенны. Домашняя прислуга в первую очередь требует, чтобы были четко регламентированы ее обязанности. Само название одного из крупнейших на сегодняшний день профсоюзов домработниц — Американские специалисты домашнего хозяйства — отражает их отказ быть псевдомохохозяйками, работа которых — «просто работа по дому». До тех пор пока на домашней прислуге лежит тень роли домохозяйки, ее зарплата будет скорее ассоциироваться с «пособием» для домохозяйки, чем с заработком рабочего. По данным Национального комитета по занятости в домашнем хозяйстве, работающий полный рабочий день «специалист домашнего хозяйства» получал в среднем в 1976 году только 2732 доллара в год, причем 2/3 из них зарабатывали менее 2 тыс. долларов^{dexxxiv}. Хотя на домашнюю прислугу за несколько лет до этого был распространен закон о минимальной заработной плате, в 1976 году около 40% все еще получали зарплату значительно ниже установленного уровня. Члены движения за оплату домашнего труда считают, что если женщина получает деньги за то, что она является домохозяйкой, то тем самым повышается ее социальный статус. Однако весь многолетний опыт борьбы домашней прислуги, остающейся наиболее низкооплачиваемой среди всех других групп рабочих при капитализме, свидетельствует совершенно об обратном.

Сегодня по найму работает свыше половины всех американских женщин. Они составляют 41% всей рабочей силы страны. Кроме того, огромное число женщин не может в настоящее время найти достойной работы. Как и расизм, дискриминация по признаку пола является одной из важнейших причин высоких показателей безработицы среди женщин.

Многие женщины считаются «просто домохозяйками», хотя в действительности они являются безработными. Может быть, было бы лучше изменить роль «просто домохозяйек», потребовав предоставить женщинам работу на равноправных основах с мужчинами и создать специальные службы (например, детские учреждения) и льготы по месту работы (отпуска для матерей и т.п.)? Это дало бы возможность большему числу женщин работать вне дома.

Движение за оплату домашнего труда призывает женщин отказаться от работы вне дома, утверждая, что «рабство у конвейера» не означает освобождения от «рабства у кухонной плиты»^{dexxxv}. Представительницы движения утверждают, однако, что они не выступают за то, чтобы еще больше ограничить женщин заботами по дому. Они заявляют, что, отказываясь работать на капиталистический рынок, они в то же время не намерены обречь женщин на вечную работу у домашнего очага. Американская представительница этого движения отмечала: «...мы не заинтересованы в том, чтобы наша работа была более эффективной или более производительной для капитала. Мы заинтересованы в уменьшении нашего труда и в конечном итоге в полном отказе от работы. Но пока мы работаем по дому бесплатно, никто по-настоящему не задумывается, сколько и как интенсивно мы работаем. В результате борьбы рабочих за повышение зарплат у капитала останется только один путь снижения издержек производства — внедрение новой технологии. Если только мы сделаем стоимость нашей работы очевидной (т. е. если она будет экономически невыгодной), капитал будет вынужден «вспомнить» о технологии для ее облегчения. В настоящее время мы должны работать по две смены, чтобы купить посудомоечную машину, которая облегчила бы наш труд»^{dexxxvi}.

Если женщина добьется права на оплату своего труда, она сможет выдвинуть требования о повышении зарплаты и тем самым заставить капиталистов пойти на индустриализацию домашнего труда. Является ли это конкретной стратегией, направленной на освобождение женщины, или это нереализуемые мечты?

Каким образом женщины предполагают вести борьбу за оплату? Делла Коста предлагает «забастовку домохозяйек».

«Мы должны, — говорит она, — отказаться от дома, потому что мы добиваемся единства всех женщин для борьбы против всего, что привязывает женщину к дому... Отказ от домашней работы уже представляет собой одну из форм борьбы. Прекратилось бы осуществление тех социальных функций, которые должны выполняться в таких условиях»^{dexxxvii}.

Но если женщины должны оставить дом, то куда они пойдут? Каким образом они смогут объединиться? Неужели они действительно оставят свои дома лишь для того, чтобы протестовать против своих домашних обязанностей? Не будет ли более реалистичным призвать женщин «оставить дома» и искать работу — или по меньшей мере участвовать в массовой кампании за достойную работу для женщин? Верно, что работа в условиях капитализма носит бесчеловечный, неконструктивный и отталкивающий характер. Но, несмотря на это, только на работе женщины могут объединиться со своими сестрами и братьями и бросить вызов капиталистам на производстве. В качестве рабочих, боевых активистов рабочего движения женщины способны стать реальной силой в борьбе с главной силой и основным получателем выгод от дискриминации женщин — системой монополистического капитализма.

Стратегия борьбы за оплату домашнего труда вряд ли будет способствовать решению в конечном счете проблемы дискриминации женщин и практически ничего не дает для улучшения положения современных домохозяйек. Последние социологические исследования выявили, что сегодня домохозяйки в большей, чем когда-либо ранее, степени не удовлетворены своим положением. Когда Энн Оукли брала интервью для своей книги «Социология домашнего хозяйства»^{dexxxviii}, она обнаружила, что даже те домохозяйки, которые сначала, казалось, не выражали недовольства своими домашними обязанностями, в конечном счете высказали чувство глубочайшего неудовлетворения. Она приводит слова женщины, которая работает на фабрике.

«Вопрос. Нравится ли Вам работа по дому?

Ответ. Я не бегу от нее... Мне кажется, что я не против домашней работы, потому что не занимаюсь ею целый день. Я работаю, а дома — только половину дня. Если бы я занималась домашней работой целый день, вряд ли бы мне это понравилось, для женщины дома всегда есть работа, она на ногах весь день, даже перед тем, как лечь спать, приходится что-то делать: вытряхнуть пепельницы, вымыть чашки. Всегда что-то надо делать. И так каждый день. Вы не можете себе сказать, что вы не собираетесь

этого делать, потому что это нужно делать, например, готовить еду: если вы не сделаете этого, дети останутся голодными... Я думаю, что к этому привыкаешь, только делаешь все автоматически... На работе мне лучше, чем дома.

Вопрос. Что, по Вашему мнению, самое худшее в положении домохозяйки?

Ответ. Зачастую бывает, что думаешь: вот сейчас встану и буду делать то же, что делала уже много-много раз. Вся эта рутина смертельно надоела. Я думаю, можно спросить любую домохозяйку и, если у нее хватит смелости, она прямо ответит, что чувствует себя человеком, полжизни выполняющим тяжелую нудную работу. Все мы по утрам думаем одно и то же: «О боже! Опять сегодня буду делать то же самое до самой ночи». Самое ужасное, что каждый день делать одно и то же — скука»^{dexxxxix}.

Может ли оплата скрасить этот тягостный труд? Эта женщина, безусловно, ответила бы «нет». Одна неработающая домохозяйка так высказала мысль о принудительности домашнего труда:

«По-моему, самое противное состоит в том, что ты должна работать именно потому, что остаешься дома. Даже когда у меня есть возможность передышки, я не чувствую, что могу ничего не делать — я знаю, что должна работать»^{dexxi}.

По всей видимости, если бы труд этой женщины оплачивался, то это лишь усугубило бы ее положение. Оукли пришла к выводу, что домашний труд — особенно у неработающей домохозяйки — в такой степени влияет на нее, что личность как бы стирается, разрушается этой работой.

Оукли пишет: «Домохозяйка — это в значительной степени то же самое, что и ее работа: разделение субъекта и объекта в данной ситуации чрезвычайно затруднено»^{dexli}.

Психологические последствия при этом часто выражаются в комплексе неполноценности, крайне отрицательно влияющем на личность. Психологического освобождения вряд ли удастся достигнуть просто оплатой труда домохозяек.

Другие социологические исследования подтверждают, что домохозяйки постоянно испытывают глубокое разочарование. Майра Ферри^{dexlii} опросила более ста женщин в рабочем пригороде Бостона, и «неудовлетворенность своей жизнью среди домохозяек была почти в два раза больше, чем среди работающих женщин». Нет нужды говорить, что большинство работающих женщин занято на не удовлетворяющей их работе. Они работают официантками, фабричными работницами, машинистками, продавцами супермаркетов и универмагов и т.п. Но возможность разорвать изолированность внутри дома, «выйти и посмотреть на других людей» столь же важна для них, как и зарплата. Будет ли домохозяйка, чувствуя, что, оставаясь дома, она «сходит с ума», приветствовать идею получать деньги за возможность стать сумасшедшей? Одна из женщин сказала, что «находиться целый день дома — это все равно, что сидеть в тюрьме». И разве деньги разрушат стены ее тюрьмы? Единственным реальным выходом из этой тюрьмы является работа по найму.

Тот факт, что сейчас в США более половины всех женщин работает по найму, представляет собой весомый аргумент в пользу облегчения бремени домашнего труда. Дело в том, что промышленные капиталисты уже стали использовать в своих интересах новую историческую тягу женщин к эмансипации, их отказ от роли домохозяек. Наличие огромной сети процветающих компаний типа «Макдональдс» и «Кентукки фрайд чикен», специализирующихся на быстром приготовлении пищи, наглядно показывает, что чем больше женщин работает, тем меньше людей обедает дома. Бизнес, основанный на промышленном приготовлении пищи, при всей ее некалорийности и небезопасности для здоровья, бизнес, процветающий на эксплуатации рабочих этих производств, обратил внимание на приближающееся отмирание института домохозяек. Необходимы новые социальные институты, которые взяли бы на себя значительную часть традиционных обязанностей женщин по дому. Таково требование огромных масс работниц. Потребность в универсальной и субсидируемой системе детских учреждений представляет собой прямое следствие увеличения числа работающих матерей. И чем больше женщин объединится вокруг требований работы на началах равноправия с мужчинами, тем острее встанет вопрос о необходимости в будущем облегчения домашнего труда. Возможно, есть доля истины в том, что «рабство у конвейера» не является само по себе «освобождением от кухонной плиты», но конвейер, безусловно, лучшее место для борьбы женщин за ликвидацию векового семейного рабства. Всестороннее облегчение домашних обязанностей — личное дело каждой женщины и одновременно важнейшая стратегическая цель освобождения всех женщин. Но обобществление домашнего хозяйства, включая приготовление пищи и уход за детьми, требует положить конец диктату частнособственнических мотивов в экономике. Более того, в условиях капитализма требование равноправия с мужчинами на получение и оплату работы, а также создания таких институтов, как субсидируемая система общественных детских учреждений, несет в себе готовый взорваться революционный потенциал. Эта стратегия ставит вопрос о целесообразности существования монополистического капитализма и в конечном счете должна вести к борьбе за социализм.

Вместо заключения

ВЛИЯНИЕ РАСИЗМА И МИЛИТАРИЗАЦИИ НА БОРЬБУ ЗА ЖЕНСКОЕ РАВНОПРАВИЕ

(Выступление А. Дэвис 31 мая 1985 года в Нью-Йорке на семинаре, посвященном подведению итогов объявленного ООН Десятилетия женщины)

Администрация Рейгана серьезно опасается итогов предстоящей конференции и форума в Найроби, где тысячи мужчин и женщин со всего мира будут обсуждать современное состояние борьбы за эмансипацию женщин. Представители администрации Рейгана уже давно начали публично сокрушаться по поводу так называемой «политизации» конференции, как будто проблемы женщин ограничиваются сферами общественной жизни, находящимися вне политики. То, что Рейган называет противодействием «политизации» проблем женщин, на самом деле означает попытку вновь заключить женщин в стенах кухни, спальни и детской, которые, кстати, не так уж и «забронированы» от политики. Как известно, Рейган заявил, что проблема безработицы была бы менее серьезной, если бы женщины всего лишь прекратили искать работу и если бы они не претендовали более ни на что, кроме привычной роли жены, матери и домохозяйки. Женщины, призванные представлять интересы администрации Рейгана на конференции в Найроби — его дочь Маурин и бывшая воинственная представительница США в Организации Объединенных Наций Джин Киркпатрик, — хотели бы убедить нас в том, что ни расизм, ни апартеид не имеют отношения к женским проблемам. И они яростно утверждают, что сионизм не имеет никакого отношения к борьбе женщин за эмансипацию.

В политическом докладе Фонда наследия — «мозгового центра» правых, который выработал важнейшие направления политического курса администрации Рейгана, — говорится: «Основной интерес Соединенных Штатов во время проведения Десятилетия женщины под эгидой ООН состоял в том, чтобы повысить роль женщин в жизни общества и улучшить их положение в различных странах мира. Положение женщин в США хотя и не идеально, но оно может служить примером». В докладе содержится рекомендация правительству США приостановить предоставление внешней помощи с тем, чтобы превратить конференцию в «собрание», которое оставит без внимания самые жгучие проблемы, стоящие перед человечеством. В докладе предлагается оказать нажим на правительство Кения, чтобы оно отказалось дать визы тем, кто может «политизировать» форум.

Мы, безусловно, должны осудить подобные попытки манипулировать конференцией и форумом в Найроби. Мы должны вместе с тем отметить, что концентрированная атака правительства Рейгана на Десятилетие женщины ООН представляет собой косвенное признание ослабления его позиций на международной арене. В то же время мощь прогрессивных сил в мире растет, укрепляются позиции тех, кто твердо привержен делу избавления планеты от чумы империалистической агрессии, тех, кто хочет создать экономический порядок, который может избавить нас от эксплуатации, порожденной транснациональными корпорациями, тех, кто действительно выступает против дискриминации по признаку расы и пола. И те из нас, кто приедет на форум в Найроби в июле — по крайней мере многие из делегации США, — возьмутся за руки с нашими сестрами и братьями, которые идут к освобождению, и с нашими сестрами и братьями в социалистических странах, которые первыми прошли этот путь.

Примечательно, что на форуме в Найроби представительство женщин из США будет качественно отличаться от двух предыдущих международных встреч — в Мехико и Копенгагене. Разумеется, один год, посвященный женщине Организацией Объединенных Наций в 1975 году, — слишком короткий срок, чтобы внести существенные изменения в положение женщин. И мы, конечно, знаем, что и десять лет — не более чем мгновение по сравнению с тем временем, которое необходимо для радикального изменения женской доли во всем мире. Однако, учитывая то, что удалось и чего не удалось достигнуть, мы можем сказать, что за эти десять лет в Соединенных Штатах многие женщины глубоко осознали взаимозависимость с женщинами других стран. У нас появилось более глубокое понимание целей объявленного десятилетия: Равенство, Развитие, Мир. Мы осознаем бесполезность попыток выработать стратегию эмансипации женщин, в которой бы не учитывались экономические условия жизни братьев, отцов, сыновей и мужей женщин из рабочего класса и крестьянства во многих странах мира. Мы подчеркиваем, что женщины, живущие в странах, где в экономике господствуют иностранные монополии, безусловно должны бросить вызов этому господству, если они хотят добиться хоть какого-то прогресса в своей борьбе. Никто не может, например, дать гарантии женщинам Никарагуа в том, что они достигнут своих целей, если они не станут в ряды защитников сандинистской революции, борющихся против интервенционистской политики администрации Рейгана. Точно так же в Южной Африке женщины, особенно страдающие от жестоких форм угнетения, не могут достигнуть прогресса в борьбе за свои права, если они не станут бойцами в более крупной битве за свержение правительства белого меньшинства и, разумеется, капиталистической экономической системы, на которой зиждется апартеид.

Мы все острее начинаем осознавать необходимость сделать борьбу за мир главным направлением нашей борьбы. Празднуя сороковую годовщину победы над фашизмом, мы должны поклясться сделать все, что в наших силах, чтобы предотвратить всеобщее ядерное уничтожение, которое становится реальностью для всего мира в результате действий военно-промышленного комплекса США. 50 миллионов человек погибли от зверств фашистов во время второй мировой войны — причем только в Советском Союзе погибло более 20 миллионов человек.

Следует напомнить, что во время второй мировой войны США начали работу над созданием нового вида оружия, названного «оружием оборонительной войны». Как известно, это оружие оказалось атомной бомбой, взорванной в Хиросиме и Нагасаки. Пусть те, кто сегодня занимается подготовкой «звездных войн», извлекут из этого урок. И атомная бомба в свое время начинала создаваться с «безобидного исследования». Стратегическая оборонная инициатива — удивительно схожая по названию с «ограниченным оружием оборонительной войны» — также несет угрозу смерти. Р. Рейган выдает «звездные войны» за оборонительный щит США против якобы возможного нападения СССР. Однако в действительности эта программа представляет собой составную часть системы оружия первого удара. По плану Рейгана, такое оружие, как ракеты «МХ» и «Трайидент-П», можно применить против СССР первыми, а система оружия «звездных войн» призвана обеспечить защиту от любого возмездия. На самом деле программа «звездных войн» рассчитана не на защиту гражданского населения, она рассчитана на защиту ракет Пентагона. По приблизительным оценкам, СОИ обойдется в один миллиард долларов, что заметно ухудшит социально-экономическое положение простых американцев. *Женщины будут первыми, кто пострадает от программы «звездных войн».*

Женщины первыми пострадают от программы «звездных войн», так как расходы на социальные услуги, в которых нуждаются одинокие матери — особенно афроамериканки, женщины латиноамериканского происхождения и коренные американки, — будут, несомненно, сокращены в пользу бюджета «звездных войн». Как известно, первыми пострадали от агрессивной политики администрации Рейгана наиболее бедные и нуждающиеся.

У женщин есть серьезные причины выступать против растущей милитаризации экономики США. Будет невозможно успешно бороться, предположим, за рабочие места, в которых нуждаются женщины, за равную оплату их труда, охрану материнства и детства, всеобщее образование, здравоохранение, если мы не сможем сбить волну милитаризма.

В Нью-Йорке, например, в результате перекачки общественных средств на социальные расходы в военный бюджет программа по охране материнства была сокращена примерно на 1,4 млн. долл. и около 14 тыс. женщин лишилось пособий.

Разумеется, существует более основательная причина сделать борьбу за мир главным направлением нашей деятельности за женское равноправие. Мы должны бороться за безопасность планеты от угрозы ядерного уничтожения. Ведь в случае войны все будет сметено, уничтожено. В ядерной войне ни у кого не будет возможности решать — участвовать или не участвовать в ней.

«Мужчины и женщины, подобно зданиям, заводам и просто вещам, станут жертвами ракет, уничтожающих все без разбора», — отмечает писатель Э. Эсситер в своей книге «Власть женщин и ядерная политика».

Он резко критикует феминисток, которые ведут борьбу за равный с мужчинами доступ в военную сферу, например за то, чтобы женщины наравне с мужчинами имели право быть призванными в армию.

«Их движение, — говорит Э. Эсситер, — явно направлено не в ту сторону. Милитаризм противоречит интересам практически всех членов общества, как женщин, так и мужчин... В том, что женщины идут на военную службу, есть что-то не только неверное, но и *извращенное*. Эти американские феминистки ничего не сделали для того, чтобы противостоять милитаризму «новых правых». Более того, они поощряли тот тип мышления, который неизбежно ведет к возможности ядерной войны, которая может означать гибель их общества и, вероятно, всего человечества».

Женщины США должны поддержать предложенный «кокусом»* черных конгрессменов альтернативный бюджет, предусматривающий замораживание расходов на ядерное оружие, что привело бы к высвобождению миллиардов долларов, которые можно было бы поставить на службу человеку. В альтернативном бюджете предлагается увеличить не финансирование производства ракет «МХ» и «Трайидент-П», а расходы на социальное страхование.

Многие женщины пожилого возраста, которые вынуждены жить на скромные пособия и пенсии, безусловно, приветствовали бы такие меры. По альтернативному бюджету следует выделить 38 млрд. долл. на программы здравоохранения, включая «Мэдикэйд», и на жилищное строительство для инвалидов и престарелых.

Но главное то, что мы, женщины, должны бороться за мир не только и не столько потому, что получим от этого прямую выгоду. Дело в том, что у нас есть обязательство перед нашими сестрами в любой части земного шара: мы должны бросить вызов силам, ведущим нас к всеобщему ядерному уничтожению. Мы должны ясно представлять себе, на ком лежит ответственность за эскалацию гонки ядерных вооружений. Она лежит на Пентагоне, военно-промышленном комплексе США, администрации Рейгана, но не на Советском Союзе. По сути дела, антикоммунистическая пропаганда ведется таким образом, чтобы заставить людей больше бояться Советского Союза, чем всеобщего уничтожения. Как известно, во второй мировой войне СССР потерял более 20 млн. человек. Известно также и то, что он последовательно и настойчиво борется за мир во всем мире.

Женщины США должны осознавать свою интернациональную ответственность. Мы несем ответственность, например, перед женщинами Никарагуа. В Никарагуа в соответствии с законом женщинам предоставлены равные права с мужчинами — то, за что женщины США боролись в течение 60 лет, но чего так и не добились. В настоящее время женщины в этой стране имеют право на образование и успешно решают проблему полной ликвидации неграмотности среди женщин. В течение столь короткого времени, с 1979 года, женщины Никарагуа одержали впечатляющие победы. Разве мы не несем перед ними обязательства бороться за будущее без ядерного оружия, чтобы их дети, внуки и они сами могли пользоваться плодами этих побед? Бросая вызов гонке ядерного вооружения, осуществляемой Рейганом, мы должны также выступать против его политики интервенции в Центральной Америке, направленной на подавление прогрессивных режимов и народных революций.

США несут ответственность не только за то, что поставили планету на грань ядерной катастрофы. Администрация Рейгана несет ответственность за репрессии и геноцид, проводимые против своих народов самыми реакционными диктатурами в мире, так как США оказывают этим диктатурам всяческую помощь и поддержку. Возложение венка на кладбище в Битбурге (ФРГ), где есть и могилы эсэсовцев, стало символом приверженности Рейгана современным фашистским и полуфашистским правительствам.

Женщины Южной Африки — самые многострадальные жертвы апартеида. Южноафриканских женщин и их детей часто заставляют жить на бесплодных землях бантустанов, обрекая их на голод и смерть. В белых кварталах городов им разрешено проживать только тогда, когда они работают домашней прислугой. При этом их вынуждают жить в женских общежитиях, где мужьям и детям запрещено их навещать.

Однако такие женщины, как Винни Мандела, Дороти Нуэмбе и покойная Лилиан Нгои, стали великими борцами за счастье своего народа. Выступая против военной помощи, оказываемой ЮАР администрацией Рейгана (а она охватывает спектр сфер — от военных поставок до сотрудничества в ядерных исследованиях), мы должны одновременно оказать конкретную помощь борцам за свержение системы апартеида. И, несомненно, уничтожение апартеида — лишь вопрос времени. День свержения правительства апартеида станет новым днем не только для женщин Африки, но и для женщин всего мира, в том числе и США, новым днем и для наших братьев, мужей, отцов и сыновей. Мы несем интернациональную ответственность перед палестинскими женщинами, оставшимися на оккупированных Израилем территориях. Кэмп-дэвидские соглашения направлены против женщин и мужчин, сражающихся за свою землю и независимость против сил сионизма. Жертвами кэмп-дэвидской сделки стали многие борцы за свободу на Ближнем Востоке. Ответственность за это полностью лежит на организаторах этой сделки, вдохновителем которой, как известно, были США.

Бросая вызов апартеиду и сионизму, мы должны понять их тесную связь с расизмом внутри нашей страны. А борьба с расизмом в Соединенных Штатах — одна из главных задач женского движения. Активная и эффективная борьба за равенство женщин в огромной степени будет зависеть от нашей способности увязывать ее с борьбой против расизма.

В наши дни одним из самых жестоких проявлений расизма — особенно на востоке страны — стал ужасающий рост полицейских преступлений. Самый отвратительным примером преступлений полиции стал недавний поджог в Филадельфии 60 домов черных рабочих и бессмысленное убийство 11 черных женщин, детей и мужчин. Зверские преступления полиции происходят и в Нью-Йорке, где офицер полиции хладнокровно убил 67-летнюю черную женщину во время выселения ее из дома. Госпожа Бампере, как и многие престарелые цветные женщины, не могла заплатить за жилье.

Усиление расизма выражается также в повсеместных нападках на черных, занимающих выборные должности, на тех, кто

* *Кокус* — принятый в США термин, обозначающий влиятельную группу, верхушку какой-либо (чаще всего партийной) организации.

защищает избирательные законы на Юге. Например, Эвелин Тэрнор — одной из трех черных политических лидеров в графстве Перри, штат Алабама, было предъявлено обвинение в нарушении прав голосования.

Это только некоторые свежие примеры того, как переплетаются дискриминация по признаку расы и дискриминация по признаку пола. Безусловно, борьба за равенство женщин должна быть в то же время и борьбой за расовое и экономическое равенство. И она должна быть борьбой за мир.

Так встретим же форум в Найроби с осознанием того, что в CDJA проблемы женщин из рабочего класса и женщин с небелым цветом кожи в основном схожи с проблемами женщин всего мира, которые считают, что борьбу за равенство женщин можно вести только в контексте общей борьбы за создание более гуманного социально-экономического порядка — порядка, при котором будет уничтожена эксплуатация человека, расизм будет считаться преступлением против общества, а пожар ядерной войны не будет угрожать человечеству.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
От автора	17
<i>Глава 1.</i> Рабство и критерии новой женственности	20
<i>Глава 2.</i> Антирабовладельческое движение и возникновение движения за права женщин	45
<i>Глава 3.</i> Класс и раса на раннем этапе движения за женские права	60
<i>Глава 4.</i> Расизм в женском суфражистском движении	82
<i>Глава 5.</i> Значение освобождения для черных женщин	98
<i>Глава 6.</i> Образование и освобождение: будущее черных женщин	110
<i>Глава 7.</i> Движение суфражисток на пороге столетия. Растущее влияние расизма	121
<i>Глава 8.</i> Черные женщины и клубное движение	137
<i>Глава 9.</i> Трудящиеся женщины, черные женщины и история движения суфражисток	147
<i>Глава 10.</i> Женщины-коммунистки	159
<i>Глава 11.</i> Изнасилование, расизм и миф о черном насильнике	180
<i>Глава 12.</i> Расизм, контроль над рождаемостью и право на деторождение	208
<i>Глава 13.</i> Отмирание в будущем домашней работы. Перспектива рабочего класса	227
<i>Вместо заключения.</i> Влияние расизма и милитаризма на борьбу за женское равноправие	248
Примечания	256

Анджела Дэвис

ЖЕНЩИНЫ, РАСА, КЛАСС

Редактор русского текста А. П. Кандалинцев

Художник Н. Н. Аникушкин

Художественный редактор Л. А. Розова

Технический редактор Г. В. Лазарева

Корректор Т. А. Шустина

ИБ № 12380

Сдано в набор 12.05.86,

Подписано в печать 18.12.86.

Формат 84x108 1/32. Бумага типогр. № 1.

Гарнитура об. новая. Печать высокая, Условн. печ. л. 14,7.

Усл. кр.-отт. 15,12.

Уч.-изд. л. 14,88. Тираж 25 000 экз. Заказ №194. Цена 55 коп. Изд. № 37004.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

119847, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17.

Ленинградская типография № 2 головное предприятие ордена Трудового Красного Знамени *Ленинградского* объединения «Техническая книга» им. Евгении Соколовой Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 198952, г. Ленинград, Л-52, Измайловский проспект, 29.

- ⁱ Phillips U. B. *American Negro Slavery. A Survey of the Supply, Employment, and Control of Negro Labor as Determined by the Plantation Regime*. New York and London, D. Appleton, 1918. См. также статью: Phillips U. B. *The Plantation as a Civilising Factor*. — «Sewanee Review», XII, July, 1904, перепечатанную в: Phillips U. B. *The Slave Economy of the Old South: Selected Essays in Economic and Social History*. Edited by Eugene D. Genovese. Baton Rouge, Louisiana State University Press., 1968. В этой статье, в частности, говорилось: «Суть нашей проблемы в следующем: 1. Век или два тому назад негры были дикарями в джунглях Африки. 2. Те, кого привезли в Америку, и их потомки получили некоторое представление о цивилизации и теперь в определенной степени приспособлены к жизни в современном цивилизованном обществе. 3. Этот прогресс негров в огромной мере является результатом их общения с цивилизованными белыми людьми. 4. Колоссальная масса негров будет проживать среди цивилизованной белой нации неопределенно длительное время. Проблема состоит в том, как мы можем наилучшим образом обеспечить их мирное проживание и дальнейший прогресс в этой нации белых людей? Как мы можем наилучшим образом не допустить того, чтобы они вновь скатились в варварство? Возможное решение большинства этих проблем я вижу в создании плантационной системы хозяйствования» (с. 83).
- ⁱⁱ Замечания об особо тяжелом положении черных рабынь можно найти в многочисленных книгах, статьях и антологиях, изданных под редакцией Герберта Аптекера: *American Negro Slave Revolts*. New York, International Publishers, 1970, First ed. 1948; *To Be Free: Studies in American Negro History*. New York, 1969. First ed. 1948; *A Documentary History of the Negro People in the United States*, v. 1. New York, The Citadel Press, 1969; First ed. 1951; *The Negro Woman*. — «Masses and Mainstream», v. 11, № 2, February, 1948.
- ⁱⁱⁱ Genovese E. D. *Roll, Jordan, Roll: The World the Slaves Made*, New York, Pantheon Books. 1974.
- ^{iv} Blasingame 1 W. *The Slave Community: Plantation Life in the Antebellum South*. London and New York, Oxford University Press, 1972.
- ^v Fogel R. W. and Engerman S. *Time on the Cross: The Economics of Slavery in the Antebellum South*, 2 vol. Boston, Little, Brown & Co., 1974.
- ^{vi} Gutman H. *The Black Family in Slavery and Freedom, 1750—1925*. New York, Pantheon Books, 1976.
- ^{vii} Elkins S. *Slavery: A Problem in American Institutional and Intellectual Life*, 3rd edition, revised. Chicago and London, University of Chicago Press, 1976.
- ^{viii} Moynihan D. *The Negro Family: The Case for National Action*. Washington, D. C., U. S. Department of Labor. 1965. Цит. по: Rainwater L., Yancey W. *The Moynihan Report and the Politics of Controversy*. Cambridge, Mass., MIT Press, 1967.
- ^{ix} DuBois W. E. B. *The Damnation of Women*, Ch. VII of «Darkwater». New York, Harcourt, Brace and Howe, 1920.
- ^x Stamp K. M. *The Peculiar Institution: Slavery in the Antebellum South*. New York, Vintage Books, 1956, p. 343.
- ^{xi} *Ibid.*, p. 31, 49, 50, 60.
- ^{xii} Watkins M. and David J., eds. *To Be a Black Woman: Portraits in Fact and Fiction*. New York, William Morrow and Co., Inc., 1970, p. 16. Цит. по: Botkin B. A., ed. *Lay My Burden Down: A Folk History of Slavery*. Chicago, University of Chicago Press, 1945.
- ^{xiii} Wertheimer B. *We Were There: The Story of Working Women in America*. New York, Pantheon Books, 1977, p. 109.
- ^{xiv} *Ibid.*, p. 111. Цит. по: Clarke L. *Sons of a Soldier of the Revolution*. Boston, 1846, p. 127.
- ^{xv} Stamp, *op. cit.*, p. 57.
- ^{xvi} Ball Ch. *Slavery in the United States: A Narrative of the Life and Adventures of Charles Ball, a Black Man*. Lewistown, Pa: J. W. Shugert, 1836, p. 150—151. Цит. по: Lerner G., ed. *Black Women in White America: A Documentary History*. New York, Pantheon Books, 1972, p. 48.
- ^{xvii} Grandy M. *Narrative of the Life of Moses Grandy: Late a Slave in the United States of America*. Boston, 1844, p. 18. Цит. по: Frazier F. E. *The Negro Family in the United States*. Chicago, University of Chicago Press, 1969, First edition, 1939.
- ^{xviii} *Ibid.*
- ^{xix} Starobin R. *Industrial Slavery in the Old South*. London, Oxford, New York, Oxford University Press, 1970, p. 165 ff.
- ^{xx} *Ibid.*, p. 164—165.
- ^{xxi} *Ibid.*, p. 165.
- ^{xxii} *Ibid.*, p. 165—166.
- ^{xxiii} «Работа на металлургических заводах и рудниках также вынуждала рабынь и детей волочить вагоны и тащить руду в дробильню и топку». *Ibid.*, p. 166.
- ^{xxiv} Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 405—406.
- ^{xxv} Starobin, *op. cit.*, p. 166. В своей книге Старобин пишет: «Рабовладельцы по-разному использовали труд женщин и детей для повышения конкурентоспособности продукции Юга. Прежде всего рабынь и их детей было дешевле, чем мужчин, превратить в рабочую силу и содержать. Джон Е. Калхаун, владелец текстильных предприятий из Южной Каролины, подсчитал, что содержание детей рабов обходится всего в две трети от расходов на содержание взрослых рабов-рабочих. Другой каролинец подсчитал, что разница в цене рабочей силы раба и рабыни даже больше, чем такая разница между свободным и рабом. Свидетельства предпринимателей, использовавших труд рабынь и детей, подтверждают, что они тем самым в значительной степени сокращали свои производственные издержки».
- ^{xxvi} Olmsted F. L., *A Journey in the Black Country*. New York, 1860, p. 14—15. — In: Stamp, *op. cit.*, p. 34.
- ^{xxvii} См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 324: «Труд есть живой, преобразующий огонь, он есть брэнность вещей, их временность, выступающая как их формирование живым временем».
- ^{xxviii} Цит. по: Staples R., ed. *The Black Family: Essays and Studies*. Belmont, Cal, Wadsworth Publishing Company, Inc., 1971, p. 37. См. также: Bracy J., Jr., Meier A., and Hudwick E.M. eds. *Black Matriarchy; Myth or Reality*, Belmont, Cal., Wadsworth Publishing Company, Inc., 1971, p. 140.
- ^{xxix} Brace y, *op. cit.*, p. 81. См. статью: Rainwater L *Crucible of Identity: The Negro Lower-Class Family*, ранее опубликованную в «Daedalus», v, XCV, Winter, 1966, p. 172—210.

^{xxx} Ibid., p. 98.

^{xxxi} Ibid.

^{xxxii} Frazier, op. cit.

^{xxxiii} Op. cit., p. 102.

^{xxxiv} Gutman, op. cit.

^{xxxv} Первая глава книги Гутмана называлась «Пришли мне пряди волос моих детей». Это была просьба мужа-раба в письме к его жене, с которой его насильно разлучили, продав другому хозяину. В письме говорится: «Пришли мне пряди их волос в отдельном конверте и подпиши их имена... Не родилась та женщина, которая была бы мне ближе, чем ты. Ты сейчас переживаешь, как и я. Скажи детям: они должны помнить, что у них хороший отец, который заботится о них и всегда о них думает... Лаура, я люблю тебя по-прежнему. Моя любовь к тебе никогда не угаснет» (Gutman, op. cit., p. 6—7).

^{xxxvi} Gutman, op. cit., ch. 3, 4.

^{xxxvii} Ibid. p. 356—357.

^{xxxviii} Elkins, op. cit., p. 130.

^{xxxix} Stampp, op. cit., p. 344

^{xl} Davis A. The Black Woman's Role in the Community of Slaves. — «Black Scholar», v. III, № 4, December, 1971.

^{xli} Genovese. Roll, Jordan., Roll. См. часть II, особенно разделы «Мужья и отцы» и «Жены и матери».

^{xlii} Ibid., p. 500.

^{xliii} Ibid.

^{xliv} Ibid.

^{xlv} Aptheker, op. cit., p. 145, 169, 173, 181, 182, 201, 207, 215, 239, 241—242, 251, 259, 277, 281, 287.

^{xlvi} Douglass F. The Life and Times of Frederick Douglass. New York, Collier, London, Collier-Macmillan. Ltd., 1962. Перепечатано с переработанного издания 1892 года. См. особенно гл. 5 и 6.

^{xlvii} Ibid., p. 46.

Ф. Дуглас пишет:

«Один из первых случаев, открывших мне глаза, на жестокость и порочность рабства и его озлобляющее воздействие на моего старого хозяина, произошел с молодой женщиной, моей двоюродной сестрой, жестоко оскорбленной и избитой надсмотрщиком в Туахо. Хозяин отказался защитить ее. Этот надсмотрщик, некий мистер Пламмер, был, как большинство ему подобных, лишен человеческого облика и в дополнение к распутству и омерзительной грубости был еще и ничтожным пьяницей, человеком, не пригодным даже в погонщики мула. Однажды в состоянии пьяного безумия он совершил насилие, которое заставило молодую женщину обратиться к моему хозяину за защитой... Ее шея и плечи были покрыты свежими шрамами и, не довольствуясь ударами бича, трусливый негодяй разбил ей голову дубинкой, оставив ужасную рану, ее лицо было залито кровью».

^{xlviii} Ibid., p. 48—49.

^{xlix} Ibid., p. 52.

^l Wertheimer, op. cit., p. 113—114.

Герда Лернер приводит несколько иную версию этого побега: «В канун рождества 1855 года шесть молодых рабов, воспользовавшись праздником, взяли лошадей и повозку своего хозяина, покинули Лоудон, штат Виргиния, и через два дня, не останавливаясь ни на минуту, в снег и стужу, оказались в федеральном округе Колумбия. Среди бежавших были: Бэрнеби Григби — мулат, 26 лет, его жена — Элизабет, 22 лет (принадлежала другому хозяину), ее сестра Энн Вуд, 22 лет, невеста руководителя группы Фрэнка Уанзера. В группе было еще двое молодых людей».

^{li} Показания Сары Гримке в кн. Welld T. D. American Slavery As It Is: Testimony of a Thousand Witnesses. New York., American Anti-Slavery Society, 1839. Цит. по: Lerner, op. cit., p. 19.

^{lii} Ibid.

^{liii} Aptheker. The Negro Woman, p. 11.

^{liv} Ibid., p. 11—12.

^{lv} Aptheker. Slave Guerilla Warfare. — In: To Be Free. p. 11.

^{lvi} Aptheker. American Negro Slave Revolts, p. 259.

^{lvii} Ibid., p. 280.

^{lviii} Lerner, op. cit., p. 32—33.

Г. Лернер пишет: «[В Натчезе, штат Луизиана, были] две школы, где преподавали цветные учителя. Одной из них была рабыня, которая в течение года вела занятия в школе по ночам. Занятия начинались в одиннадцать или двенадцать, ночи, а заканчивались в два часа... Милла Грэнсон, учительница, выучилась читать и писать у детей своего снисходительного хозяина в старом доме в штате Кентукки. У нее было всегда двенадцать учеников. Когда они уходили, научившись писать и читать, на их место приходило то же «апостольское» число учеников, которым она отдавала все, что могла... Таким образом она обучила сотни человек. Многие из них сами выписали себе пропуска и отправились в Канаду». Цит. по: Haviland L. S. A Woman's Life-Work, Labors and Experiences, Chicago, Publishing Association of Friends, 1889, p. 300—301.

^{lix} Haley A. Roots: The Saga of an American Family. Garden City, New York. Doubleday and Co., 1978, с 66, 67.

^{lx} Bradford S. Harriet Tubman: The Moses of Her People, New York, Corinth Books, 1961. Reprinted from the 1886 edition; Petry A. Harriet Tubman, Conductor on the Underground Railroad. New York, Pocket Books, 1971. First edition 1955.

^{lxi} Eisen-Bergman A. Women in Vietnam. San Francisco, People's Press, 1975, p. 63.

^{lxii} Ibid., p. 62. «Когда мы проходили через деревни я обыскивали людей, женщины должны были раздеваться догола, а солдаты при «обыске» женщин насиловали их. Это было изнасилованием, а не обыском», Цит. по: Scott G. First Marine Division in WAW. — Winter Soldgier Investigation. Boston, Beacon Press, 1972, p. 13.

^{lxiii} Ibid., p. 71. Цит. по: Winter Soldgier Investigation, p. 14.

^{lxiv} Blassingame, op. cit., p. 83.

^{lxv} Genovese. Roll, Jordan, Roll, p. 415.

- lxvi Ibid., p. 419.
- lxvii Jones G. Corregidora. New York, Random House, 1975.
- lxviii Frazier, op. cit., p. 69.
- lxix Ibid., p. 53.
- lxx Ibid., p. 70.
- lxxi Stowe H. B. Uncle Tom's Cabin. New York, New American Library, Signet Books, 1968, p. 27.
- lxxii Ibid., p. 61.
- lxxiii Ibid., p. 72.
- lxxiv Douglass, op. cit., p. 469.
- lxxv Ibid., p. 472.
- lxxvi Ibid.
- lxxvii Ibid.
- lxxviii Stowe, op. cit.
- Фредерик Дуглас в своей автобиографии писал следующее: «В период массовых провалов побегов рабов вышла книга «Хижина дяди Тома», удивительной глубины и силы. Ничто не могло лучше, чем эта книга, ответить требованиям морали и человечности в тот момент. Ее эффект тогда был огромным и всеобщим. Ни одна книга о рабстве так широко и сильно не затронула сердца американцев. Она вобрала в себя весь пафос, всю силу предыдущих публикаций на эту тему и была восторженно встречена многими как книга, побуждающая к действию»
- lxxix Stowe, op. cit., p. 107.
- lxxx См.: Ehrenreich B. and English D. Microbes and Manufacture of Housework. Ch. 5 of «For Her Own Good: 150 Years of the Expert's Advice to Women», Garden City. New York, Anchor Press/Doubleday, 1978; Also Oakley A. Women's Work: The Housewife Past and Present New York, Vintage Books, 1976.
- lxxxi См.: Flexner E. Century of Struggle? The Women's Rights Movement in the U. S. New; York, Atheneum, 1973. Also Ryan M. P. Womanhood in America. New York, New Viewpoints, 1975.
- lxxxii См.: Aptheker. Nat Turner's Slave Rebellion. New York, Humanities Press, 1966; Robinson H. H. Loom and Spindle or Life Among the Early Mill Girls. Kailua, Hawaii, Press Pacifica, 1976; Also Wertheimer, op. cit., and Flexner, op. cit.
- lxxxiii Robinson, op. cit., p. 51.
- lxxxiv См. дискуссию по поводу этой тенденции приравнять институт брака к браку во времена рабства в кн.: Alien P. Woman Suffrage: Feminism and White Supremacy; Allen R. Reluctant Reformers. Washington, D. C. Howard University Press, 1974, p. 136.
- lxxxv Wertheimer, op. cit., p. 106.
- lxxxvi См.: Flexner, op. cit., p. 38—40. Also Sillen S. Worn en Against Slavery. New York, Masses and Mainstream, Inc., 1955, p. 11-16.
- lxxxvii Sillen, op. cit., p. 13.
- lxxxviii Ibid.
- lxxxix Ibid., p. 14.
- xc «Liberator», January 1, 1831. Цит. по: Foster W. The Negro People in American History. New York, International Publishers, 1970, p. 108.
- xcI Sillen, op. cit., p. 17.
- xcii Ibid.
- xciii Первой женщиной, публично выступившей в США, была лектор и писатель Фрэнсис Райт, родившаяся в Шотландии. . (См.: Flexner, op. cit., p. 27—28.) А первой коренной, родившейся в США американкой, выступившей в 1832 году с четырьмя лекциями в Бостоне, была черная Мария У. Стьюарт. (См.: Lerner, op. cit., p. 83.)
- xciv Flexner, op. cit., p. 42. См. текст конституции Женского антирабовладельческого общества в Филадельфии в книге: Papachristou, ed. Women Together: A History in Documents of the Women's Movement in the United States. New York. Alfred A. Knopf, Inc., A Ms. Book, 1976, p. 4—5.
- xcv Sillen, op. cit., p. 20.
- xcvi Ibid., p. 21—22.
- xcvii Ibid., p. 25.
- xcviii Flexner, op. cit., p. 51.
- xcix Ibid.
- c Stanton E. C, Antony S. B. and Gage M. J. History of Woman Suffrage, v. 1 (1848—1861), New York, Fowler and Wells, 1881, p. 52.
- ci Papachristou, op. cit., p. 12. См. анализ Герды Лернер в пасторальном письме, опубликованном в ее работе: The Grimke Sisters from South Carolina: Pioneers for Women's Rights and Abolition, New York, Schocken Books, 1971, p. 189.
- cii Papachristou, op. cit., p. 12.
- ciii Ibid.
- civ Сара Гримке начала публиковать свои «Letters on the Equality of the Sexes» в июле 1937 г. Они появились в «New England Spectator» и были переизданы в «Liberator». См.: Lerner. The Grimke Sisters, p. 187.
- cv Цит. по: Rossi A., ed. The Feminist Papers. New York, Bantam Books, 1974, p. 308.
- cvi Ibid.
- cvii Flexner, op. cit., p. 48; Lerner. The Grimke Sisters, p. 201.
- cviii Grimke A, Appeal to the Women of the Nominally Free States. N. Y., W. S. Dorr, 1838, p. 13—14.
- cix Ibid., p. 21.
- cx Flexner, op. cit., p. 47.

- cxⁱ Lerner. The Grimke Sisters, p. 353.
- cxⁱⁱ Stanton et al. History of Woman Suffrage, v. 1, p. 62.
- cxⁱⁱⁱ Ibid., p. 60 (note).
- cx^{iv} Hole J. and Levine E. The First Feministe. — In: Koedt A., Levine E. and Rapone A., eds. Radical Feminism. New York, Quadrangle, 1973, p. 6.
- cx^v Stanton E. C. Eighty Years and More: Reminiscences 1815—1897. New York, Schocken Books, 1917, Ch. 5.
- cx^{vi} Stanton et al. History of Woman Suffrage, v. 1, p. 62.
- cx^{vii} Ibid., p. 81
- cx^{viii} Ibid.
- cx^{ix} Ibid.
- cx^x Remond Ch, The World Anti-Slavery Conference, 1840.—«Liberator», October 16, 1840, переиздано: Aptheker. A Documentary History, v. 1, p. 196.
- cx^{xi} Ibid.
- cx^{xii} Ibid.
- cx^{xiii} Stanton et al. History of Woman Suffrage, v. 1, p. 53.
- cx^{xiv} Stanton. Eighty Years and More, p. 33.
- cx^{xv} Ibid., p. 147—148.
- cx^{xvi} Douglass, op. cit., p. 473.
- cx^{xvii} Flexner, op. cit., p. 70; Allen, op. cit., p. 133.
- cx^{xviii} «North Star»/ July 28, 1848, Цит. по: Ph. Foner, ed. The Life and Writings of Frederick Douglass, v. 1. New York, International Publishers, 1950, p. 321.
- cx^{xix} Walker S. J. Frederick Douglass and Woman Suffrage. — «Black Scholar», v. IV, № 6—7, March — April 1973, p. 28.
- cx^{xx} Stanton. Eighty Years and More, p. 149.
- cx^{xxi} Ibid.
- cx^{xxii} Gurko M. The Ladies of Seneca Falls: The Birth of the Women's Rights Movement. New York, Schocken Books, 1976, p. 105.
- cx^{xxiii} См.: «Declaration of Sentiments». — la: Papachristou, op. cit, p. 24—25.
- cx^{xxiv} Ibid., p. 25.
- cx^{xxv} Ibid.
- cx^{xxvi} Baxandall R., Gordon L., Reverby S.. eds. America's Working Women: a Documentary History—1600 to the Present. New York, Random House, 1976, p. 46.
- cx^{xxvii} Wertheimer, op. cit., p. 66.
- cx^{xxviii} Ibid, p. 67.
- cx^{xxix} Baxandall, op. cit, p. 66.
- cx^l Wertheimer, op. cit., p. 74.
- cx^{li} Ibid, p. 103.
- cx^{lii} Ibid, p. 104.
- cx^{liii} Papachristou, op. cit, p. 26.
- cx^{liv} Lerner. The Grimke Sisters, p. 335.
- cx^{lv} Wertheimer, op. cit, p. 104.
- cx^{lvi} Lerner. The Grimke Sisters, p. 159.
- cx^{lvii} Ibid, p. 158.
- cx^{lviii} Текст речи Марии Стюарт в 1833 г. См.: Lerner, Black Women in White America, p. 563 ff.
- cx^{lix} Lerner. Black Women in White America, p. 83; Flexner, op. cit, p. 44—45.
- cl Aptheker. A Documentary History, v. I, p. 89.
- cli Douglass, op. cit, p. 268.
- clii Walker, op. cit, p. 26.
- cliii Foner. The Life and Writings of Frederick Douglass, v.2, p. 19.
- cliv Stanton et al. History of Woman Suffrage, v. 1, p. 115—117. '
- clv Ibid.
- clvi Ibid.
- clvii Ibid.
- clviii Ibid.
- clix Ibid.
- clx Ibid.
- clxi Ibid.
- clxii Ibid.
- clxiii Ibid.
- clxiv Ibid.
- clxv Ibid.
- clxvi Ibid, p. 567—568 (полный текст речи). Также см.: Lerner. Black Women in White America, p. 568 ff.
- clxvii Franklin J. H. From Slavery to Freedom. New York Vintage Books, 1969, p. 253.
- clxviii Sillen, op. cit, p.86.
- clxix Foster, op. cit, p. 115—116.

- clxx Flexner, op. cit., p. 108.
- clxxi Ibid.
- clxxii Foster, op. cit., p. 261.
- clxxiii Gurko, op. cit., p. 211.
- clxxiv Lerner. *The Grimke Sisters*, p. 353.
- clxxv Ibid., p. 354.
- clxxvi Ibid.
- clxxvii Ibid.
- clxxviii Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23; с. 309.
- clxxix Stanton E. G, Antony S. B. and Gage M. J, eds., *History of Woman Suffrage*, v. 2 (1881—1876), Rochester. N Y Mann Ch., 1887, p. 94—95 (note).
- clxxx Ibid., p. 172.
- clxxxi Ibid., p. 159.
- clxxxii Ibid., p. 188.
- clxxxiii Ibid., p. 216.
- clxxxiv Stanton. *Eighty Years and More*, p. 240.
- clxxxv Ibid., p. 240-241.
- clxxxvi Ibid., p. 241.
- clxxxvii Gurko, op. cit., p. 213.
- clxxxviii Ibid.
- clxxxix Stanton et al. *History of Woman Suffrage*, v. 2, p. 214.
- cx Flexner. op. cit., p. 144.
- cxci Allen, op. cit., p. 143.
- cxcii Foner. *The Life and Writings of Frederick Douglass*, v. 4, p. 167. Этот отрывок взят из речи «Необходимость продолжения антирабовладельческой деятельности», произнесенной Ф. Дугласом на XXXII съезде Американского антирабовладельческого общества 9 мая 1865 года, Впервые опубликована в «Либерейторе» 28 мая 1865 года.
- cxciii Ibid., p. 17.
- cxniv Ibid., p. 41.
- cxv Aptheker. *A Documentary History*, v. 2, p. 553—554. — «Memphis Riots and Massacres». Report № 10i, House of Representatives, 39th Cong., 1st Sess., p. 160—161, 222—223.
- cxvi Foster, op. cit., p. 261.
- cxvii DuBois W. E. B. *Black Reconstruction in America*. Cleveland and New York, Meridian Books, 1964, p. 670.
- cxviii Ibid., p. 671.
- cxvix Ibid., p. 672.
- cc По мнению Ф. Фонера, «Дуглас возражал против восхваления Сьюзен Б. Энтони той поддержки, которую Джеймс Брукс оказал на съезде избирательному праву женщин. Дуглас указывал, что это просто «уловка врага, атакующего и угрожающего правам черных мужчин». Брукс, бывший издатель нью-йоркского «Экспресса», яростно антинегритянской, прорабовладельческой газеты, подыгрывал лидерам женского движения, стремясь заручиться их поддержкой в борьбе против избирательных прав черных. Дуглас предупреждал, что если женщины не разберутся в этих ухищрениях бывших рабовладельцев и их союзников на Севере, то «в нашей семье будет беда». Foner. *The Life and Writings of Frederick Douglass*, v. 4, p. 41—42.
- cci Stanton et al. *History of Women Suffrage»* v. 2, p. 245.
- ccii Stanton. *Eighty Years and More*, p. 258.
- cciii Gurko, op. cit., p. 223.
- cciv Ibid., p. 223-224.
- ccv Ibid., p. 221. См. также: Stanton. *Eighty Years and More*, p. 256.
- ccvi Stanton et al. *History of Woman Suffrage*, v. 2, p. 382.
- ccvii Foner. *The Life and Writings of Frederick Douglass*, v. 4, p. 44.
- ccviii Ibid.
- ccix Ibid.
- ccx Stanton et al. *History of Woman Suffrage*, v. 2, p. 222; Lerner, *Black Women in White America*, p. 569.
- ccxi Foner. *The Life and Writings of Frederick Douglass*, v. 4, p. 212 (Letter to Josephine Sohpie White Griffin, Rochester, September 27, 1988).
- ccxii Stanton et al. *History of Woman Suffrage*, v. 2, p. 928, Соджориер Трус критиковала подход Генри У, Бичера к вопросу об избирательных правах. См. анализ Аллена, op. cit., p. 148.
- ccxiii Stanton et al. *History of Woman Suffrage*, v. 2, p. 391. Фрэнсис Е. У. Харпер указала собравшимся на угрозу расизма, рассказав о положении в Бостоне, где 60 белых женщин покинули работу в знак протеста против приема на работу одной черной женщины.
- ccxiv Allen, op. cit., p. 145.
- ccxv Stanton et al. *History of Woman Suffrage*, v. 2, p. 214; Allen, op. cit., p. 146.
- ccxvi DuBois. *Darkwater*, p. 113.
- ccxvii Wertheimer, op. cit., p. 228.
- ccxviii Aptheker. *A Documentary History*, v. 2, p. 747; *Tenant Farming in Alabama, 1889*. — «The Journal of Negro Education», XVII, 1948, p. 46 ff.

- ^{ccxix} Aptheker. A Documentary History, v. 2, p. 689. Texas State Convention of Negroes, 1883.
- ^{ccxx} Ibid., p. 690.
- ^{ccxxi} Aptheker. A Documentary History, v. 2, p. 704, Founding Convention of Afro-American League, 1890.
- ^{ccxxii} DuBois. Black Reconstruction in America, p. 698.
- ^{ccxxiii} Ibid.
- ^{ccxxiv} Ibid., p. 699.
- ^{ccxxv} Ibid., p. 698.
- ^{ccxxvi} Aptheker. A Documentary History of the Negro People in the United States, v. 1. Secaucus N. The Citadel Press, 1973, p. 46. A Southern Domestic Worker Speaks, «The Independent», v. LXXII, January 25, 1912.
- ^{ccxxvii} Ibid., p. 46.
- ^{ccxxviii} Ibid., p. 47.
- ^{ccxxix} Ibid., p. 50.
- ^{ccxxx} Ibid.
- ^{ccxxxi} Ibid., p. 49.
- ^{ccxxxii} Ibid.
- ^{ccxxxiii} Ibid.
- ^{ccxxxiv} Ibid.
- ^{ccxxxv} Lerner. Black Women in White America, p. 462. «The Colored Women's Statement to the Women's Missionary Council, American Missionary Association».
- ^{ccxxxvi} Aptheker. A Documentary History, v. 1, p. 49.
- ^{ccxxxvii} DuBois, Darkwater, p. 116.
- ^{ccxxxviii} Ibid., p. 115.
- ^{ccxxxix} Eaton I. Special Report on Domestic Service. In: DuBois W. E. B. The Philadelphia Negro, New York, Schocken Books, 1967, First edition, 1899, p. 427.
- ^{ccxl} Ibid.
- ^{ccxli} Ibid., p. 428.
- ^{ccxlii} Ibid.
- ^{ccxliiii} Ibid., p. 465.
- ^{ccxliv} Ibid., p. 484.
- ^{ccxlv} Ibid., p. 485.
- ^{ccxlvi} Ibid.
- ^{ccxlvii} Ibid., p. 484.
- ^{ccxlviii} Ibid., p. 449. Итон представляет доказательства, которые «указывают на возможность того, что среди женщин в домашнем услужении по крайней мере нет различия в оплате труда белых и черных...».
- ^{ccxlix} Lerner. Black Women in White America, p. 229—231; Mitchell L. Slave Markets Typify Exploitation of Domestics.— «The Daily Worker», May 5, 1940.
- ^{cel} Lerner G. The Female Experience: An American Documentary. Indianapolis, Bobbs-Merrill, 1977, p. 269.
- ^{celi} Ibid., p. 268.
- ^{celii} Wertheimer, op. cit., p. 182—183.
- ^{celiii} Lerner. Black Women in White America, p. 232.
- ^{celiv} Goodman I. A Nine-Hour Day for Domestic Servante.— «The Independent», v. LIX, February 13, 1902. — In: Baxandall et al, op. cit., p. 213—214.
- ^{celv} Lerner. The Female Experience, p. 268.
- ^{celvi} Jackson J. J. Black Women in a Racist Society. — In Willie Ch., ed. Racism and Mental Health. Pittsburgh, University of Pittsburgh Press, 1973, p. 236.
- ^{celvii} Ibid.
- ^{celviii} DuBois. Darkwater, p. 115.
- ^{celix} DuBois. Black Reconstruction in America. Ch. V.
- ^{celx} Ibid., p. 122.
- ^{celxi} Ibid., p. 124.
- ^{celxii} Ibid.
- ^{celxiii} Ibid.
- ^{celxiv} Ibid., p. 123.
- ^{celxv} Douglass, op. cit., p. 79.
- ^{celxvi} Ibid.
- ^{celxvii} Watkins and David, op. cit., p. 18.
- ^{celxviii} Aptheker. A Documentary History, v. 1, p. 493.
- ^{celxix} Ibid., p. 19.
- ^{celxx} Ibid.
- ^{celxxi} Wertheimer, op. cit., p. 35—36.
- ^{celxxii} Lerner. Black Women in White America, p. 76.
- ^{celxxiii} См. гл. 2 настоящего издания.
- ^{celxxiv} Foner. The Life and Writings of Frederick Douglass, v. 4, p. 553 (note 16).

- celxxv Ibid., p. 371 ff.
- celxxvi Ibid., p. 372.
- celxxvii Ibid.
- celxxviii Ibid., p. 371.
- celxxix Ibid.
- celxxx Flexner, op. cit., p. 99.
- celxxxi Ibid., p. 99-101.
- celxxxii Foner, op. cit., v. 4, p. 373.
- celxxxiii Aptheker. A Documentary History, v. 1, p. 157—158.
- celxxxiv Ibid.
- celxxxv Goodell W. The American Slave Code. N. Y. American and Foreign Anti-Slavery Society, 1853, p. 321. — In: Elkins, op. cit., p. 60.
- celxxxvi Ibid.
- celxxxvii Genovese. Roll, Jordan, Roll, p. 565.
- celxxxviii Lerner. Black Women in White America, p. 27 and p. 99 ff.
- celxxxix Ibid., p. 32ff.
- cxex DuBois. Black Reconstruction in America, p. 123.
- cxexi Bennett L. Before the- Mayflower. Baltimore, Penguin Books, 1969, p. 181.
- cxexii Foster, op. cit, p. 321.
- cxexiii DuBois. Black Reconstruction in America, p. 638.
- cxexiv Lerner. Black Women in White America, p. 102.
- cxexv Ibid., p. 103.
- cxexvi Ibid.
- cxexvii Ibid., p. 104-105.
- cxexviii Franklin, op. cit., p. 308.
- cxexix DuBois. Black Reconstruction in America, p. 667.
- ccc Wells I. B. Crusade for Justice: The Auto-Biography of Ida B. Wells, edited by Alfreda M. Duster. Chicago and London, University of Chicago Press, 1970, p. 228—229.
- ccci Ibid.
- cccii Ibid., p. 230.
- ccciii Ibid.
- ccciv См.: Kraditor A., ed. Up From the Pedestal: Selected Writings in the History of American Feminism. Chicago, Quadrangle, 1963. Аргументированные доказательства «принципа целесообразности», см. ч. II, гл. 5 и 6.
- cccv Aptheker H. Afro-American History: The Modern Era. N. Y., The Citadel Press, 1971, p. 100.
- cccevi Ibid.
- cccevii Wells, op. cit, p. 100.
- ccceviii Ibid., p. 229.
- ccceix Anthony S. B. and Harper I. H., eds. History of Woman Suffrage, v. 4, Rochester, 1902, p. 246.
- cccex Ibid.
- cccexi Stanton et al. History of Woman Suffrage, v. 2, p. 930.
- cccexii Ibid, p. 931.
- cccexiii Ibid.
- cccexiv Ibid., p. 248.
- cccexv Anthony and Harper. History of Woman Suffrage, v. 4, p. 216.
- cccexvi Aptheker. A Documentary History, v. 2, p. 813.
- cccexvii Anthony and Harper. History of Woman Suffrage, v. 4, p. 328.
- cccexviii Ibid., p. 333.
- cccexix Ibid.
- cccexx Ibid., p. 343.
- cccexxi Kraditor A. The Ideas of the Woman Suffrage Movement. N. Y. Doubleday/Anchor, 1971, p. 143.
- cccexxii Wells, op. cit., p. 100.
- cccexxiii Aptheker. A Documentary History, v. 2, p. 796—797, 798.
- cccexxiv Ibid., p. 789.
- cccexxv Ibid., p. 789-790.
- cccexxvi Ibid., p. 790.
- cccexxvii Ibid., p. 799.
- cccexxviii Herper H.H., ed. History of Woman Suffrage, v. 5. N.Y., J.J. Little and Ives Co., 1902, p.5.
- cccexxix Ibid.
- cccexxx Ibid.
- cccexxxi Ibid., p. 6.
- cccexxxii Ibid., p. 80.
- cccexxxiii Ibid., p. 81.
- cccexxiv Papachristou, op. cit, p. 144.

- cecxv Ibid.
- cecxvi Ibid.
- cecxvii Ibid.
- cecxviii Franklin J. H. and Starr I., eds. *The Negro in Twentieth Century America*. N. Y., Vintage Books, 1967, p. 68—69.
- cecxix Ibid., p. 40.
- cecxl Papachristou, op. cit, p. 144.
- cecxli Harper. *History of Woman Suffrage*, v. 5, p. 83.
- cecxlii Ibid.
- cecxliii Ibid.
- cecxliv Lerner. *Black Women in White America*, p. 447—450.
- cecxlv Wells, op. cit, p. 271.
- cecxlvi Ibid.
- cecxlvii O'Neill W. L. *The Woman Movement? Feminism in the United States and England*. Chicago, Quadrangle, 1969, p. 47ff.
- cecxlviii Ibid., p. 48.
- cecxlix Ibid.
- cecxl Ibid., p. 48-49.
- cecxli Wertheimer, op. cit., p. 195.
- cecxlii Wells, op. cit., p. 78.
- cecxliii Ibid.
- cecxliv Ibid., p. 78—79.
- cecxlv Ibid., p. 81.
- cecxlvi Ibid.
- cecxlvii Ibid.
- cecxlviii Ibid.
- cecxlix Ibid., p. 83.
- cecxl Ibid., p. 117.
- cecxli Ibid., p. 121.
- cecxlii Ibid., p. 121-122.
- cecxliii Ibid.
- cecxliv Ibid.
- cecxlv Ibid;
- cecxlvi Ibid., p. 8.
- cecxlvii Ibid., p. 242.
- cecxlviii Ibid.
- cecxlix Lerner. *Black Women In White America*, p. 575—576.
- cecxl Ibid., p. 576.
- cecxli Ibid., p. 575—576.
- cecxlii Ibid., p. 444.
- cecxliiii Wells, op. cit., p. 78.
- cecxliv Ibid.
- cecxlv Lerner. *Black Women in White America*, p. 206 ff
- cecxlvi Wells, op. cit, p. 260.
- cecxlvii Baxandall, op. cit, p. 83,
- cecxlviii Ibid.
- cecxlix Wertheimer, op. cit, p. 161.
- cecxl Ibid.
- cecxlii Foner Ph. *Organised Labor and the Black Worker 1619—1973*. Ni Y., International Publishers, 1973, p. 34.
- cecxliii Ibid.
- cecxliiii The Ballot— Bread, Virtue, Power, «Revolution», January% 1868; Цит. по: William L. O'Neill. *Everyone Was Brave: The Rise and Fall of Feminism in America*. Chicago, Quadrangle, 1971, p. 19.
- cecxliiii Wertheimer, op. cit, p. 166, 167.
- cecxliiii Proceedings, National Labor Union, August 1869. — «Workingman's Advocate», v. VI, No. 5, September 4, 1869, Цит. по: Baxandall et al., op. cit, p. 109—114.
- cecxliiii Ibid., p. 113.
- cecxliiii O'Neill. *Everyone Was Brave*, p. 20.
- cecxliiii Harper I. H. *The Life and Work of Susan B. Anthony*, v. 2, Indianapolis; 1898, Цит. по: Miriam Schneir, *Feminism: The Essential Historical Writing*. N. Y., Vintage Books, 1972, p. 139—140.
- cecxliiii Schneir, op. cit, p. 138—142.
- cecxlc Proceedings, National Labor Union... Цит. по: Baxandall et al., op. cit, p. 111.
- cecxlei «Susan B. Anthony's Constitutional Argument» 1873.
- cecxleii Ibid. Цит. по: Kraditor. *Up from the Pedestal...* p. 249.
- cecxleiii Harper, *History of Woman Suffrage*, v. 5, p. 352.
- cecxleiv Lerner, *Black Women in White America*, p. 446.

- ccxcv Ibid.
- ccxcvi Ibid.
- ccxcvii Kraditor. The Ideas of the Woman Suffrage Movement, p. 169.
- ccxcviii DuBois W. E. B. A. B. C. of Color. N. Y., International Publishers, 1963, p. 56.
- ccxcix Ibid., p. 57.
- cd Ibid., p. 58.
- cdi Kraditor, The Ideas of the Woman Suffrage Movement, p. 168.
- cdii Editorial. — „The Crisis", IV, September, 1912, p. 234, Цит. по: Aptheker. A. Documentary History, v. 1, p. 56.
- cdiii Ibid., p. 56-57.
- cdiv «The Crisis». X, August, 1915, 178—192. Цит. по: Aptheker. A. Documentary History, v, 1, p. 94—116.
- cdv Ibid., p. 108ff
- cdvi Ibid., p. 104.
- cdvii Ibid., p. 314—315.
- cdviii Foster W. Z. History of the Communist Party of the United States. New York, International Publishers, 1952, p. 28ff
- cdix Ibid., ch. 5.
- cdx Dancis B. Socialism and Women in the United States, 1900—1912. — «Socialist Revolution», No. 27, v. VI, No 1, January—March, 1976, p. 85.
- cdxi Wertheimer, op. cit, p. 281—284.
- cdxii Foster. History of the Communist Party, p. 113.
- cdxiii Ibid. p. 125.
- cdxiv Foster. The Negro People, p. 403.
- cdxv Foner.-Organized-Labor and the Black Worker, p. 107.
- cdxvi Foster. History of the Communist Party, p. 264.
- cdxvii Asbaugh C. Lucy Parsons: American Revolutionary. Chicago Charles H. Kerr Publishing Co., 1976. Published for the Illinois Labor History Society.
- cdxviii Ibid., p. 30—33.
- cdxix Ibid., p. 112.
- cdxx Ibid., p. 117.
- cdxxi Ibid., p. 136.
- cdxxii Ibid., p. 65—66.
- cdxxiii Ibid., p. 66.
- cdxxiv Ibid, p. 217.
- cdxxv Ibid.
- cdxxvi Краткое описание дела Тома Муни имеется в кн.: Foster. History of the Communist Party, p. 131, 380. О деле Скоттсборо см.: Foster. History of the Communist Party, p. 286; Foster. The Negro People, p. 482—483; дело Анджэло Херндона. Foster. History of the Communist Party, p. 288; The Negro People, p. 461, 483.
- cdxxvii Asbaugh, op. cit, p. 261.
- cdxxviii Ibid., p. 267.
- cdxxix North J. Communist Women. — «Political Affairs», v. LI, No. 3, March, 1971, p. 31.
- cdxxx Bloor E. R. We Are Many: An Autobiography. New York, International Publishers, 1940, p. 224.
- cdxxxi Ibid., p. 250.
- cdxxxii Ibid.
- cdxxxiii Ibid., p. 254.
- cdxxxiv Ibid.
- cdxxxv Ibid., p. 255.
- cdxxxvi Ibid.,.
- cdxxxvii Ibid.
- cdxxxviii Ibid., p. 256.
- cdxxxix Ibid.
- cdxl Al Richmond. Native Daughter: The Story of Anita Whitney. San Francisco: Anita Whitney 75th Anniversary Committee. 1942, ch. 4.
- cdxli Ibid., p. 70.
- cdxlii Ibid., p. 78.
- cdxliii Ibid., p. 94.
- cdxliv Ibid., p. 95.
- cdxlv Ibid., p. 95-96.
- cdxlvi Ibid., p. 139.
- cdxlvii Ibid., p. 198.
- cdxlviii Flynn E. G. The Rebel Girl: An Autobiography. New York, International Publishers, 1973, p. 53.
- cdxlix Ibid., p. 62.
- cdl Boyer R. O. Elizabeth Gurley Flynn. — «Masses and Mainstream», May, 1952, p. 7.
- cdli Ibid., p. 12.
- cdlii Vorse M. H. A. Footnote to Folly: Reminiscences. New York, Farrar & Rinehart, Inc., 1935, p. 3—4.

- dxii Wells-Barnett I. B. On Lynching. New York, Arno Press & New York Times, 1969, p. 8
- dxiii Douglass F. The Lesson of the Hour. Pamphlet, 1894 Перепечатано под названием «Why is the Negro Lynched» — In Foner. The Life and Writings of Frederick Douglass, vol.4 p. 498—499.
- dxiv Ibid., p. 501.
- dxv Ibid.
- dxvi Ibid.
- dxvii Ibid., p. 502.
- dxviii Collins, op. cit., p. 58.
- dxix Gager and Schurr, op. cit., p. 163.
- dxix Ibid.
- dxxi Wells-Barnett. On Lynching, p. 59.
- dxiii Foner. The Life and Writings of Frederick Douglass, vol. 4, p. 503.
- dxiii Ibid., p. 499.
- dxxiv Lynchings and What They Mean, General Finding of the Southern Commission on the Study of Lynching. Atlanta 1931, p. 19.
- dxv Цит. по: Lerner. Black Women in White America p. 205—206.
- dxvi Franklin and Starr, op. cit, p. 67.
- dxvii Wells-Barnett. On Lynching, p. 57.
- dxviii Ibid., p. 8.
- dxix Wells. Crusade for Justice, p. 149.
- dxix Ginzburg R. One Hundred Years of Lynchings. New York, Lancer Books, 1969, p. 96.
- dxxi Wells. Crusade for Justice, p. 63.
- dxxi См. гл. 8 настоящего издания.
- dxxi Wells. Crusade for Justice, p. 218.
- dxxi Lerner. Black Women in White America, p. 205—211.
- dxxi Ibid., p. 215.
- dxxi См.: Ames J. D. The Changing Character of Lynching, 1931—1941. New York, AMS Press, 1973.
- dxxi Ibid., p. 19.
- dxxi White, op. cit, p. 3.
- dxxi Ames, op. cit., p. 64.
- dxl White, op. cit., p. 159.
- dxli Foner. Life and Writings of Frederick Douglass, v.4, p. 496.
- dxlii Brownmiller, op. cit, p. 255.
- dxlii Ibid., p. 248—249.
- dxlii Ibid., p. 237.
- dxlii Ibid., p. 233.
- dxlii Gold W.M. et al. Therapeutic Abortions in New York City. A Twenty Year Review, «American Journal Health», v. LV, July, 1965, p. 964-972. Цит. по: Cislá L. Unfinished Business: Birth Control and Women's Liberation. Morgan R., ed. Sisterhood is Powerful: An of Writings From the Women's Liberation Movement. New York Vintage Books, 1970, p. 261. Цит. по: Staples R. The Black Woman in America. Chicago, Nelson Hall, 1974, p. 146.
- dxlii Gutman, op. cit, p. 80—81.
- dxlii Ibid.
- dxlii Arptheke. The Negro Woman, p. 12.
- dxli Baxandall et al., op. cit., p. 17.
- dxli Ibid.
- dxlii Lerner. The Female Experience, op. cit., p. 91.
- dxlii Ibid.
- dxlii Ibid.
- dxlii Marriage of Lucy Stone under Protest. — History of Woman Suffrage, v. 1. Цит. по: Schneir, op. cit., p. 104.
- dxlii Речь Вирджинии Вудхалл «Эликсир жизни», цит. по: Schneir, op. cit., p. 153.
- dxlii Ryan M. P. Womanhood in America from Colonial Times to the Present. New York. Franklin Watts, Inc., 1975, p. 162.
- dxlii Steinfeld M. Our Racist Presidents. San Ramon, California, Consensus Publishers, 1972, p. 212.
- dxlii Mass B. Population Target: The Political Economy of Population Control in Latin America. Toronto, Canada, Women's Educational Press, 1977, p. 20.
- dxlii Linda Gordon, Woman's Body, Woman's Right: Birth Control in America, New York. Penguin Books, 1976, p. 157.
- dxlii Ibid., p. 158.
- dxlii Ibid.
- dxlii Sanger M. An Autobiography, N. Y., Dover Press, 1971, p. 75.
- dxlii Ibid., p. 90.
- dxlii Ibid., p. 91.
- dxlii Ibid., p. 92.
- dxlii Ibid., p. 106.
- dxlii Mass, op. cit., p. 27.
- dxlii Dancis, op. cit., p. 96.

- dlxx Kennedy D. M. Birth Control in America: The Career of Margaret Sanger. New Haven and London, Yale University Press, 1976, p. 21-22.
- dlxxi Mass., op. cit., p. 20.
- dlxxii Gordon, op. cit, p. 281.
- dlxxiii Mass, op. cit., p. 20.
- dlxxiv Gordon, op. cit, p. 283.
- dlxxv Aptheker H. Sterilization, Experimentation and Imperialism. — «Political Affairs», vol. LIII, No. 1, January 1974, p. 44.
- dlxxvi Corea G. The Hidden Malpractice. New York, A Jove/HBJ Book, 1977, p. 149.
- dlxxvii Gordon, op. cit, p. 332.
- dlxxviii Ibid., p. 332—333.
- dlxxix Aptheker. Sterilization, p. 38; Braden A. Forced Sterilization: Now Women Can Fight Back.— «Southern Patriot», September, 1973.
- dlxxx Ibid.
- dlxxxi Slater J. Sterilization, Newest Threat to the Poor, — «Ebony», v. XXVIII, No. 12, October, 1973, p. 150.
- dlxxxii Braden, op. cit.
- dlxxxiii Payne Les. Forced Sterilization for Poor? San Francisco Chronicle, February 26, 1974.
- dlxxxiv Harold X. Forced Sterilization Pervades South. — «Muhammed Speaks», October 10, 1975.
- dlxxxv Slater, op. cit.
- dlxxxvi Payne, op. cit.
- dlxxxvii Ibid.
- dlxxxviii Ibid.
- dlxxxix Aptheker. Sterilization, p. 40.
- dxс Payne, op. cit.
- dxci Aptheker. Sterilization, p. 48.
- dxcii Eisen A. They are Trying to Take Our Future.— Native American Women and Sterilization. — «The Gardian», 23.III.1972.
- dxciіі Ibid.
- dxciііі Ibid.
- dxсiv Цит. по памфлету, изданному комитетом, выступающим против стерилизации. Box A244, Cooper Station. New York 10003.
- dxсv Ibid.
- dxсvі Ibid.
- dxсvіі Ibid.
- dxсvііі Gordon, op. cit, p. 338.
- dxсix Ibid.
- dc Mass, op. cit, p. 92.
- dci Ibid.
- dcii Gordon, op. cit., p. 401.
- dciii Mass, op. cit, p. 108.
- dciv Aman R. Forced Sterilization. «Union Wage», March 4, 1978.
- dcv Ibid.
- dcvi Oakley, op. cit, p. 6.
- dcvii Ehrenreich B. and English D. The Manufacture of Housework. — «Socialist Revolution», No. 26, v. 5, No. 4, October — December 1975, p. 6.
- dcviii Frederick E. Origin of the Family, Private Property and the State, edited, with an Introduction, by Eleanor Bufke Seacock N. Y., International Publishers, 1973. (See: ch. 2.)
- dcix Wertheimer, op. cit, p. 12.
- dcx Ehrenreich and English. The Manufacture of Housework, p. 9.
- dcxi Wertheimer, op. cit., p. 12.
- dcxii Baxandall et al., op. cit. p. 17.
- dcxiii Wertheimer, op. cit, p. 13.
- dcxiv Ehrenreich and English. The Manufacture of Housework, p. 10.
- dcxv Gilman Perkins Ch. The Home: Its Work and Its Influence. Urbana, Chicago, London, University of Illinois press, 1972. Reprint of the 1903 edition, p. 30—31.
- dcxvi Ibid., p. 10.
- dcxvii Ibid., p. 217.
- dcxviii DuBois. Darkwater, p. 185.
- dcxix Речь Полги Форунаты. Цит. по: Edmond W. and Fleming S., eds. All Work and no Pay: Women, Housework and Wages Due! Bristol, England, Falling Wall Press, 1975, P. 18.
- dcxx Costa M. D. and James S. The Power of Women and the Subversion of the Community. Bristol, England, Falling Wall Press, 1973.
- dcxxi Ibid., p. 28.
- dcxxii Inman M. In Woman's Defense. Los Angeles, Committee to Organize the Advancement of Women, 1940; Inman. The Two Forms of Production Under Capitalism. Long Beach, Gal., 1964
- dcxxiii Benston M. The Political Economy of Women's Liberation. — «Monthly Review», v. XXI, № 4, September, 1969.
- dcxxiv On the Economic Status of the Housewife. — In: «Political Affairs», v. LIU, № 3, March, 1974, p. 4.

- dexxv Bernstein EL For Their Triumphs and For Then? Tears: Women in Apartheid South Africa. London, International Defence and Aid Fund, 1975, p. 13.
- dexxvi Landis E. Apartheid and the Disabilities of Black Women in South Africa. — «Objective: Justice», v, VII, N2 1, January — March, 1975, p. 6.
- dexxvii Bernstein, op. cit., p. 33.
- dexxviii Landis, op. cit., p. 6.
- dexxix Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 39, с. 23—24.
- dexxx Известный в США под названием «Черная девушка».
- dexxxi Jackson, op. cit., p. 236—237.
- dexxxii Perlo V. Economics of Racism. U.S.A., Roots of Black Inequality. New York, International Publishers, 1975, p. 24.
- dexxxiii Staples. The Black Woman in America, p. 27.
- dexxxiv «Daily World», July 26, 1977, p. 9.
- dexxxv Costa and James, op. cit., p. 40.
- dexxxvi Sweeney P. Wages for Housework: The Strategy for Women's Liberation. — «Heresies», January, 1977, p. 104.
- dexxxvii Costa and James, op. cit., p. 41.
- dexxxviii Oakley A. The Sociology of Housework. N, Y., Pantheon Books, 1974.
- dexxxix Ibid., p. 65.
- dexl Ibid., p. 44.
- dexli Ibid., p. 53.
- dexlii «Psychology Today», vol. X, 14, September, 1976, p. 76.